

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А.М.ГОРЬКОГО**

**Т.М.ПОТЕМКИНА, О.Н.КОРОЧКОВА,
В.И.СТЕФАНОВ**

ЛЕСНОЕ ТОБОЛО-ИРТЫШЬЕ В КОНЦЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ

МОСКВА 1995

Печатается по постановлению
Ученого Совета Института археологии
Российской Академии наук

П63 Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в
конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). М.: ПАИМС, 1995.

ISBN 5—87664—067—0

В книге опубликованы результаты раскопок многослойного памятника Чудская Гора (эпоха бронзы, раннее и позднее средневековье). В центре внимания исследователей вопросы, связанные с ранним этапом освоения Чудской Горы в XI - IX (VIII) вв. до н.э. Это время в южно-таежном Тоболо-Иртышье отражают сузгунские памятники свиты андроновидных культур.

Изложенная в книге концепция генезиса сузгунской культуры объясняет факторы и механизм трансляции в таежную среду традиций лесостепного и степного населения андроновской общности. Специальный анализ застройки и функционального назначения сооружений сузгунского поселка позволил авторам сформулировать вывод о культовом характере Чудской Горы. Особое внимание уделено выяснению внешних связей сузгунской культуры.

Книга рассчитана на археологов, историков, краеведов.

Работа подготовлена при поддержке гранта Госкомитета Российской Федерации по высшему образованию (конкурс 1993 г. по фундаментальным исследованиям в области гуманитарных наук).

Ответственный редактор:

доктор историч. наук

М.Ф. Косарев

Рецензенты:

доктор историч. наук

В.А. Могильников

доктор историч. наук

Л.Н. Корякова

©Институт археологии РАН

©Уральский госуниверситет

© Т.М. Потемкина

© О.Н. Корочкова

© В.И. Стефанов

ISBN 5—87664—067—0

Обложка художника Сафроновой Н.С.

*Памяти В.Н.Чернецова и
В.И.Мошинской посвящается*

Введение

В истории изучения бронзового века лесного Тоболо-Иртышья было не так много эпизодов, имевших важные научные последствия. Среди событий, которые по праву можно отнести к разряду выдающихся, особо примечательны два. Первым из них, вызвавшим пристальное внимание ученых, стали раскопки жертвенного места Сузгун II близ Тобольска. Яркий, не имевший аналогов в лесной зоне Западной Сибири памятник открыл археологам самобытное культурное образование, связавшее южный мир степных и лесостепных народов с племенами таежного и при-тундрового севера. К сожалению, полная публикация уникальных материалов Сузгуна II так и не была завершена, а планомерные раскопки сузгунских памятников возобновились лишь спустя 25 лет. В 1974 г. было начато исследование еще одного замечательного своей неординарностью памятника - городища Чудская Гора, удаленного от Тобольска почти на 730 км вверх по Иртышу. Среди многих специалистов Чудская Гора приобрела известность, прежде всего, как культовый памятник. В действительности, это верно только отчасти. Как нам кажется, уже сейчас есть основания полагать, что Чудская Гора функционировала в качестве своеобразного административного, военно-политического и религиозного центра большой группы населения. Насколько обоснованно такое предположение, можно судить по данной работе, значительное место в которой занимает характеристика результатов раскопок и анализ вещественных остатков уникального памятника сузгунской культуры конца II - начала I тыс. до н.э.

Идея подготовки этой книги появилась несколько лет назад. Помимо необходимости введения в научный оборот новых материалов, тем более, что речь идет о наиболее полно исследованном на настоящее время сузгунском памятнике, она стимулировалась желанием высказаться по некоторым проблемам сузгунской культуры Тоболо-Иртышья в связи с изучением бронзового века лесостепной полосы Западной Сибири, входящем в круг основных исследовательских интересов авторов.

Последнее обстоятельство по сути предопределило концепцию будущей книги и в известной мере обусловило смещение ак-

центов в область лесостепной проблематики. Не претендуя на всеобъемлющую характеристику сузгунской культуры (таковая сейчас едва ли возможна), мы определили для себя ряд приоритетных вопросов и рассмотрели их несколько подробнее. В их числе: генезис и компонентный состав сузгунской культуры, система ее внешних связей, сюжет о культовых памятниках. Характеристика хозяйственно-бытового уклада, домостроительства, погребального обряда, орудийных комплексов, вопросы локальных особенностей, периодизации и хронологии занимают в данной работе довольно скромное место. Вне нашего внимания оказались проблемы этнической принадлежности и исторических судеб носителей сузгунской культурной традиции и др. Игнорирование одних вопросов и недостаточное внимание к другим объясняется не столько ограниченным объемом работы (хотя и это имело место), сколько трезвой оценкой информативных возможностей имеющихся источников на этот счет.

Небольшой раздел книги посвящен публикации материалов городища потчевашской культуры раннего средневековья (II строительный горизонт Чудской Горы) и поселения сибирских татар XIV-XVI вв. н.э. (III строительный горизонт).

Авторы считают своим долгом выразить искреннюю признательность М.Ф.Косареву - первому исследователю Чудской Горы, по чьей инициативе и при активном содействии которого были продолжены раскопки памятника в 1976-1977 гг. Он же поддержал саму идею данной публикации. Слова особой благодарности мы адресуем В.А.Борзунову и другим нашим коллегам из Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории Уральского университета: А.П.Зыкову, Н.В.Федоровой, Н.К.Стефановой и Л.Н.Коряковой, чья доброжелательная и позитивная критика оказала нам неоценимую услугу в подготовке этой книги. Мы признательны также коллегам и друзьям из Москвы и Екатеринбурга, оказавшим большую помощь в техническом оформлении рукописи и подготовке ее к изданию: Л.Е.Туранской, Н.Ф.Федоровой, А.А.Погодину, Т.И.Корякову и А.Г.Брусницыной.

Глава I. Городище Чудская Гора

Характеристика памятника. - Стратиграфия. - Поселение эпохи бронзы (I строительный горизонт); жилища; сооружения; межжилищное пространство; о застройке и сооружениях сузгунского поселка; характеристика инвентаря; хронология сузгунского поселения. - Чудская Гора в средние века: укрепленное поселение потчевашской культуры (II строительный горизонт); поселение сибирских татар (III строительный горизонт).

Характеристика памятника

Городище Чудская Гора находится в Знаменском районе Омской области, в 1,5 км к северо-востоку от д. Богочаново, на левом берегу р. Иртыш. По своим природно-географическим условиям - это подзона южной тайги (57° с.ш.) (рис.1). В месте расположения памятника Иртыш имеет обширную пойму - до 5-6 км, местами больше, с многочисленными старичными озерами, богатыми рыбой и водоплавающей птицей. В настоящее время пойменные луга широко используются для выпаса скота и под огороды. Лес сплошным массивом тянется вдоль высокого правого берега Иртыша.

Памятник занимает останец материкового иртышского берега высотой 10-12 м, известный среди местного населения под названием Чудская Гора. Он имеет форму вытянутого с юго-запада на северо-восток треугольника (рис.2), острая вершина которого обращена к коренному берегу - в сторону д. Богочаново. К северу и востоку от останца простираются заливные луга. Южный склон Чудской Горы длиной около 400 м круто спускается к старичному оз. Ныр с сильно заболоченными берегами (рис.3, А; 4). От коренного берега Чудская гора отделена небольшим заболоченным логом шириной около 150 м. По дну лога протекает ручей, впадающий в оз. Ныр (рис.5). Сразу за логом на узком мысу коренной террасы находится Богочановское городище (рис.2; 5). От этого места высокий берег тянется на 10-12 км до с. Знаменское.

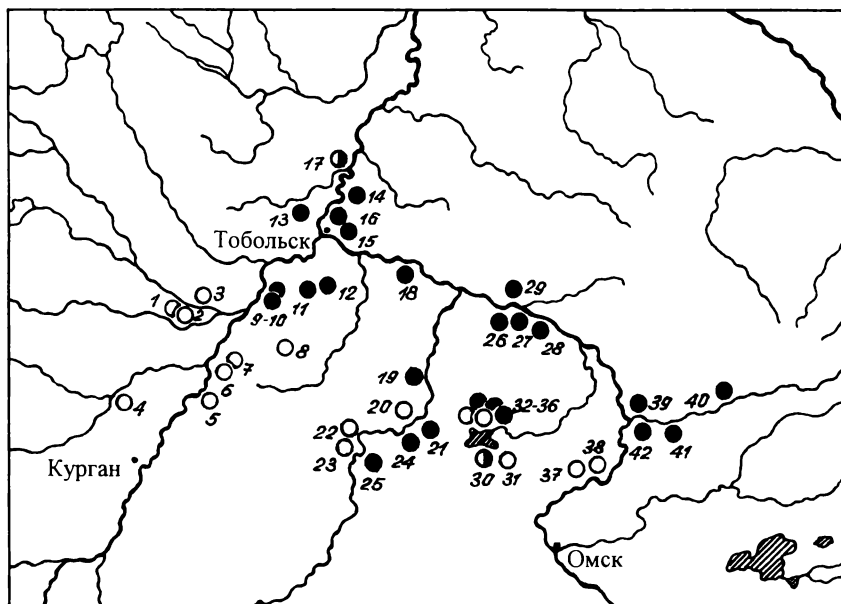
Общая площадь укрепленного поселения на Чудской Горе около 10 тыс. кв.м. Поверхность останца задернована, поросла березовым лесом и кустарником, причем по северному склону лес достаточно густой, а на южном отсутствует (рис.3, А; 4). Системой рвов и валов городище разделено на пять площадок (рис.2). Ров между площадками 1 и 2 имеет ширину по верху до 10 м и глубину 0,7-0,9 м, размеры площадок соответственно 40 и 400

кв.м. Площадка 3 в форме подпрямоугольной трапеции площадью около 900 кв.м отделена от второй площадки рвом шириной 4,2 и глубиной 0,9 м. Возможно, с юго-западной стороны площадки 3 был вал, здесь прослеживаются два сильно оплывших возвышения высотой 0,5-0,6 м, разделенные небольшой седловиной. Наиболее укрепленной является площадка 4, имеющая форму равнобедренной трапеции площадью 1400 кв.м. На ее поверхности хорошо заметны девять жилищных впадин, расположенных вдоль склонов горы и напротив середины восточного вала. Размеры впадин около 6-9х5-8 м, глубина 0,3-0,5 м. Площадка укреплена рвом и валом с юго-западной стороны и двумя рвами и валами с напольной северо-восточной стороны. Глубина ровов от современной поверхности 0,7-1,1 м, высота валов 1,1-1,6 м. Самая большая площадка 5 (3500 кв.м) находится в основании треугольного останца. Поверхность ее ровная, у восточного края расположены три курганные насыпи.

Особо отметим, что на Чудской Горе жилищные впадины прослеживались только на площадке 4.

Городище исследовалось в 1974 г. под руководством М.Ф.Косарева, в 1976-1977 гг. - Т.М.Потемкиной. Раскопками в разной степени изучены площадки 3, 4 и 5 (рис.2). Раскопом I площадью 534 кв.м исследована значительная часть третьей площадки и частично четвертая (ров, вал и впадина 1); раскопом II (20 кв.м) - ров и вал, ограждающие площадку 4 с северо-восточной стороны; раскопом III (12 кв.м), траншеями 1 (15 кв.м) и 2 (24 кв.м) вдоль юго-восточного склона горы, шурфом (4 кв.м) - характер культурных наслоений на площадке 5; траншеей 3 (12 кв.м) - юго-восточный край четвертой площадки. Траншея 4 вошла в сетку раскопа I. Траншея 5 (10 кв.м) заложена на южном склоне горы от берега оз.Ныр по направлению к участку А/6 раскопа I; траншея 6 (6 кв.м) - на северном склоне от подножия по направлению к участку А/6 раскопа I. Последние две траншеи, привязанные к участкам раскопа I, позволили получить информацию о характере отложений на склонах останца в этой части памятника. Общая исследованная площадь городища составила 640 кв.м (менее 10% площади памятника).

В результате проведенных работ установлено, что наиболее ранний этап заселения городища Чудская Гора относится к позднему бронзовому веку. В это время здесь проживало население, известное по памятникам сузгунской культуры (конец II - начало I тыс.до н.э.). Сузгунское поселение, включавшее большое количество строений, занимало центральную часть горы (современные площадки 3 и 4); с юго-западной и северо-восточной сторон оно, по-видимому, было ограждено рвами и

● - памятники сузгунской культуры, ○ - памятники пахомовской культуры, ◐ - памятники смешанного облика (сузгунско-дозьвинские, - красноозерские, - бархатовские и т.д.)

1 - Мысовские стоянки, 2 - стоянки на оз. Андреевском, 3 - Борки, 4 - Нечунаевский могильник, 5 - Ново-Шадрино VII, 6, 7 - Ук III, VI, 8 - Новый Тап, 9, 10 - Чеганово I, II, 11, 12 - Юргаркуль III, IV, 13 - Малое Кугаево, 14 - Нефедово, 15 - Потчевашский II могильник, 16 - Сузгун II, 17 - Лучкино, 18 - Красная Гора, 19 - Викулово, 20 - Лихачевский могильник, 21 - Абатские курганы, 22 - Пахомовская пристань I, 23 - Клепиковское, 24 - Чупино, 25 - Кучум-Гора, 26 - Бобровка, 27 - Богочаново, 28 - Чудская Гора, 29 - Хутор Бор-I, 30 - Калугино-I, 31 - Соколовка I, 32, 32 - Новокарасук-XVI, XVIII, 34, 35 - Усть-Логатка 55, 59, 36 - Крутинка-II, 37 - могильник Черноозерье II, 38 - Инберень IV, 39 - Прорва, 40 - Новочекино, 41 - Юрты, 42 - Красноозерское

Рис.1. Карта памятников андроновидной общности Тоболо-Иртышья

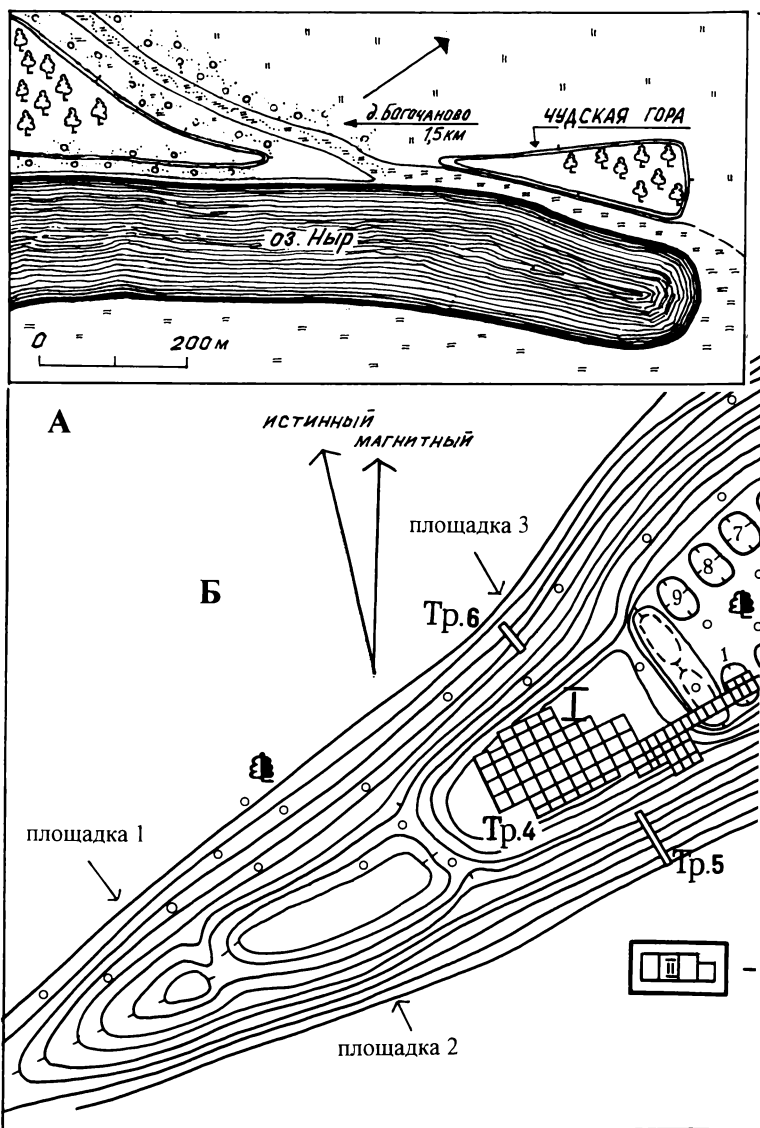
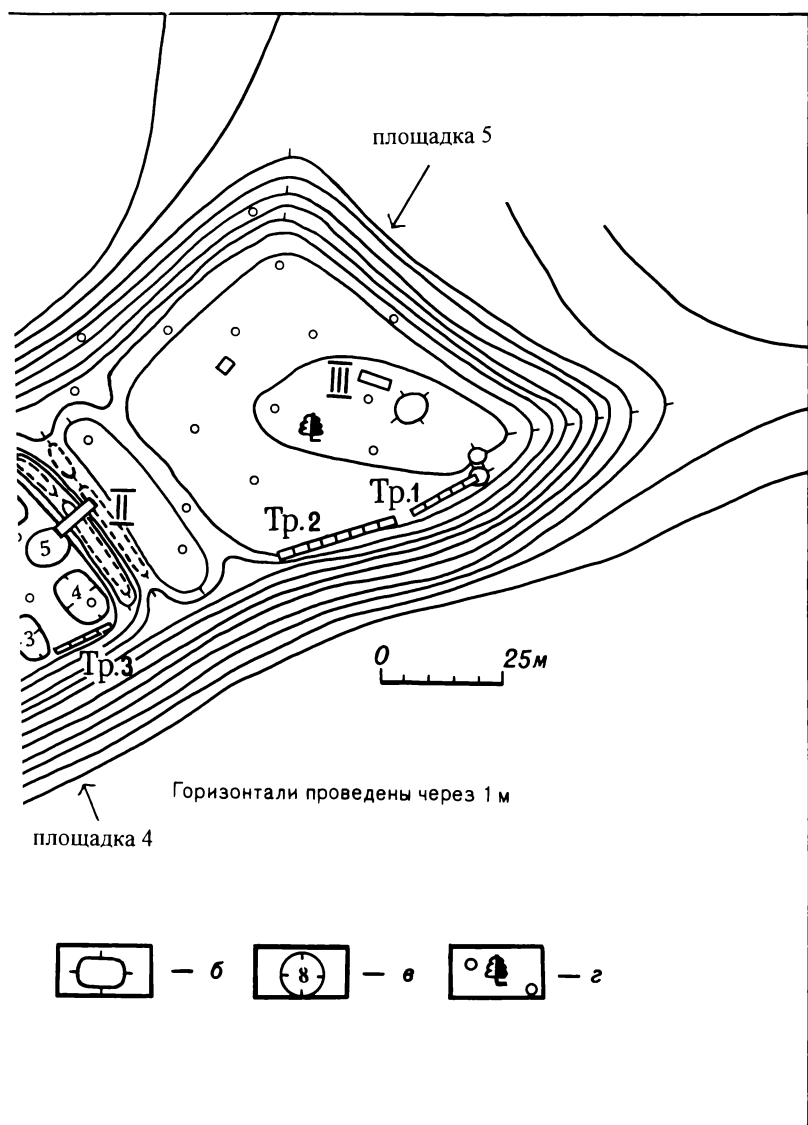

Рис.2. Чудская гора. А - ситуационный план. Б - план городища.

валами. С функционированием сузгунского укрепленного поселка связаны выраженные в рельефе рвы и валы между 2-ой и 3-ей, 4-ой и 5-ой площадками (в последнем случае - крайние с северо-восточной стороны).

Следы жизнедеятельности обитателей позднебронзового поселка зафиксированы также на 2-ой и 5-ой площадках и северном склоне горы со стороны поймы (траншея 6). Таким образом, общая площадь сузгунского памятника составляла около 7 тыс. кв. м. В начале I тыс. до н.э. поселение прекратило свое существование. К этому же времени относятся немногочисленные свидетельства пребывания здесь носителей так называемой крестовой керамики. Значительно позднее - в период раннего средневековья - на Чудской Горе было построено небольшое городище с девятью жилыми постройками. На общем плане памятника этот участок фигурирует под наименованием "площадка 4" (рис. 2). Как свидетельствуют разрезы рва и вала в раскопе I, во время строительства объектов раннесредневекового поселка были разрушены остатки некоторых сузгунских построек (рис. 13).

Последний раз Чудская Гора заселялась на короткое время в период позднего средневековья. К этому времени относятся несколько объектов (очаги, ямы и, возможно, остатки глинобитных жилищ), исследованных в раскопе I, а также керамика и железные предметы, залегавшие близко к поверхности в верхней части культурного слоя.

Культурная и хронологическая принадлежность курганов, сооруженных в восточной части площадки 5, не установлена.

Стратиграфия

Изложенная выше последовательность заселения Чудской Горы в разные исторические периоды населением разной культурной принадлежности, характер оставленных сооружений и других культурных остатков, их распределение на площади памятника хорошо фиксируется стратиграфией различных участков городища.

При исследовании Чудской горы выявлены три основных строительных горизонта: эпохи бронзы, раннего и позднего средневековья.

Первый или ранний строительный горизонт связан с сузгунской культурой эпохи поздней бронзы. Он включает два основных, несколько отличающихся по структуре, напластования (слои 6 и 7 на профилях; обозначение слоев - см.: рис. 12).

Нижние наслоения на основных исследованных участках городища (раскопы I, II, траншеи 2, 3) состоят из серой, местами

темно-серой супеси (7), с включениями углей (8), обугленных жердей (23), тонких прослоек углистой супеси, золы (9), прокаленного грунта (15). Они заполняют углубленные в материковый суглинок и песок (3) котлованы сооружений эпохи бронзы в раскопе I (жилища 1-8), в траншее 3 (жилище 9), в раскопе II (жилище 10), а также залегают на участках между жилищами (рис. 7, 9, 10, 11). В отдельных случаях на участках с остатками искусственных сооружений слой 7 подстилает темно-серая плотная супесь (21) - погребенная почва. Мощность слоя 7 в котлованах и других углублениях 0,3-0,6 м, за их пределами 0,1-0,25 м. Слой очень богат находками. В нем обнаружена основная масса целых и раздавленных сосудов, скоплений керамики исключительно сузгунского типа, костей животных, разнообразных предметов из кости, бронзы, камня и глины. Несколько отличалось от других заполнение котлована постройки 4 в раскопе I, включавшее большое количество комков глины и прослоек золы.

Выше слоя темно-серой супеси в раскопе I, в траншеях 2 и 3 залегает темная гумусированная супесь (6) толщиной 0,06-0,55 м, в которой встречается керамика, в том числе развалы и целые сосуды сузгунского типа и другие вещи эпохи бронзы. В раскопе III, в траншеях 1, 6 и шурфе слой 6 мощностью 0,1-0,25 м залегает непосредственно на материковой почве. На этих участках памятника слой 6 содержит только единичные фрагменты керамики сузгунского типа, с крестовой орнаментацией (преимущественно в северо-западной части раскопа I и траншее 6), а также со штампованным рисунком эпохи раннего средневековья (в восточной части раскопа I и траншее 3).

В разных местах городища слои эпохи бронзы (6, 7) перекрыты либо прорезаны поздними наслоениями различной структуры и происхождения. В раскопе I (участки А/15, 16) и раскопе II (уч. В/8) котлованы жилищ 7 и 10 прорезаны рвами периода раннего средневековья (рис. 7; 11). В обоих случаях глинистые выкиды из рвов перекрывают заполнение жилищных углублений (слой 7) с развалами сузгунской керамики. На ряде участков раскопа I (уч. А/17-20) и II (уч. В/6) слои эпохи бронзы перекрыты валами раннесредневекового городища (рис. 14). На уч. А/20-23 (раскоп I) и В/5 (раскоп II) слой темно-серой супеси эпохи бронзы прорезают котлованы жилых построек 1, 5 раннего средневековья (рис. 7, 11). Кроме того, в раскопе I средневековое сооружение 1 врезано в котлован сузгунского жилища 8.

II строительный горизонт связан с потчевашской культурой раннего средневековья. Достаточно четко прослежены остатки оборонительных сооружений этого времени - валы и рвы, ограж-

А - вид на Чудскую Гору с оз.Ныр.

Б — сосуды эпохи бронзы.

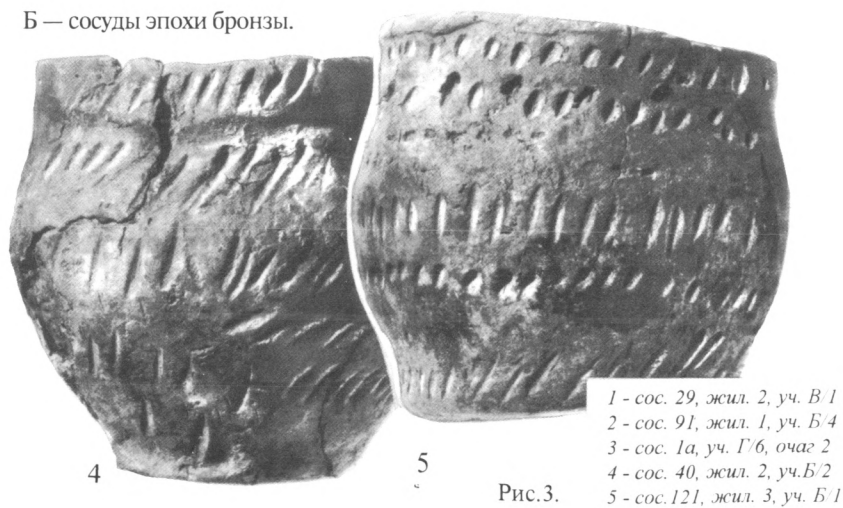

Рис.3.

дающие четвертую площадку городища, а также частично раскопаны расположенные на ней жилые постройки 1, 5.

Заполнение рвов в верхней части состоит из рыхлого с корнями деревьев гумуса (16) мощностью 0,2-0,6 м, в нижней - из темного плотного грунта (27) с включениями глины и углистой супеси (28). Вдоль стенок на дне отмечены слои глины с землей (14) и серого зольного грунта (5), заплывшие в ров с разрушенного вала (рис.13). При выборке заполнения рвов у стен и на дне найдены единичные фрагменты сузгунской керамики, попавшие из слоя эпохи бронзы.

Валы потчевашского городища сложены из рыхлого светлосерого грунта с пятнами прокала, углистой супеси, золы (5) общей мощностью 1,15-1,2 м, шириной 5-6 м. В насыпи с западной стороны (раскоп I, рис.7; 14) фиксировалась линза глины, смешанной с землей (14), толщиной 0,25-0,4 м, залегавшая на прослойке углистой супеси (4). С восточной стороны прослойка глины с землей (14) (выкид из рва) залегает непосредственно на слое серой супеси эпохи бронзы (7) и частично западает в ров. Вместе со слоем темной плотной гумусированной супеси (17) с внутренней стороны площадки слой 14 образует нижний горизонт вала (рис.11). Граница между нижним и верхним горизонтами насыпи в раскопе II обозначена настолько четко, что создается впечатление о сооружении вала в два приема. В нижней части слоя глины (14) под вершиной вала фиксируется прослойка шириной 0,8 м и толщиной до 0,1 м, состоящая из березовой коры с трухой, обугленных жердей и золы. Выше и ниже этой прослойки грунт сильно прокален. В заполнении валов найдены только мелкие фрагменты сузгунской керамики (за исключением прослойки глины с землей, в которой находки отсутствуют).

Заполнение котлованов потчевашских жилищ 1 и 5 в верхней части состояло из темной гумусированной почвы (17) мощностью 0,1-0,2 м, а в нижней и в центре сооружений (канавках) - из черного плотного грунта (18) толщиной 0,15-0,25 м. В придонных слоях и на дне котлованов залегала только раннесредневековая керамика, в том числе крупные обломки и развалы сосудов.

III строительный горизонт, относящийся к периоду позднего средневековья, отмечен только в раскопе I. С ним связано несколько ям (1, 5), очагов (3, 4, 15), зольных скоплений и пятен прокала с обломками посуды сибирских татар. Все поздние объекты сосредоточены на уч. Б-Г/4-7 и фиксируются сразу под дерном, преимущественно в верхней части слоя серой зольной супеси (2) мощностью 0,15-0,35 м (с прослойками золы, углистой супеси, пятен прокала, комочков глины), залегающей в самой высокой части площадки 3 (рис.6; 9, А). Вместе с тем, основная

(нижняя) часть слоя 2, наиболее насыщенная комочками спекшейся глины, кусками оплавленных и растрескавшихся камней, вероятнее всего, относится к эпохе бронзы, поскольку покойтся на погребенной почве (21) и прослойках желтой глины (11) (выкид из котлованов сузгунских жилищ 1 и 5). Принадлежность нижней части слоя 2 к эпохе бронзы подтверждается и сходством его структуры с заполнением котлована жилища 4.

Все вышеописанные наслоения сверху перекрывает дерн и поддерновый слой толщиной 0,15-0,25 м. Этот пласт почти не содержит находок, за исключением единичных мелких фрагментов керамики и нескольких вещей позднего средневековья (железный нож, шило).

Данные о стратиграфии памятника могут быть дополнены наблюдениями, полученными при вскрытии траншей 5 и 6. В траншее 5 на южном склоне горы одиночные мелкие фрагменты сузгунской керамики встречаются только в поддерновом слое. На участках, прилегающих к воде, пласт дерна (13), залегающий под ним плотный с суглинком грунт темно-серого цвета (10) и подстилающая их глина (20) насыщены железистыми включениями в виде конкреций диаметром до 1 см. Вероятно, это свидетельствует о длительном пребывании данных участков под водой (рис. 9, Е). Учитывая, что дерн содержит железистые включения на протяжении 2-3 м от берега, слой с сузгунской керамикой - 8-9 м, подстилающая глина - 5 м, можно предположить различный уровень стояния воды в разные эпохи. Эти же данные позволяют полагать, что в сузгунскую эпоху уровень воды в озере был несколько выше современного.

В траншее 6 на северном склоне горы сразу под дерном залегает слой темно-серой супеси (6) мощностью 0,4-0,6 м, соответствующий аналогичному слою раскопа I, в котором обнаружены несколько крупных обломков сузгунских сосудов и черепки с крестовым орнаментом (рис. 9, Д). Железистых включений в слое 6, как и в подстилающей его глине, здесь не содержится.

Поселение эпохи бронзы

Поселение эпохи бронзы, как отмечалось выше, в основном занимало центральную часть Чудской Горы, с двух сторон оно было укреплено рвом и валом. Земляные насыпи сильно оплыли; вал с юго-западной стороны в виде двух незначительных возвышений вообще едва заметен. Современная глубина рвов 0,7-0,8 м, ширина 3,5-5 м; высота валов 0,7-0,5 м, ширина в основании 6-10 м. Только на укрепленной площадке в центральной части горы в процессе раскопок обнаружены остатки жилых сооружений полу-

земляночного типа. Наиболее полно постройки эпохи бронзы исследованы в раскопе I, где выявлено 8 котлованов, расчищенных полностью или частично (рис.7). Остатки еще двух построек (9, 10) обнаружены в траншее 3 и в раскопе II (рис.11), обе исследованы в минимальном объеме. Культурный слой сузгунского поселения с остатками ям, очагов, зольных скоплений и фрагментами керамики выявлен также в раскопе III, в траншеях 1, 2, 6 и шурфах на второй и пятой площадках.

Описание исследованных сузгунских построек хотелось бы предварить следующим замечанием. Еще в процессе раскопок было установлено, что поселение эпохи бронзы на Чудской Горе характеризуют: большая площадь, многочисленность сооружений и очень плотная застройка. Каждый из полностью или частично исследованных котлованов у авторов раскопок ассоциировался с углубленной частью отдельного жилого сооружения. Состав полученного из котлованов инвентаря и детали внутреннего устройства как-будто не противоречили такому предположению. Соответствующим образом оформлялась полевая документация и коллекционные описи (планы и разрезы жилищ, находки из жилищ 1, 2, 3 и т.д.). Однако внимательный анализ всей совокупности данных, в том числе некоторые полевые наблюдения, поставили под сомнение безусловность связи: каждый котлован соответствует одному жилищу. О возможных вариантах реконструкции построек позднебронзового поселения на Чудской Горе речь пойдет ниже. В данном же разделе описание обнаруженных и исследованных остатков жилых сооружений приведено в том виде, в каком оно вошло в отчеты о раскопках этого памятника.

Жилые сооружения

Котлован *жилища 1* - подпрямоугольной в плане формы, размером 12х4,5 м, вытянут по линии СЗ-ЮВ, т.е. поперек длинной оси городища (рис.7). Очертания котлована выявлены на глубине 100 см. Наиболее четко на всех уровнях (100,110,120 см) прослеживалась только северо-восточная стена, которая тянулась сплошной линией от северного склона горы до южного. Юго-западная стена достаточно хорошо фиксировалась только на глубине 100 см, а на остальных едва прослеживалась. Котлован углублен в материк на 0,2-0,25 м, его северо-восточная и южная стенки отвесные, юго-западная пологая (рис.7; 9, А,В). Пол ровный. Вдоль северо-восточной стены зафиксировано канавообразное углубление шириной 2-3 м, переходящее в коридорообразные выходы в торцевых стенах дома.

Рис.4. Вид на северный склон Чудской Горы.

На полу котлована зафиксировано 30 столбовых ямок. Более трети из них (12) располагались вдоль северо-восточной продольной стены, 6 - вдоль юго-западной, 7 ямок выстроены в ряд, ориентированный поперек длинной оси жилища. Большинство ямок оставлены кольями толщиной 0,08-0,15 м, вкопанными на небольшую (0,06-0,12 м) глубину. Только несколько ямок оставлены толстыми (0,2-0,25 м) и глубоко врытыми (0,3-0,35 м) столбами. В заполнении многих ямок обнаружены угли, а в отдельных из них - фрагменты керамики и комки обожженной глины.

На полу жилища, преимущественно, в его углубленной части вдоль северо-восточной стены котлована (участки В, Г/4), расчищены обугленные жерди, лежавшие изолированно и в скоплениях. Отдельные жерди, их следы в виде углистых полос и угли прослеживались на всей площади котлована жилища, но концентрировались они опять-таки вдоль северо-восточной стенки. Большинство жердей лежало поперек продольной оси котлована, в некоторых случаях (уч. В/4) вплотную друг к другу в один слой. Толщина жердей 0,04-0,1 м, длина 0,1-0,9 м. Вдоль продольной стенки расчищены обломки более толстых (0,15-0,18 м) жердей длиной 0,3-0,8 м. Вокруг жердей и под ними грунт представляет собой углистую супесь с небольшими пятнами прокала мощностью 2-3 см. Положение жердей в культурном слое позволяет предполагать, что они представляют собой остатки рухнувшей в результате пожара кровли сооружения. Некоторые из них, лежащие непосредственно над материковым слоем на одном уровне с основными находками, могут свидетельствовать о существовании вдоль стен специальных деревянных настилов.

В пределах котлована выявлено шесть очагов, три ямы и несколько зольных пятен.

Один очаг располагался в центре и фиксировался в виде овального пятна сильно прокаленного грунта размером 0,5х0,7 м, мощностью 0,1-0,12 м. Рядом с ним находилась яма (9) глубиной 0,3 м, диаметром 0,35 м. На дне ее лежали обломки сосуда № 24 (рис.15,5), рядом - нож и наконечник стрелы из бронзы (рис.16,3,5; 17,2,3). Три других очага находились в углубленной части постройки около северо-восточной стены и в юго-восточном углу. Остатки самого крупного очага 17 представляли собой прокал овальной формы размером 1,0х0,5 м, толщиной 0,15 м. Около него обнаружены сосуды №№ 90, 91 (рис. 3,Б,2). Еще один очаг в виде площадки из обожженной глины диаметром 0,3 м располагался около выхода в юго-восточной стене жилища (уч. Б/4). Рядом с ним найдено пять сосудов - три целых и два развала (рис.18,2), а также обломок тигля. Интересен очаг

18 (уч. А/4), расположенный в коридорообразном выходе на южный склон горы. Он фиксировался в виде кострища округлой формы диаметром 0,6 м, мощностью 0,1 м, заполненного супесью с крупными углями и пятном прокала в центре. Рядом с очагом расчищено зольное пятно неправильной формы. Вокруг очага и зольного пятна обнаружено пять развалов сосудов №№ 94-98 (рис.19,4), два из которых стояли вверх дном. На расстоянии 0,8-1,5 м от очага найдено еще пять сосудов и бронзовая фигурка человека (рис.16,2; 17,1). Фигурка лежала плашмя, головой на север. В зольном пятне, рядом с перевернутыми сосудами, найдены длинные кости конечностей крупного животного, а около одного из сосудов - челюсть.

Еще две ямы в котловане жилища 1 - округлой формы диаметром 0,35-0,5 м, глубиной 0,1 м, находок не содержали. В пределах углубленной части жилища найдено 6 целых сосудов, 38 развалов и 9 скоплений керамики (15,5; 19,3-6; 20,3,5,6,8; 21,4; 22,5; 23,1; 24,1). Четыре сосуда находились в положении вверх дном (рис.20,8; 25,1). Около сосудов в уч. Г/4 и Д/3 лежали гальки с залощенной поверхностью. Некоторые сосуды найдены вместе со скоплениями костей животных. Osteологические определения В.П.Данильченко позволили уточнить состав костных остатков. Кости лошади представлены следующими экземплярами: нижняя челюсть (2), изолированные зубы (25), лопатка (6), плечевая (1), метаподии (1), фаланга I (1); кости крупного рогатого скота: нижняя челюсть (1), зубы (16), плечевая (13), лучевая (1); найдены также единичные экземпляры костей лося (зуб - 1) и выдры (нижняя челюсть - 1). Собака: нижняя челюсть (6), верхняя челюсть (4), изолированные зубы (2). В уч. Д,Г/4 в наиболее углубленной части жилища на расстоянии 1 м друг от друга обнаружены два черепа собаки, рядом с которыми находились 6 развалов сосудов и один целый горшок, перевернутый вверх дном (рис.20,8), одно скопление керамики, в котором найдена еще одна залощенная галька, грудка мелких кальцинированных костей, челюсть и кости конечностей лошади. Еще два скопления костей (фрагменты черепов и конечностей лошади) с сосудами обнаружены на расстоянии 2-3 м к северу и югу от данного скопления находок, также в пределах более углубленной части котлована. Грунт в этом месте представлял собой супесь с углями, небольшими пятнами золы и прокалов.

В числе прочих находок из жилища 1, кроме упомянутых выше обломка ножа, наконечника стрелы и антропоморфной фигурки из бронзы, следует отметить костяной наконечник стрелы, глиняный шарик, фрагменты льячки и тигля, два кружочка из стенок сосудов, пряслице (рис.16,3,5,18,20; 26,2; 27,4).

Рис.5. Вид с Чудской Горы на Богочановское городище.

В 0,2-1 м к юго-западу от жилища 1, параллельно его продольным стенам, выявлено обширное углубление подпрямоугольной в плане формы. Особенно отчетливо прослеживалась его северо-восточная граница и канава длиной 4-5 м и шириной 1,2-1,8 м, примыкавшая к восточному углу. По-видимому, эта канава, обращенная к юго-восточному склону останца, являлась выходом из постройки (рис. 7). На нижних горизонтах в пределах общего углубления зафиксированы очертания двух котлованов: более крупный (до 80 кв.м) занимал участок, прилежавший к северо-западному склону останца; другой (около 28 кв.м) располагался вдоль юго-восточного склона. Ширина разделявшей их земляной перемычки 1,0-1,5 м, высота 0,1-0,15 м. Данные углубления можно рассматривать как котлованы жилых сооружений 2 и 3, возможно, имевших общую стену, либо как две камеры одного большого жилища, или, наконец, как свидетельство каких-то перестроек. Трудно отдать предпочтение одному из этих вариантов, тем более, что они не исключают друг друга. Кстати, не лишено оснований предположение, что и первый котлован, связываемый с жилищем 1, является частью большой постройки, объединявшей под одной крышей три жилые камеры (котлованы 1, 2 и 3). Поскольку во время полевых работ котлованы 2 и 3 рассматривались в качестве самостоятельных объектов, дадим их описание раздельно.

Котлован *жилища 2* - прямоугольной в плане формы размером 10х7,5-8 м. Северная стенка углубления практически не выявлена, т.к. она выходит на склон горы, а западная фиксируется слабо и только в профиле, поскольку перекрыта заплывом вала (рис. 9, А). Пол сооружения ровный с незначительными углублениями; стенки слегка наклонные (рис. 9, А,Б). В центре западной стенки прослеживается небольшой выступ размером 1х0,5 м (возможно, от выхода в сторону вала и рва). Глубина котлована в подстилающем грунте 0,15-0,25 м; участки, прилегающие к северо-восточному краю котлована углублены дополнительно на 0,1-0,15 м и больше.

Вдоль стен с внутренней и внешней стороны прослежены неровные ряды столбовых ям. Два ряда ямок намечаются поперек жилища на расстоянии двух метров друг от друга: первый ряд состоял из девяти столбов (уч. В-Г/1), второй - из шести (уч. В,Д/1). Всего в пределах жилища 2 отмечено 47 столбовых ямок, большинство которых - от столбов средних размеров (диаметром 0,08-0,15 м), вкопанных на небольшую глубину (0,08-0,12 м). В отличие от жилища 1 здесь больше глубоких (0,25-0,5 м) ямок от крупных столбов диаметром 0,2-0,3 м, расположенных в цент-

ральной части котлована и вдоль стен. В заполнении большинства ямок находились угли. На полу жилища вдоль северо-восточной, более углубленной, стены, в восточном и южном углах обнаружены скопления обугленного дерева. Лучше всего сохранились плахи и жерди в восточном углу (уч. В/2). 15 жердей толщиной 0,04-0,15 м и длиной 0,25-0,5 м лежали вплотную друг к другу в два слоя поперек продольной оси жилища. Грунт вокруг и под этим скоплением древесины прокален, толщина прокала 2-3 см. В южном углу жилища жерди расположены как вдоль продольной, так и вдоль поперечной стенки, как бы повторяя очертания котлована и образуя здесь угол (рис. 7). При этом продольная жердь перекрывала поперечную. Грунт здесь также прокален, сильно насыщен углями. Обугленные остатки дерева обнаружены у юго-западной границы котлована, они лежали вдоль стенки, иногда с небольшими отклонениями. У северо-восточной стены жерди лежали поперек продольной оси жилища, или, значительно реже, вдоль нее. Крупные фрагменты дерева вместе с углистыми полосами шириной 0,25-0,3 м образуют ровную линию вдоль всей северо-восточной стенки жилища 2.

В пределах углубленной части жилища обнаружены три очага (6-8) три ямы (11, 16, 18), рядом с жилищем - еще два очага (5, 9) и пять ям (6, 7, 10, 12, 14). Все очаги в жилище располагались вдоль северо-восточной стены. Очаги двух типов: в виде кострищ (5, 6) и сложенные из крупных слабообожженных кирпичей (7-9).

Очаг 5 (уч. В/2,3) представлял собой кострище овальной формы размером 0,55х0,75 м с толщиной прокаленного слоя 0,08-0,12 м. Под слоем прокала находилась яма 8 диаметром 0,3 м, глубиной 0,08 м, дно которой было выложено растрескавшимися кирпичиками.

Очаг 6 (уч. Г/1) фиксировался в виде пятна сильно прокаленного грунта овальной формы размером 0,65х0,75 м, толщиной 0,12-0,2 м. По-видимому, очаг был устроен в небольшом углублении. Пространство около очага и грунт под прокалом насыщены углем. В слое прокала обнаружено 11 фрагментов керамики, а рядом - развал сосуда.

Очаг 7 был сложен из глиняных кирпичей (сохранились пять крупных слабообожженных кирпичей подквадратной в плане формы и около двадцати мелких бесформенных обломков; см.: рис. 28). Грунт в очаге и рядом с ним прокален, но толщина прокала незначительна - 2-3 см. Рядом с очагом найден перевернутый вверх дном сосуд, кости конечностей лошади, костяная проколка, скопление чешуи и позвонков рыбы, а также остатки толстого шерстяного шнура, который находился под обугленной жердью на полу жилища.

Очаг 8 (уч. Г/2) состоял из двенадцати крупных и двадцати пяти мелких слабообожженных бесформенных кирпичей (рис.25,Б). Кирпичи со следами копоти залегали на слое углистой супеси толщиной 2-3 см. Как и в очаге 7, они сильно растрескались и разваливались при снятии. Цвет их внутри - ярко-оранжевый, сверху черный от копоти.

В очаге 9 (уч. Д/2) найдено только пять крупных кирпичей - в углублении (до 0,07 м) овальной формы размером 0,4х0,5 м. Рядом с очагом обнаружены углистое пятно диаметром 0,3 м и глиняная бусина, орнаментированная по окружности зигзагом из широких небрежно нанесенных насечек (рис.16,21; 26,1).

Яма 16 располагалась в западном секторе жилища; она прямоугольной формы размером 1,8х1 м, углублена в пол на 0,6 м. Заполнение состоит из темной супеси с вкраплениями глины и мелких угольков. В разрезе имеет ступенчатую форму. В яме обнаружены: проколка из грифельной кости лошади, около 40 мелких фрагментов керамики, в числе которых были три с крестовым орнаментом, кости конечностей лошади (лопатка - 1, лучевая - 1, метаподия - 1), зуб особи крупного рогатого скота, позвонки крупной рыбы. Все находки залегали в верхней части заполнения ямы. У края ямы стоял перевернутый вверх дном сосуд, рядом с которым найдены кости конечностей лошади и одной особи крупного рогатого скота.

Яма 11 в центре жилища - округлой формы, диаметром 0,6 м и глубиной 0,1 м, была заполнена золой с мелкими кальцинированными костями, преимущественно, рыбы. Дно и стенки ямы прокалены на толщину 3-4 см. Рядом с ямой обнаружены развал сосуда № 18 (рис.22,3), кости черепа и конечностей лошади и крупного рогатого скота (по одной особи).

Яма 18 находилась почти на склоне горы (уч. Д/II) и до конца не расчищена. Ширина вскрытой части - 1 м, предполагаемая длина - 1,4 м, глубина - 0,4 м. В ней обнаружено пятно слабого прокала с углями, рядом с которым стояли вверх дном два сосуда №№ 62-63 (рис.15,2; 21,5; 29,1). У края ямы находились кости конечностей и зубы лошади, собаки и лося.

Ямы 6, 7, 12, 14, расположенные за пределами котлована жилища 2, близ его северо-восточной и юго-восточной стен, - округлой формы диаметром 0,4-0,5 м. Ямы 6 и 7 довольно глубокие (0,9-1 м), в разрезе подпрямоугольной формы. Заполнение их состояло из рыхлой темной супеси, смешанной с глиной и углями. В яме 6 найдено пять мелких фрагментов керамики, в яме 7 - четыре. Ямы 12 и 14 менее глубокие (соответственно 0,35 м и 0,2 м), в их заполнении встречались угли, других находок не было.

Расположение этих ям, их форма и заполнение, возможно, свидетельствуют о том, что они являлись столбовыми.

Яма 10 напротив восточного угла (уч. В/2) - овальной формы размером 0,6х0,4 м, глубиной 0,1 м. Дно в восточной половине ямы выложено бесформенными слабообожженными кирпичиками. В яме найдены фрагменты керамики и угли.

В северной половине котлована (уч. Д/1), в углублении неправильных овальных очертаний размером 1х1,2 м и глубиной 0,12 м обнаружены кости конечностей молодой (2 года) лошади. Недалеко от ямы найдены развал сосуда и скопление костей животных (челюсть и кости конечностей лошади, позвонки, суставные и пяточные кости крупного рогатого скота, фаланга лося), позвонков и костей рыбы. На некотором расстоянии от скопления находились фрагменты черепа и верхняя челюсть собаки.

В жилище 2 найдено 4 целых и 16 развалов сосудов (рис. 18, 1; 19, 2; 21, 1-3; 22, 3, 4; 30, А; 31, 7-9). Пять горшков найдены перевернутыми вверх дном. Большая часть сосудов и почти все скопления керамики были сосредоточены в восточном углу жилища. Рядом с ними, на границе участков В, Г/1, расчищена большая куча костей животных: конечности, зубы, лопатка и стержни рога двух особей крупного рогатого скота; зубы и кости конечностей двух особей лошади; позвонки, зубы и кости конечностей косули; лопатка и кости конечностей собаки. Здесь же найдены пять скоплений костей и чешуи рыбы, а также отдельные вещи - проколка из грифельной кости лошади, костяное шило (рис. 34, 4, 6), бронзовая втулка-обкладка (рис. 16, 8; 17, 4), глиняный стержень, обломок каменного шлифованного изделия. Южнее, рядом со скоплением жердей, обнаружены остатки берестяного изделия с маленькими насечками и отверстиями по краю (следы шва?).

В жилище 2 найдено очень много костей животных. Лошадь представлена следующими костями скелета: нижняя челюсть (7), верхняя челюсть (5), изолированные зубы (28), ребра (1), лопатка (5), плечевая (2), лучевая-локтевая (5), бедренная (2), берцовая (2), пяточная (2), таранная (2), мелкие кости (1), пясть (2), метаподии (6), фаланга I (8), фаланга II (1). Крупный рогатый скот: стержень рога (1), нижняя челюсть (1), изолированные зубы (14), позвонки (2), ребра (1), лопатка (2), плечевая (2), лучевая-локтевая (3), бедренная (1), мелкие кости (1), пясть (2), фаланга I (2), фаланга II (1). Лось: стержень рога (1), позвонки (1), таз (1), лучевая-локтевая (1), бедренная (1), фаланга II (1). Косуля: изолированные зубы (1), позвонки (2), таранная (1), метаподии (3). Собака: череп (5), верхняя челюсть (1), изолированные зубы (3), позвонки (2), ребра (2), лопатка (1), плечевая (4), лучевая-локтевая (1), бедренная (2), берцовая (2), метаподии (1).

Котлован жилища 3 подпрямоугольной в плане формы с закругленными углами размером 9,5х3 м, глубиной 0,1-0,25 м. Юго-западная стенка до конца не выявлена. Ее раскопанная часть сливается с юго-восточной границей более обширного углубления. Пол жилища неровный, более углубленный (на 0,1-0,15 м) в западной половине. Стенки котлована - наклонные (рис. 9, Б). На полу жилища зафиксировано двадцать восемь столбовых ямок, расположенных преимущественно вдоль северо-западной стенки. Ровный ряд из шести ямок на расстоянии примерно 1 м друг от друга прослеживался также с ее внешней стороны. В заполнении жилища, главным образом, в придонной части встречены обугленные жерди длиной 0,15-1 м, толщиной 0,06-0,12 м, лежавшие поперек длинной оси жилища.

В пределах данного углубления обнаружены очаг (21), две ямы (15, 20) и два зольных пятна.

Очаг 21 у северо-западной стены сооружения (уч. Б/1) представлял собой глиняную вымостку овальной формы размером 0,8х0,6 м, толщиной 0,08-0,12 м. Поверхность неровная, бугристая, углубления заполнены углистой супесью и углями. На вымостке лежал развал сосуда, еще три развала найдены на расстоянии 0,3-1 м от очага (рис.3,5; 31,5).

Яма 20 в северном углу жилища (уч. Б/2) - округлой формы диаметром 0,45 м, глубиной 0,5 м, полуовальная с уплощенным дном в разрезе. В верхней части заполнения ямы найден развал сосуда № 109 (рис.20,1), в нижней - отдельные угольки. На расстоянии 0,4-0,8 м от ямы встречены еще четыре развала сосудов, один из которых стоял вверх дном (рис.31,10).

Яма 15 (уч. Б/1) - округлой формы диаметром 0,45 м, глубиной 0,05 м, без находок.

В жилище 3 обнаружено более десятка сосудов и пять скопленных керамики (рис.15,3,4; 20,1; 22,1,2; 31,2,5,10; 36,1). Два сосуда находились в положении вверх дном. Кроме керамики в жилище найдены бронзовый однолезвийный нож, два обломка тиглей, три обломка литейной формы.

Два расположенных рядом очага расчищены в коридорообразном углублении, примыкавшем к восточному углу жилища 3.

Очаг 19 - округлой формы, диаметром 0,3 м, толщина прокала 0,15 м. Рядом с очагом найдено скопление керамики и челюсть крупного животного.

Очаг 23 - в виде глинобитной вымостки округлой формы, диаметром 0,6 м и толщиной 0,7 м (!). Вместе с кусками обожженной глины, часто имевшими темный нагар, встречались угли и черепки, в том числе, крупные. Всего из очага было извлечено более 20 кг комков обожженной глины. Отдельные ее куски

встречались на разном удалении от очага. В изломе некоторых глиняных комков, очень рыхлых, видны следы веток. Скорее всего, в этом месте были расчищены остатки печи.

У юго-западной стенки углубленной части входа (уч. А/2) обнаружено около 40 мелких ямок диаметром 4-8 см, глубиной 5-12 см. Восточнее этого скопления ямок, у самого склона горы, обнаружено шесть сосудов (пять развалов и один целый), сконцентрированных вокруг кострища (очаг 20) округлой формы диаметром около 0,5 м (рис.6; 15,4; 22,1; 36,1). На расстоянии 1,2 м к северу от сосудов в коридоре найден крупный обломок литейной формы из песчаника, скорее всего, для отливки ножа.

Котлован жилища 4 находился в 3,5 м к северо-востоку от жилища 1 и в 4,5 м к юго-западу от жилища 5. Наличие свободного пространства вокруг постройки отличает ее от других сооружений на поселении, расположенных вплотную друг к другу. Очертания углубленной части сооружения четко прослеживались на глубине 100 см; они имели форму полуовала размером 8х3-4 м с прямыми продольными стенками. Юго-восточный край жилища не раскопан. Котлован углублен в материк на 0,25-0,45 м, а от уровня древней поверхности его глубина составляла 0,4-0,55 м. Пол жилища неровный, более пониженный в центре. Северная стенка - отвесная, северо-восточная и юго-западная - наклонные, южная - сильно пологая. Заполнение котлована жилища 4 отличалось многочисленными включениями мелких комочков глины и обилием зольных пятен, линз. Мощный зольник, расположенный вокруг жилища, частично заплывал в северную половину котлована и его центральную часть (рис.7, разрез).

В пределах жилища обнаружено шесть очагов. Три из них (10, 12, 13) располагались вдоль центральной оси котлована, очаг 11 - в его северо-западном секторе, а очаги 14 и 15 - около стен в юго-восточной части жилища. Рядом с очагами 14 и 15 были выкопаны ямы (24, 25) округлой формы диаметром 0,4 м, глубиной соответственно 0,2 и 0,5 м. Находок в них не было.

Очаги 10 и 12 представляли собой остатки кострищ размером 0,5-0,6 м х 0,75-1,1 м при мощности прокаленного слоя 0,15-0,18 м. В слое прокала и вокруг очагов встречались угли. Около очагов обнаружены обломки льячки и тиглей, глиняное грузило, керамическое пряслице и костяной вкладыш для лука (рис.16,1,19,23; 26,6; 27,2,5; 34,3,4).

Очаг 11 - овальный, размером 0,8х0,6 м, сложен из крупных слабообожженных кирпичей. Рядом с ним находились развалы сосудов №№ 70-74 (рис.20,2,4,7), костяной наконечник стрелы, два обломка глиняных тиглей, обломок литейной формы из глины (рис.16,14; 27,1,7). У северного края жилища найдены льячка

и еще один обломок тигля с капельками бронзы на внутренней поверхности (рис.27,5). Следует отметить, что в северной части котлована грунт очень пестрый, более насыщен золой, пятнами прокалов и углями. В этом месте заполнение жилища, по-видимому, было прорезано поздней ямой, очертания которой выделялись на фоне золистей супеси более темным пятном. Вследствие нарушения раннего слоя обломки одних и тех же сосудов встречались в этой части жилища в разных местах и на разной глубине.

Очаги 13, 14, 15-А представляли собой площадки сплошной спекшейся глиняной массы с неровной и бугристой поверхностью, овальной формы, размером 0,35-0,4 м х 0,5-0,7 м. Поверхностный слой сильно закопчен, на площадках и вокруг них обнаружены угли и фрагменты сосудов. В очаге 14 найден развал сосуда.

На пространстве между глинобитными очагами сосредоточена основная масса находок из жилища 4. Здесь найдены развалы семи сосудов (рис.19,7; 37), три скопления керамики, два скопления костей крупных рыб, пряслице, два обломка глиняной литейной формы, две проколки из грифельных костей лошади (рис.16,9,10,15; 27,7; 34,2).

На полу жилища 4 расчищено 11 столбовых ямок. Какой-либо системы в их расположении не выявлено. Многие ямки достаточно глубокие (0,25-0,4 м). Ряд из семи ямок прослежен за пределами котлована у северо-восточной стены.

У юго-западного края жилища (уч. А/5,6) находилось пятно золы полуовальной формы размером 1х1,1 м, с комками спекшейся глины и большим числом довольно крупных фрагментов керамики (рис.6). Вероятно, здесь находился глинобитный очаг (15), его оставшаяся часть находится за границей раскопа.

Выше пола котлована в южной стенке раскопа (уч. А/6) были обнаружены фрагменты черепа взрослого человека. Можно предположить, что в этом месте, на склоне горы, находилось погребение; оно не было расчищено, стенка раскопа после выборки жилищного котлована была засыпана.

Около середины северо-восточной стены котлована с внешней стороны выявлены две ямы (22, 23) овальной и округлой формы размером 0,4х0,6 м. Яма 22 имела в разрезе форму неправильной трапеции, в ее заполнении встречены угли. Яма 23 в разрезе полуовальная, заполнена темной супесью, перемешанной с глиной. Находок нет.

Особое положение строения 4, его сравнительно небольшие размеры, характер заполнения, находок и внутреннего интерьера, мощный зольник вокруг котлована позволяют предполагать про-

изводственное назначение постройки и использование ее, вероятнее всего, в качестве литейной мастерской.

Жилище 5. Вскрыта только часть сооружения в виде канавообразного углубления шириной 4,8-5 м с ровными параллельными продольными стенами (рис.7). Юго-западная стена исследована на протяжении 9 м, северо-восточная - 5 м. Котлован жилища 5 вытянут с северо-запада на юго-восток, параллельно другим постройкам. Южные границы сооружения обрываются у самого склона горы (рис.38; 39). Пол ровный, углублен в материк на 0,3-0,6 м, стенки слегка наклонные с уступом, четко выраженным с северо-восточной стороны. В заполнении котлована встречались угли, особенно насыщена ими полоса шириной 0,4-0,5 м вдоль северо-восточной стенки. В пределах этой углистой полосы фиксировались небольшие пятна прокаленного грунта. Наиболее значительное из них - очаг 25, овальной формы, размером 0,3х0,35 м, мощность прокала - 6-8 см. В очаге обнаружены три обломка кирпичиков (один из них прямоугольной формы) и три мелких фрагмента керамики.

При зачистке дна выявлены четыре столбовых ямки: одна - в центре, три - вдоль северо-восточной стены по уступу. Почти все находки, обнаруженные в заполнении жилища, приурочены к углистому заполнению вдоль стен. Три развала сосудов (№№ 65-67), три обломка глиняных тиглей и глиняный шарик (рис.26,3; 27,3) найдены в северо-западном секторе. Раздавленный сосуд 130 находился в небольшой ямке, заполненной золой (рис.15,1), еще один сосуд (№133) найден в небольшой ямке на дне жилища. Вся керамика со дна жилища относится к эпохе бронзы (рис.40,2,9). По мнению автора раскопок, данное сооружение имеет ряд отличительных особенностей, которые позволяют допустить иную трактовку раскопанного объекта. Правильные очертания в виде канавы с уступами, отсутствие ям и очагов на дне, незначительное количество столбовых ям, большинство из которых располагалось вдоль северо-восточной стены, концентрация немногочисленных находок в верхнем слое заполнения, возможно, свидетельствуют о том, что в данном случае мы имеем дело с остатками своеобразного "рва". По мнению Т.М.Потемкиной, в этом месте в древности была выкопана специальная канава (которая затем могла быть оформлена в виде какого-то сооружения), отделившая площадку с жилищами 1 - 4 от остальной части поселка.

Жилище 6 расположено в 2 м восточнее сооружения 5 и параллельно ему. Раскопом исследована южная часть котлована на протяжении 6 м (рис.7; 38; 39). Юго-западная стена фиксировалась параллельно стенкам котлована сооружения 5. Восточная

граница - неровная, с изгибами и небольшим выступом под-прямоугольной формы размером 1х1,2 м. За счет изменения конфигурации восточной стенки сооружение постепенно сужается к краю площадки с 4,3 м до 2,4 м.

Глубина котлована в материке 0,1-0,3 м. Пол неровный, несколько более углубленный в западной половине сооружения, именно здесь были сосредоточены почти все находки: развалы сосудов, скопления керамики, костей животных и др. Вдоль юго-западной стены (уч. А/11) на протяжении 1 м прослежена канавка шириной 0,4 м, глубиной 0,2 м, заполнение которой состояло из углистой супеси и углей; ее северный конец уходил в стенку раскопа (рис. 7; 9, Г).

Ближе к склону граница котлована теряется. Можно предположить, что в этом месте находился вход в сооружение 6. Постепенное разрушение и оползание склонов горы нарушило первоначальные очертания этой части постройки.

При зачистке пола обнаружены четыре ямы (28, 29, 31, 32), очаг (24) и пятнадцать столбовых ямок. Столбовые ямки располагались без четкой системы около продольных стен и предполагаемой торцевой юго-восточной. В заполнении большинства ям найдены угли.

Яма 28 находилась у северо-восточной стены в основании выступа. Она - треугольной формы с закругленными углами, размером 1,6х1,2-1 м, глубиной 0,1-0,15 м, в разрезе полуовальная. В южном углу ямы обнаружено скопление керамики, обозначенное как развал сосуда № 132 (рис. 40, 10). После извлечения обломков выяснилось, что они принадлежат четырем горшкам. В восточном углу дно ямы и стенки прокалены, заполнение состояло из супеси с углями и золы. У этого края ямы находилось пятно золы округлой формы размером 0,5х0,4 м, толщиной 0,08-0,1 м, в котором обнаружены трубчатые кости крупного животного. Около скопления золы расчищено кострище вытянуто-овальной формы размером 0,9х0,3-0,2 м, толщиной 0,1-0,12 м (очаг 24).

Ямы 29, 31, 32 - округлой и овальной формы, размером 0,45-0,35 х 0,25-0,2 м, глубиной - 0,06 м; заполнены углями и золой, находки отсутствовали. На расстоянии 0,3-0,5 м к юго-востоку от ямы 32 найдено скопление обломков одного сосуда. В месте нахождения черепков грунт сильно насыщен золой и углями. На полу, под слоем керамики зафиксированы линзы прокала, наибольшая из которых имела размер 0,35х0,25 м, мощность - 4-6 см. Рядом с обломками сосуда найдена слегка заложная галька (случай, отмеченный неоднократно). У западного края ямы на глубине 0,7 м обнаружен череп человека плохой сохранности в положении затылочной частью вверх. В области темени найден

обломок бронзового изделия из тонкой пластинки, свернутой в трубочку; на черепе остались следы бронзы. В 0,4 м южнее черепа обнаружены два скопления обломков сосудов сузгунского облика и кости конечностей крупного животного. Рядом с ними зафиксировано много мелких угольков, небольших пятен углистой супеси. Возможно, из-за этих включений грунт приобрел здесь более темную окраску и выделялся в виде аморфного пятна размером около 1,6х0,8 м.

Второй череп человека обнаружен на склоне горы в уч. б/11. Несмотря на тщательность зачистки, могилу выявить не удалось. Череп раздавлен, сравнительно хорошо сохранились только зубы. Под черепом находилась трубчатая кость, рядом - обожженные мелкие косточки и отдельные фрагменты керамики. В 0,2 м севернее черепа найдена залощенная галька с двумя небольшими искусственными углублениями на противоположных плоских гранях (возможно, это следы попыток просверлить отверстие), в 0,3 м западнее - крупный кружок из днища сосуда с аккуратно оббитыми краями. К северу от черепа в небольшом углублении находился развал приземистой круглодонной чашки без орнамента (рис.31,4) и обломки другого небольшого сосуда сузгунского типа. Под обломками сосудов и рядом обнаружены кости конечностей крупного животного и фрагмент литейной формы из песчаника. Черепки и кости залегали в слое золы на небольшой (диаметром 0,5 м) вымостке из спекшихся комочков глины.

Условия нахождения черепов человека в жилище 6 не дают нам достаточных оснований видеть в них следы разрушенных погребений: здесь не зафиксированы могильные ямы, отсутствуют остальные кости скелета, не встречены предметы, которые можно было бы с уверенностью связать с погребальным инвентарем, наконец, вся керамика, обнаруженная рядом с черепами, однородна с посудой из заполнения котлованов сузгунских построек. В аналогичных условиях обнаружен череп человека в жилище 4.

Отметим также находки скоплений костей крупного животного (бабки, зубы, расколотые длинные кости) в уч. А/11 и керамики с углями в уч. А/12, 13 (рис.40,3-8).

За пределами котлована жилища 6, вдоль его восточной стены располагались три ямы (26, 27, 30) овальной и округлой формы, размером 0,5-0,35 м х 0,5-0,25 м, глубиной 0,2-0,25 м, заполненные зольной супесью с угольками. В яме 27 найден раздавленный круглодонный сосуд (№ 128) (рис.19,1).

Яма 26 - овальной формы размером 0,4х0,3 м, в разрезе полуовальная с резким сужением в нижней части; в заполнении - угольки, находок нет.

Жилище 7. Исследованы только восточный угол и частично юго-западная стенка его котлована в уч. А,Б/15,16. Центральная (продольная) часть жилища уничтожена поздним рвом. Постройка располагалась на расстоянии 2,4 м к северо-востоку от жилища 6, параллельно этому и другим исследованным сооружениям (рис.7). Размер раскопанной части котлована - 4х2 м. В плане северо- и юго-восточная стенки ровные, образуемый ими угол почти прямой, слегка закруглен. Пол углублен в материк на 0,35-0,55 м. Он ровный, незначительно понижающийся к центру. Стенки котлована отвесные или с уступом, особенно четко выраженным с северо-восточной стороны (рис.7). При выборке заполнения углубления обнаружены два фрагмента керамики сузгунского типа, а в восточном углу - три обугленные жерди толщиной 0,06-0,08 м, длиной 0,2-0,5 м; земля под жердями прокалена. На полу сооружения параллельно северо-восточной стенке и на расстоянии 0,6 м от нее выявлена полоса прокаленного грунта с углями. Ширина полосы 0,2 м, мощность слоя 0,06-0,08 м.

Жилище 7 - единственное из всех исследованных, у которого четко прослеживаются очертания юго-восточной границы котлована. Вероятно, это объясняется тем, что данный край сооружения 7 был перекрыт валом.

Котлован *жилища 8* расположен на расстоянии 4,4 м к северо-востоку от жилища 7. Исследована незначительная часть строения: в уч. А/21,22 его пререзает до самого дна котлован полуземлянки I раннесредневекового городища (рис.7), а в уч.Б/20-22 дно позднего котлована не достигает пола жилища 8 на 0,1-0,2 м. Ширина постройки сузгунского времени не установлена. Если исходить из того, что углубленная часть жилища 8 по ширине соответствует котлованам жилищ 1, 3 - 7, т.е. составляет около 3-5 м, можно предположить, что потчевашская полуземлянка разрушила не только постройку 8, но и врезалась в межжилищное пространство, а может и в котлован соседнего сооружения. В этом случае границу углубления эпохи бронзы в уч. А/23 можно рассматривать как восточный край какого-то объекта (постройка 9?). Стратиграфические наблюдения (рис.7) не противоречат сказанному. Грунт здесь аналогичен заполнению остальных сооружений и содержит только сузгунскую керамику.

Котлован жилища 8, судя по его раскопанной в уч. А/19,20 части, углублен в материк на 0,4 м. Юго-западная стенка котлована наклонная, пол слегка понижается к центру. При зачистке на полу обнаружены четыре ямы (32-35), очаг (26) и два десятка ям от столбов. Некоторые из столбовых ямок могут быть связаны с поздним жилищем. Вся керамика со дна сооружения 8 исключительно сузгунского облика.

Очаг 26 - кострище в виде пятна сильно прокаленного грунта ярко-оранжевого цвета размером 0,6х0,4 м. Рядом с очагом обнаружены скопление керамики и небольшая ямка диаметром 0,25 м, в которой находились мелкие обломки растрескавшихся кирпичей; чуть восточнее - мелкая ямка, заполненная угольками. В 0,2 м севернее очага найден развал крупного горшка (№ 139), украшенного редкими горизонтальными рядами из клиновидных насечек (рис.23,2). Под развалом сосуда выявлено пятно прокаленного грунта мощностью 0,08 м, уходившее в стенку раскопа под вал. Между уровнем залегания сосуда и прокаленным грунтом находилась прослойка золы толщиной 0,15 м. Зола в обилии встречалась вокруг сосуда и очага в радиусе 0,5-0,6 м.

Ямы 32, 34, 35 - округлой и овальной формы, размером 0,6-0,4 м х 0,5-0,35 м, глубиной 0,1-0,25 м. Их заполнение состояло из зольной супеси и мелких угольков, находки отсутствовали.

Яма 33 - округлой формы, диаметром 0,35 м, глубиной 0,45 м. Стенки ямы отвесные, дно закруглено, заполнение однородно с заполнением жилища 8. На дне ямы обнаружена половина круглодонной чашечки без орнамента, два фрагмента стенок сосудов, орнаментированных полосами с поперечной штриховкой, несколько мелких обломков кирпичиков и растрескавшихся камней. Четыре фрагмента стенок сузгунских сосудов найдены в заполнении столбовой ямки.

В уч. Б/20-22 дно сооружения 8 (возможно 8, 9) сплошь покрыто углистым слоем толщиной 2-3 см со следами жердей в виде полос с крупными углями. В этом слое обнаружены два скопления и отдельные крупные фрагменты сузгунских сосудов.

Жилище 9 выявлено в траншее 3, в юго-восточном углу четвертой площадки у вала. Поперек траншеи длиной 12 м, шириной 1 м, вытянутой вдоль южного края останца, обнаружена часть котлована сооружения шириной 3 м, углубленного в материк на 0,2-0,3 м. Котлован сориентирован параллельно стенам жилища раскопа I, описанным выше. Стенки котлована наклонные, пол понижается к западной стене, образуя неглубокую канавку шириной 1,6 м, заполненную черной супесью с углями. В центре канавки находился очаг в виде пятна прокала округлой формы диаметром 0,5 м, мощностью 0,12-0,15 м. У северо-восточной стенки котлована жилища обнаружено скопление трубчатых костей, возможно, человека.

В пределах жилищного углубления и рядом с ним найдена сузгунская керамика (более 150 фрагментов), обломки каменных изделий (терочник и др.). По характеру заполнения и полученного материала жилище 9 аналогично остальным сузгунским по-

стройкам. В верхнем слое найдена немногочисленная керамика раннего средневековья и обломки железного предмета (ножа ?).

Котлован *жилища 10* обнаружен в раскопе II под средневековым валом. Выявлены только часть (4м) его западной стенки и прилегающий участок котлована на ширину 0,9 м (рис.11). При этом, более половины зафиксированной площади котлована срезано грабительским вкопом. В непо потревоженной части жилища 10 в уч. Г/7 обнаружено скопление черепков одного сосуда сузгунского типа, отдельные крупные фрагменты других горшков, кости конечностей крупного рогатого скота и лошади. Некоторое представление об этом сооружении дают профили стенок уч. В,Г/6 (рис.11): оно имело котлован, углубленный в материк на 0,5 м. Западная стенка котлована слегка наклонная, с четко выраженным уступом, пол ровный, чуть понижающийся к центру. Стена вытянута перпендикулярно длинной оси городища поперек площадки горы (т.е. параллельно жилищам 1-8 в раскопе I). Восточная половина жилища 10 срезана средневековым рвом. Таким образом, в сходстве этого жилища с остальными сооружениями эпохи бронзы не приходится сомневаться.

Межжилищное пространство

Межжилищное пространство лучше исследовано в раскопе I. Находок здесь сравнительно немного. Попадались отдельные развалы сосудов, фрагменты керамики и их скопления встречались намного реже, чем в жилых постройках. Всего на межжилищном пространстве обнаружено 11 развалов сосудов из 125 и 7 скоплений керамики из 41. На участке между жилищами 4 и 5 выявлено более 10 столбовых ямок и несколько небольших ям (19-21) диаметром 0,3-0,5 м и глубиной 0,3-0,5 м. В яме 19 обнаружен развал сосуда № 57 (рис.24,2; 31,1). Некоторое исключение составляют участки к северо-востоку от жилища 1, занимающие наиболее возвышенную часть раскопа. В этом месте керамики встречено намного больше, чем на остальных участках межжилищного пространства. По-видимому, это связано с тем, что здесь сосредоточены наружные очаги и ямы сузгунского поселения (очаги 1-3, ямы 2-4). Очаг 1 (уч. В/5) зафиксирован на глубине 0,6 м. Представлял собой площадку округлой формы из бесформенных комков спекшейся глины, размером 1,2х1,25 м при толщине 0,1-0,12 м. Восточная половина очага выложена более плотно, между комками глины здесь было много золы и углей. Под очагом в этом месте расчищено небольшое углубление (0,2х0,35 м) овальной формы, заполненное только золой. В зольном углублении и рядом с ним обнаружена почти вся керамика,

происходящая из очага. Большинство фрагментов - от одного сосуда сузгунского типа. Под одним из кирпичиков найден большой кусок березовой коры. Очаг, залегающий на погребенной почве (рис. 9, А), перекрыт слоем глины, смешанной с землей. Рядом с очагом 1 на глубине 0,7 м расчищена яма 2 размером 2х0,8 м, глубиной 0,1-0,15 м. Четких очертаний яма не имела.

Очаг 2 (уч. Г/6) в виде пятна углистой супеси с пятнами прокала и золы, вкраплениями угольков. Имеет форму овала размером 0,9х0,6 м, толщиной 0,1-0,15 м. В очаге обнаружен маленький круглодонный сосунок (№ 1а) и развал сосуда (рис.3,Б,3; 31,7). Рядом с очагом расчищены две ямы (3, 4) округлой и овальной формы размером 0,3х0,6 м, глубиной до 0,1 м.

Напомним, что на участках вокруг постройки 4 зафиксировано множество зольных куч. Очень пестрая картина выявлена на участке между жилищами 7 и 8 (уч. А/17,18) (рис.7). Здесь почти сплошь идут пятна золы размером 0,4-0,6х0,7-0,8 м, и толщиной 0,06-0,12 м, которые подстилает материковая глина. Золой заполнены все столбовые ямки, которые находятся на этом участке. В уч. А/17 обнаружены два скопления кальцинированных и обугленных мелких костей с золой, расположенных небольшими кучками диаметром 0,4-0,45 м, толщиной 0,06-0,08 м. Рядом на площади 0,6х0,4 м обнаружено скопление шлаков, у северного края которого находилось большое пятно супеси с углями, у южного - зола и небольшие пятна прокала. Среди жженных костей и шлаков, а также вокруг них собраны обломки сузгунских сосудов. Кроме керамики вокруг скоплений жженных костей встречены кости (трубчатые, челюсти, лопатка) лошади, крупного рогатого скота, косули, обугленные жерди длиной 0,2-0,5 м, толщиной 0,04-0,06 м. Среди обломков костей животных обнаружена бедренная кость человека. В уч. А/18 около юго-западной стенки котлована жилища 8 и параллельно ей прослежена канавка удлиненно-прямоугольной формы размером 1,4х0,4 м при глубине 0,1- 0,12 м.

О застройке и сооружениях сузгунского поселка

В результате исследований культурных отложений эпохи бронзы на Чудской Горе не удалось восстановить целостную картину застройки сузгунского поселения, но отдельные ее фрагменты реконструируются достаточно определенно. Наиболее интенсивно в это время использовалась центральная часть горы (3-я и 4-я площадки) общей площадью около 3,5 тыс.кв.м, с юго-западной и северо-восточной сторон ограниченная рвом и валом. Похоже, что рвом была ограждена и вторая площадка (с юго-

западной стороны), на которой двумя шурфами выявлен культурный слой мощностью до 0,4 м, содержащий фрагменты сузгунских сосудов и керамику с крестовым орнаментом. Сейчас можно лишь сожалеть по поводу того, что во время раскопок Чудской Горы не было уделено должного внимания оборонительным сооружениям раннего поселка. Безусловно, они того заслуживают. Тем не менее, наличие системы укреплений в период функционирования на горе сузгунского поселка представляется нам более чем вероятным. Об этом свидетельствуют стратиграфические и планиграфические наблюдения (отсутствие следов перекрывания котлованов построек 2-3 поздними отложениями, малочисленность поздних находок в соответствующих местах раскопа I и др.), а главное, рвы и следы обваловки между первой и второй, второй и третьей площадками не могут быть соотнесены ни с потчевашскими объектами, ни с остатками кратковременной стоянки позднего средневековья. Крайний с северо-восточной стороны ров, отделяющий четвертую площадку от пятой, на наш взгляд, также относится к эпохе бронзы. В системе обороны поселка потчевашской культуры он не вполне логичен.

Истинные размеры рвов сузгунского городища не известны, но, судя по внешним признакам, они были достаточно глубокие и широкие. Т.М.Потемкина предполагает, что они имели глубину до 1,5-2 м. Несмотря на свою возможную внушительность, сами по себе рвы не являлись непреодолимым препятствием. Более того, без дополнительных защитных конструкций они были бессмысленны, так как на жилую площадку можно было подняться по северному и южному склонам горы. Последние, в свою очередь, не были настолько крутыми, чтобы сделать такие попытки невозможными. Следовательно, рвы должны были дополняться другими оборонительными сооружениями, а именно деревянными стенами. На то, что такие стены существовали, указывают выраженные в рельефе следы вала с внутренней стороны рва между площадками 2 и 3. В действительности, это остатки земляной крепи - основания деревянной стены (или забутовки, если стена была двойная). По-видимому, стена из горизонтально сложенных бревен (следов частокольной канавки в раскопах не обнаружено) ограничивала поселок по периметру. При этом она могла быть возведена как по краю ровной площадки, так и на склонах останца. Небольшая седловина на валу, о которой упоминает автор раскопок, возможно образовалась на месте прохода на территорию городища с юго-западной стороны. Вероятно, такой же проход имелся в северо-восточной части укрепленного поселения. Напротив ворот через ров могло быть переброшено какое-то мостовое сооружение, а на укрепленную площадку мож-

но было попасть либо по узким проходам между бревенчатой оградой и стенами построек, либо через дверные проемы в стенах сооружения 1, 2.

Таким образом, мы предполагаем, что система укреплений эпохи бронзы на Чудской Горе включала бревенчатую стену, окружавшую центральную часть останца, и два рва, преграждавшие доступ на территорию поселка с юго-западной и северо-восточной сторон. Естественная крутизна северного и южного склонов горы являлась фактором, усиливающим защищенность поселения. На городище были как минимум два входа - со стороны площадок 2 и 5.

Без дополнительных материалов нельзя сказать ничего определенного о характере и назначении укреплений на площадке 2, равно как о наличии защитных сооружений вокруг площадки 5. Кроме того, без продолжения полевых исследований нельзя установить степень достоверности реконструируемой нами системы фортификаций поселения эпохи бронзы. Заметим, что предполагаемые укрепления Чудской Горы вполне вписываются в схему фортификационного дела населения лесного Зауралья и Западной Сибири конца бронзового - начала железного веков, характерными признаками которых являются: взаимозависимость естественной (природной) и искусственной укрепленности при особой роли первой, дерево-земляные укрепления, замкнутая система обороны, бревенчатые стены по периметру как ведущий элемент обороны (с напольной стороны они возводились на валах) и др. (Борзунов, Новиченков, 1988, с.100-101; Борзунов, Морозов, 1994, с.151).

Все исследованные постройки (1-10) находились в пределах укрепленной части останца. При этом мы не исключаем возможности их присутствия и на других площадках памятника. В самой узкой части городища у юго-западного вала жилые сооружения (котлованы 1-3) располагались вплотную друг к другу, полностью занимая пространство между северо-западным и юго-восточным склонами. Постройки 6-9 образуют ряд вдоль юго-восточного склона. Представляется очевидным, что в результате раскопок на Чудской Горе обнаружена только малая часть сузгунского поселка. Мы полагаем, что его планировка выглядела следующим образом: к северо-востоку от сооружений 1-3 постройки располагались в один ряд вдоль обоих склонов горы и вдоль линии защитных сооружений (стена-ров), ограничивавших площадку городища с северо-восточной стороны. Другими словами, постройки жилого и иного назначения расположены по периметру площадки, а ее узкая центральная часть оставалась незастроенной. Принимая во внимание ширину котлованов рас-

копанных объектов (3-5 м) и расстояние между ними (2-4 м), нетрудно подсчитать, что на защищенной оборонительными сооружениями площади могло разместиться около 25-30 построек. Сколько их было в действительности и сколько из них функционировало одновременно, можно только догадываться.

Большинство сооружений имели длинные узкие котлованы размером 8-12х3-5 м, углубленные в материк на 0,2-0,6 м (не менее 0,4-0,8 м от древней поверхности), т.е. все они полуземляночного типа. Контуры углубленной части в каждом конкретном случае, вероятно, не совпадали с действительными границами построек, проведенными по их стенам. Скорее всего, стены отстояли от края котлована на какое-то расстояние (вполне достаточно 0,5-1 м). В противном случае, если бы они возводились со дна котлованов, невозможно удовлетворительно объяснить присутствие очагов, хозяйственных ям, целых сосудов и других находок непосредственно под стенами котлованов (см., например, очаги 5, 8, 9, 15, 23, 24, ямы 7, 25, 28 и др.). Только тем, что стены находились за пределами углубленной части сооружений, можно объяснить наличие разного рода выступов, ниш и просто неровность границ котлованов. Тем более, что основным строительным материалом при возведении стен и кровли являлось дерево, многочисленные остатки которого зафиксированы на дне и в заполнении практически всех котлованов. Таким образом, площадь исследованных построек несколько больше площади их котлованов, а форма жилищ в плане более правильная - прямоугольная или близкая к ней. По отношению к длинной оси городищенской площадки и склонам горы полуземлянки расположены под прямым углом. Исключение, возможно, составляют сооружения, примыкающие к валам.

К сожалению, сузгунский поселок раскопан не весь и большая часть выявленных построек исследована в ограниченном объеме, поэтому говорить об их конструкции можно лишь в предположительной форме. Судя по тому, что в наиболее полно раскопанных сооружениях 1-4 выявлено довольно много столбовых ям, постройки эпохи бронзы на Чудской Горе имели каркасно-столбовую конструкцию. В расположении столбовых ям, несмотря на кажущуюся неупорядоченность, есть определенная система. Основу каркаса домов составляли вертикально вкопанные столбы, образующие в котловане продольные и поперечные ряды. Очевидно, они связывались сверху балками в жесткую раму, которая поддерживала перекрытие и стены сооружений. Положение расчищенных остатков дерева в котлованах 1-3,7 позволяет предполагать, что перекрытие состояло из поперечных жердей и досок, плотно уложенных на продольные сгни. Малая ширина кот-

лованов и отсутствие четко выраженного ряда столбовых ям по их осевой линии как будто указывают на то, что кровля была плоской. Имела ли она наклон в какую-то из сторон, сказать трудно, но такой вариант не исключен. Стены, по-видимому, были наклонными и состояли из бревен, плах и жердей, нижним концом упиравшихся в землю, а верхним крепившихся к раме. Стены и перекрытие, вероятно, сверху засыпались землей и обкладывались дерном. Повышенные требования к прочности конструкции в целом и отдельных ее элементов обусловлены стационарным характером построек, функционировавших в течение продолжительного времени, в том числе в зимних условиях.

Часть столбов, ямки от которых расчищены в котлованах, вероятно, не связана с конструкцией каркаса и имеет отношение к обустройству интерьера построек, некоторые ямки могут свидетельствовать о ремонте сооружений или их перестройке.

Постройки 4-9 мы склонны рассматривать как однокамерные сооружения². Нельзя не заметить, что в ряду жилищ вдоль юго-восточного края площадки некоторые строения обособлены (постройка 4), другие приближены друг к другу (постройки 5, 6). Сложнее с объектами, расположенными в самой узкой части городища. При их анализе необходимо учитывать следующие факты. 1. Котлованы, соотносимые с постройками 2 и 3, выкопаны в общем углублении, форма и размер которого полностью не установлены, т.к. его северо- и юго-западная границы остались за пределами раскопа (он определенно более 12х14 м при глубине около 0,2 м). 2. На горизонтальной плоскости узкой перемычки, разделявшей котлованы, расчищено несколько столбовых и хозяйственных ям. Столбы, судя по разрезу ям, вкопаны вертикально. Следовательно, перемычка не могла служить основанием наклонных стен двух построек: скорее всего, здесь находилась деревянная стена, общая для двух помещений. Был ли в этой стене проход, неизвестно, но по характеру остатков в каждом из помещений можно допустить их вполне автономное функционирование. 3. Котлован постройки 1 отделен от общего для помещений 2, 3 углубления еще более узкой материковой перемычкой, на которой также имеются ямки от столбов. Данное сооружение с равным основанием может рассматриваться как самостоятельно функционировавший объект, так и в качестве обособленного помещения большой многокамерной постройки. Складывается впечатление, что оно было пристроено к уже существовавшему двухкамерному дому.

Констатируя наличие на территории укрепленного поселения многокамерного комплекса, объединявшего как минимум три помещения, мы не склонны преувеличивать значение этого фак-

та. Если не иметь в виду характер связей между обитателями этого комплексного сооружения, то внешне оно выглядит как соединение на ограниченной площади и под одной крышей трех автономных построек (1-3). К такому заключению приводят: отсутствие следов внутренних переходов между камерами, наличие в каждом из помещений самостоятельных коридорообразных выходов, анализ состава находок и элементов внутреннего интерьера, отсутствие данных о различном использовании помещений, очевидное сходство построек 1-3 с однокамерными постройками городища (ср., например, постройки 3 и 4, 1 и 5, 6).

В трех случаях выявлены коридорообразные выходы из помещений, направленные к юго-восточному склону горы (к старичному оз. Ныр; постройки 1, 3, 6), а жилище 1 имело еще один выход - на противоположный северо-западный склон (рис.7). Во всех случаях выходы устроены в торцевых стенах домов. Пол в коридорах слегка углублен в землю, что дает возможность представить приблизительные размеры входных сооружений: длина 2,5-5 м, ширина 1,5-2,5 м. По каким-то причинам юго-восточные выходы из построек 1 и 3 перестали использоваться по своему назначению: в них на полу обнаружены очаги (18, 23, 24), зольные пятна, целые и раздавленные сосуды, скопления костей животных и другие находки (в числе последних - бронзовая антропоморфная фигурка). Можно предположить, что наряду с коридорообразными входами постройки сузгунского поселения имели выходы, оформленные в виде проема в стене.

В котлованах построек 1, 2, 9 отмечено понижение пола к северо-восточной стене. На дне сооружений выявлены остатки многочисленных очагов, наземных или в неглубоких ямах: в виде кострищ, глиняных вымосток или из крупных слабообожженных кирпичиков. На полу и в ямах отмечены также кучки золы с кальцинированными мелкими косточками. Рядом с очагами расчищены скопления костей животных, в основном, лошади, крупного рогатого скота, собаки, лося, а также чешуи и костей рыб. Около очагов в ряде случаев (постройки 1, 3, 4 и др.) находились целые и раздавленные сосуды. Они стояли либо на донышке, либо были перевернуты вверх дном. В каждом из наиболее полно исследованных сооружений найдено очень много керамики, в том числе целых горшков. Ямы хозяйственного назначения имелись во всех постройках: они, как правило, небольшие и неглубокие. Нередко ямы соседствуют с очагами. Крупная хозяйственная яма (16) обнаружена только в постройке 2.

Интенсивно использовались также межжилищное пространство (по-видимому, в теплое время года) и относительно пологие участки северо-западного склона, обращенные в сторону поймы

Иртыша и небольшого ручья, впадающего в оз.Ныр. Об этом свидетельствуют достаточно мощные культурные наслоения (до 0,4-0,6 м), многочисленные очаги, ямы, зольники, находки сосудов (целых и в развалах), отдельных вещей. Края некоторых сооружений (например, постройка 2) частично выходили на северо-западный склон горы.

Сузгунское население использовало и самую большую на горе площадку 5, но, вероятно, менее активно: культурный слой здесь составляет 0,1-0,3 м, ямы и очаги попадаются реже, находки керамики немногочисленны (раскоп III, траншеи 1, 2, шурфы). Следы жизнедеятельности обитателей сузгунского поселения зафиксированы и на площадке 2. На юго-восточном склоне останца, обращенном к старому руслу Иртыша (оз.Ныр), культурный слой отсутствует.

Трижды в скоплениях костей животных обнаружены отдельные кости человека: берцовая (постройка 3, уч. Г/2), бедренная и берцовая (постройка 6, уч. А/11-12), бедренная (уч. А/17). Еще в трех случаях найдены кости черепов и отдельные кости скелета человека, следы могильных ям отсутствовали. Все находки костей человека зафиксированы в одинаковых условиях с прочими культурными остатками: в заполнении и на дне котлованов (постройка 4, уч. А/6; постройка 6, уч. А/11; б/11). Как нам кажется, нет оснований видеть в этих находках следы захоронений или строительных жертвоприношений.

Характеристика инвентаря

Коллекция находок с Чудской Горы насчитывает 17488 единиц. Керамический комплекс включает около 17 тыс.фрагментов и более 100 целых сосудов. Еще около 4 тыс.мелких и неорнаментированных черепков после просмотра были зарыты в яме в одном из отработанных участков раскопа. Прочие изделия немногочисленны. Предметов с четко определяемой формой и назначением - не более сотни, а число разновидностей изделий - всего 25. Обилие керамики и немногочисленность других предметов материальной культуры - характерная особенность практически всех исследованных сузгунских памятников, поэтому мы хотели бы дать более подробную характеристику полученного инвентаря.

Изделия из бронзы (6 экз.): фигурка человека (идол), зеркало (бляха?), однолезвийный нож и обломок однолезвийного ножа, наконечник стрелы, втулка-обкладка (деревянного стержня).

Бронзовое зеркало (бляха?). Обнаружено в слое с сузгунской керамикой на пятой площадке городища в траншее 2 (уч. 5) на глубине 0,35 м, в канавообразном углублении шириной 1,3 м.

глубиной 0,2-0,4 м, очень напоминающем выходы из жилищ 1, 3. Изделие литое, дисковидной формы, диаметром 5 см, с полуовальной разомкнутой петелькой с внутренней стороны, под которой имеется небольшое углубление. Внешняя поверхность предмета заполирована. По окружности имеются небольшие выступы, особенно заметны два из них - вероятно, литейные швы (рис.16,13).

Дисковидные зеркала небольших размеров с петелькой, аналогичные вышеописанному, известны в комплексах поздней бронзы на достаточно широкой территории: в федоровских погребениях на Енисее (Максименков, 1976, с.72, табл. ЛIII,4) и в Центральном Казахстане (Маргулан, Акишев, Кардыбаев, Оразбаев, 1966, с.75, табл.XII,1; Максимова, 1961, с.62, рис.2), в погребениях еловской культуры (Косарев, 1981, с.125, рис.43,11), в массовом порядке как предмет культа - в Южной Сибири в карасукских памятниках и позже (Комарова, 1952, с.42, рис.22,1; 30; Грязнов, 1956, табл. III,3), в памятниках степной бронзы Средней Азии с позднефедоровскими и смешанными алакульско-федоровскими материалами (Аскарлов, 1969, с.61, рис.2,7; Кожомбердиев, Кузьмина, 1980, с.148, 150, рис.1,5; Исаков, Потемкина, 1989, с.153, рис.5,11), в тазабагыбской культуре в Приаралье (Итина, 1977, с.133, рис.67,18). Эти изделия находят также близкие аналогии в Китае в эпоху бронзы среди иньских и раннезападночжоуских образцов, где они считаются предметом чужеродного производства (Варенов, 1985, с.166-167, рис.2, 2,3). Повсеместно бронзовые зеркала рассматриваемого типа датируются рубежом II-I тыс. до н.э. (XII-IX, XI-IX вв. до н.э.).

Наконечник стрелы (рис.16,3; 17,2) - литой, с узким листовидным пером, плавно переходящим в удлиненно-трапецевидный уплощенный черешок. Длина - 6,6 см, сечение пера - ромбическое, черешка - прямоугольное. Листовидные черешковые наконечники встречаются довольно редко. Наконечники этого типа, правда, с более четко выделенным пером, найдены в Зауралье на Межовском селище (Сальников, 1967, с.361, рис.58,11, с.362), в Притоболье на Алексеевском поселении (Кривцова-Гракова, 1948, с.82, рис.13,4) и поселении бархатовской культуры Заводоуковское X (раскопки археологической экспедиции Уральского университета, рук. А.С.Сергеев, 1988). В Нижнем Приишимье на многослойном поселении Серебрянка I найдена створка глиняной формы для отливки наконечника стрелы с плоским черешком и пером пламевидной формы (Панфилов, 1993, с.43, 76, рис.18,9). На этом памятнике в составе керамической коллекции имеются фрагменты сосудов андроновидного облика. Кстати, на Алексеевском поселении также найдены обломки сосудов сузгун-

ского (или пахомовского) типа (Кривцова-Гракова, 1948, с.135, рис.57,7), которые, как нам представляется, следует соотносить с комплексом валиковой керамики.

Н.А.Аванесова датирует подобные наконечники по Лобойковскому кладу и литейным формам с Алексеевского поселения XII-IX вв. до н.э. (Аванесова, 1991, с.46, 47, рис.39, XXIX). Типологически сходные наконечники из Южной Туркмении (II тип по Е.Е.Кузьминой) и Юго-Западной Туркмении (могильник Сумбар I) относятся к эпохе поздней бронзы и датируются XII-VIII вв. до н.э. (Кузьмина, 1966, с.33) или второй половиной II - началом I тыс.до н.э. (Хлопин, 1983, с.47). Типологически сопоставимо с перечисленными наконечниками стрел изделие (ланцет), найденное в ирменском могильнике Преображенка-3. Оно имеет узкое, листовидной формы лезвие, тщательно заточенное с обеих граней, и длинный стержень круглого сечения (Молодин, 1985, с.124, 125).

Нож (рис.16,5; 17,3) - пластинчатый, однолезвийный, рабочая часть - закруглена, со стороны рукояти - заострена за счет скошенности со спинки. Точная атрибуция ножа затруднена по причине невыразительности формы. Однако известно, что исключительно однолезвийные ножи встречаются в комплексах поздней бронзы как южно-таежных, так и степных культур: андроновских на Верхней Оби, сузгунских и ирменских в Барабе, еловско-ирменских Томско-Нарымского Приобья, тазабагыбских Приаралья. Среди них есть экземпляры, сходные с ножом Чудской Горы (Матюшенко, 1973, с.13, рис.8; Молодин, 1985, рис.63,2,3; Косарев, 1981, с.156, рис.60,1,19; Итина, 1977, с.128, рис.67,1-5).

Втулка-обкладка (рис.16,8; 17,4) из свернутого в коническую трубку тонкого листа бронзы с заходящими краями, длина - 9,5 см. Во внутренней полости, около меньшего диаметра конца, сохранилась часть деревянного стержня (древка?). Как отмечает В.И.Молодин, массивные втулки-пронизки, изготовленные из бронзового листа (свернутого в цилиндрические или конические трубочки) достаточно широко встречаются на памятниках ирменской культуры (Молодин, 1985, с.127). Правда, они уступают по своим размерам втулке-обкладке с Чудской Горы. Похожие предметы, но гораздо меньшего размера, известны на поселении Черноозерье I в Среднем Прииртышье (Генинг, Стефанов, 1993, с.80, рис.8,6) и в атасуском могильнике Темир-Астау в Центральном Казахстане (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с.117, 271, рис.LIV,7). У последней находки один конец прокован.

Нельзя не отметить, что нож, наконечник стрелы и обкладка стержня изготовлены довольно небрежно и практически не сра-

ботаны. Возникает впечатление, что эти предметы не предназначались для использования в производственной деятельности.

Исключительный интерес представляет бронзовая фигурка - первая находка антропоморфного литья в андронидных комплексах (рис.16,2; 17,1). Она была обнаружена в жилище 1 у очага 18, на глубине 0,4 м от поверхности, у южного склона горы (Косарев, 1981, с.142-145, рис.53,8). Фигурка лежала плашмя, головой на север. Рядом находились десять сосудов сузгунского типа (рис.19,4), два из которых стояли вверх дном, а также длинные кости конечностей и челюсть крупного животного.

Изображение антропоморфного существа плоскостное, имеет высоту 8 см. Голова и туловище переданы предельно схематично и обобщенно, признаки пола не подчеркнуты. Голова эллипсоидной формы, соединена с туловищем короткой шеей. На лице отчетливо выделены только широкопоставленные глаза двумя полушарными выпуклостями и рот удлинненным полуovalом, сдвинутым в правую сторону. На туловище ниже выделенных шеи и плечей намечены руки в форме подтреугольных выступов. Ноги раздвинуты и моделированы в форме удлинненных прямоугольных выступов. Поверхность фигурки в области плечей и живота пришлифована, отчего сохранились продольные царапины, по-видимому, таким образом сглаживались неровности отливки.

Прямые аналогии данному изделию нам не известны. Тем не менее, довольно близкие по манере исполнения скульптуры человека из дерева и бронзы найдены в ряде культовых мест Урала и Западной Сибири. Наиболее известен деревянный идол с VI разреза Горбуновского торфяника (рис.47,1), обнаруженный у настила размером 3,4х2,5 м из жердей и досок. Рядом с ним найдены два условных изображения птиц и змеи, ковш с головой гуся, бумеранг, каменные орудия и их обломки, скопления костей животных и птиц, керамика позднэнеолитического облика, на досках настила - следы углистых пятен. Здесь же найдены вислообушный топор, обломок литейной формы для кельта, и "андроновская" (по определению автора раскопок) керамика (Эдинг, 1940а, с.11, 14). Знакомство с последней по иллюстративному материалу позволяет в свете современных данных определить эту посуду как андронидную (Эдинг, 1940а, с.16,17, рис.4-6; с.21, рис.10,2; с.25, рис.14). Известно, что VI разрез Горбуновского торфяника исследователи определяют как культовое место (Эдинг, 1937, с.134-137, рис.3,4; 1940, с.56; 1940а; Киселев, Чернецов, 1946, с.173; Мошинская, 1976, с.13,14). Среди найденных на Гляденовском костыше бронзовых антропоморфных фигурок есть изделия, сходные с идолом Чудской Горы; культовые предметы находились в слое пепла вместе с керамикой и различ-

ными орудиями (Новокрещенных, 1914, с.36, 39, 70, табл. II, 20, 25). Можно заметить, что в составе керамической коллекции Гляденовского костыща встречаются немногочисленные фрагменты горшков, сопоставимые с керамикой межовско-березовского типа (Новокрещенных, 1914, табл. XVI, 17, 20, 28).

Все отмеченные антропоморфные фигуры сближает схематичность изображения, округло-овальная форма головы, отсутствие или короткие выступы на месте рук, раздвинутые удлинено-подпрямоугольные ноги (рис.48, 1, 3). Эти признаки соответствуют второму уральскому и западносибирскому типам деревянной и металлической скульптуры, выделенным С.В.Ивановым (Иванов, 1970, с.61-62, 284, рис.268, 4, 5). Данные типы культовой скульптуры характерны для Обь-Иртышского угорского населения, особенно южных групп хантов, манси, а также нганасан, селькупов, кетов, эвенков, ненцев (Иванов, 1970, с.25, рис.10; с.28, рис.13; с.56, рис.42, 1, 2; с.107, рис.96, 7 и др.). У северных групп населения Западной Сибири больше распространены остроголовые фигуры (северосибирский тип по С.В.Иванову).

По мнению исследователей, занимающихся вопросами древнего искусства Урала и Сибири, появление образа человека, в том числе и из бронзы, в данных регионах относится к первой половине II тыс. до н.э. При этом большинство изображений происходит с жертвенных мест и изредка - с поселений (Студзицкая, 1987, с.318-319; Молодин, 1992, с.24-26, 76). Самыми древними считаются деревянные идолы с торфяников Среднего Зауралья, прежде всего, Горбуновского (Мошинская, 1976, с.15, 47; Студзицкая, 1987, с.318), к которым восходит второй уральский тип скульптуры, получивший распространение у многих народов зауральско-западносибирского региона (рис.48, 1, 2), но более всего у юго-восточных групп хантов и у манси. Известен он и на Алтае - у телеутов, тубаларов (Иванов, 1970, с.26-27, 61, 62).

Нельзя не обратить внимания на своеобразную "оголенность" фигурки с Чудской Горы, что характерно как для идолов Горбуновского торфяника, так и религиозной скульптуры обских угров (у них оформлялись главным образом голова и туловище). Схематизм антропоморфных существ часто объясняется тем, что, по этнографическим данным, изображения духов-покровителей имели одежду и украшения, закрывавшие условно переданную или не оформленную большую часть фигуры (рис.48, 4). Открытыми оставались голова или только лицо (Иванов, 1970, с.28, рис.13; с.37; с.40, рис.28 и др.; Гемуев, Сагалаев, 1986). Однако еще Д.Н.Эдинг, тщательно анализируя прекрасно сохранившуюся деревянную скульптуру Горбуновского торфяника, обратил вни-

мание на предельно схематичную, условную трактовку изображения идола и найденных рядом с ним фигурок птиц и змей, в то время как изображения, связанные с утилитарным назначением (ковши и др.), чрезвычайно реалистичны (Эдинг, 1940а, с.63-67, рис.59-63). По его мнению, изображения, дающие только схему, неполную и искаженную, как в целом, так и в деталях, указывают на стремление резчика отойти от природы, "обозначить объект рассудочно избранными чертами отнюдь не воссоздающего изображаемого" (Эдинг, 1940а, с.69,75), т.е. сделать изображение в соответствии с существующими представлениями, а не с реальностью. Вероятно, здесь важны были не детали изображений, а их символика. Следует полагать, что именно в этом причина сходства идолов от энеолита до современности. Трактовка образов, их формы были целиком predeterminedены функциональным назначением изображений - находки идолов связаны с культовыми местами.

Изделия из кости представлены концевыми вкладышами для лука (2 экз.), наконечниками стрел (2 экз.), проколками (7 экз.).

Концевые вкладыши для лука (рис.16,1,19; 34,3). Имеют вид пластин, у которых один конец - подтреугольный, отделен от остальной части - в верхней трети - двумя трапециевидными выемками по бокам (вырезы для тетивы), противоположный конец заужен и уплощен с обеих сторон. Сечение - овально-подпрямоугольное. Подобные изделия известны в комплексах барабинского варианта сузгунской культуры (Молодин, 1985, с.152, рис.75,4), еловских и ирменских Верхнего Приобья (Матющенко, 1974, с.61,62; Матвеев, 1993, с.71, 178, табл. 24,9), пахомовских предтаежного Тоболо-Иртышья (Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991, с.83; Евдокимов, Корочкова, 1991, рис.4,7); они найдены на юге Тюменской области на поселении Ольховка (Матвеев, Матвеева, Панфилов и др., 1995, с.172, рис.30) и на поселении Ефимово I начала I тыс.до н.э. в лесостепном Приишимье (Матвеев, Горелов, 1993, с.21, рис.12, 7).

Заметим, что многие исследователи называют эти предметы концевыми накладками для лука (Косарев М.Ф., Матющенко В.И., Молодин В.И., Галкин В.Т. и др., в том числе и авторы данной работы). Как нам кажется сейчас, изделия, типа найденных на Чудской Горе и в перечисленных выше комплексах, не накладывались, а вставлялись в специальные пазы на концах лука. На такой способ соединения указывают наличие симметричных в профиле срезов на обеих плоских сторонах пластин, относительная массивность предметов и отсутствие случаев их нахождения в паре с другим экземпляром. По этой причине мы

воспользовались для обозначения данных предметов названием, встреченным в работах А.В.Матвеева, - "концевой вкладыш".

Добавим, что аналогичной формы накладки (?), но из дерева, найдены на VI разрезе Горбуновского торфяника вместе с остатками деревянных луков, имеющих отношение к культовым объектам (Эдинг, 1940а, с.26, рис.12,4). Определенное сходство прослеживается и со вторым типом концевых накладок с Усть-Полюя (Мошинская, 1953а, табл. III). Маленькие размеры последних, скорее всего, объясняются тем, что в данном случае мы имеем дело не с собственно луками, а их моделями.

Наконечники стрел (рис.16,20) изготовлены из стенок крупных трубчатых костей. Они черешковые с ромбовидным, несколько асимметричным пером, заостренными боковыми гранями; поверхность не заполирована. Подобные наконечники известны на памятниках поздней и финальной бронзы южнолесных и степных культур (Косарев, 1981, с.157, рис.60,24; 61,11; Молодин, 1985, с.127, рис.65,1,2; Обыденнов, 1991, с.61, рис.54,9; Потемкина, 1989, с.66, рис.17,12,13; Кривцова-Гракова, 1948, с.124, рис.49,3; Черников, 1960, с.55, рис.XLVII,4,6; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с.61, рис.33,4). Во всех случаях они встречены в комплексах, датируемых XII-IX вв. до н.э.

Проколки двух разновидностей: из грифельных костей лошади или лося, с четко выраженными головками, исключительно тонко заостренной рабочей частью без следов сработанности, тщательно заполированной поверхностью (5 экз.) (рис.16,9,10; 34,1,2,4); без головок, с обработанной лишь рабочей частью, затупленной в процессе работы (2 экз.) (рис.34, 6). Круг аналогий этим изделиям довольно широк: как в памятниках синхронных, так и предшествующих и последующих периодов. Укажем лишь на находки подобных проколов с головками в пахомовских комплексах предтаежного Тоболо-Иртышья (Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991, с.83), еловско-ирменских Томского Приобья (Косарев, 1981, с.157, рис.60,2,3), кротовских и ирменских Барабы (Молодин, 1985, с.51, рис.23,10,12; с.166, рис.85,6; 86,12), межевских Приуралья (Обыденнов, 1991, с.28), трушниковских Восточного Казахстана (Черников, 1960, табл. XLVII,25).

Изделия из глины наиболее многочисленны в вещественном комплексе Чудской Горы: предметы бронзолитейного производства (обломки литейных форм, тигли, льячки, стержни - 22 экз.), пряслица (4 экз.), кружочки (12 экз.), грузила (2 экз.), шарики (2 экз.), бусина (1 экз.).

Предметы бронзолитейного производства представляют все основные его этапы - плавку (тигли), разливку (лячки) и формовку металла (литейные формы, стержни). Из обломков тиглей

(9 экз.) лучше всего сохранилась часть круглодонной толсто-стенной чашки с диаметром по венчику 5,5 см, высотой 3 см (рис.27,2). Другие обломки, в том числе и с каплей бронзы на внутренней стороне, от плоскодонных и более толстостенных емкостей. Сохранились и сильно оплавленные придонные части тиглей диаметром 6 - 7 см (рис.27,3,6), вероятно, от небольших приземистых чаш с невысокими бортиками. Льячки (рис.27,4,5) сделаны в виде небольших ложек с короткими ручками (3 экз.).

Литейная форма (рис.16,14; 27,1) представлена крупным обломком створки из хорошо обожженной глины, с большой примесью песка. Она была предназначена для отливки крупного предмета, вероятнее всего тесла трапецевидной в плане и прямоугольной в разрезе формы. По мнению С.В.Кузьминых, это могло быть и тесло с уступом. Сохранившаяся часть формы - негатив более зауженной части тесла со стороны рукояти (длина - 5,3 см, ширина - 1,3-1,5 см, толщина 0,4-0,5 см). Тесла трапецевидной формы, прежде всего с уступом, были распространены в период финальной бронзы на широкой территории, но особенно характерны для Казахстана и культур степной бронзы Средней Азии, где они датируются XIII-IX, XII-IX вв. до н.э. (Черников, 1960, с.44, рис.XXXVI,7; Кузьмина, 1980, с.144, рис.1,25; Аванесова, 1991, с.33, рис.37,10-18). Литейная форма для отливки тесла, сходного с нашим, найдена на межовском поселении Дуванейское в Приуралье (Обыденнов, 1991, с.21, рис.51,5,6), а бракованная отливка орудия этого типа встречена в Тюменском Приишимье на поселении Ир II в жилище 2 (Косинская, 1984, с.47-51, рис.3,18). Второй, неплохо сохранившийся обломок литейной формы, вероятнее всего, служил для отливки шильев с ромбическим сечением (рис.27,7).

Стержни - конусовидной формы (3 экз.). Наиболее близкие аналогии этим предметам имеются в южно-лесных (межовской, сузгунской, ирменской) и степных (алексеевско-саргаринской, тазабагыбской) культурах (Молодин, 1985, с.152, рис.75,1,10,11; Обыденнов, 1991, с.65, рис.58,5,6,8,9,13,15; Кривцова-Гракова, 1948, с.100, 147; Потемкина, 1985, с.101, рис.34, 4-6; Итина, 1977, с.131, рис.38,2,3; с.192).

Грузила (рис.16,22,23; 26,6) овально-уплощенной формы с одним желобком-перехватом. Грузила этого типа широко распространены на юге таежной зоны от Урала до Томско-Нарымского Приобья, особенно много их на памятниках Тюменского Прито-боя. М.Ф.Косарев подчеркивает, что подобная форма грузил особенно характерна для заключительного периода эпохи бронзы (Косарев, 1981, с.136, рис.50,13,16-19; 67,7). Для сузгунской культуры такие изделия являются типичной находкой: они най-

дены на всех раскопанных поселениях (Галкин, 1991б, с.12; 1991а, с.91, рис.3,5).

Пряслица (рис.16,12) диаметром 2,5-4 см и кружки из стенок сосудов диаметром 3-5,5 см, с орнаментом и без (рис.16,16,17; 26,4,5,7). Орнамент тот же, что и на сузгунских сосудах - ленты с поперечной штриховкой. Часть кружков по периметру тщательно зашлифована (рис.34,5), но у большинства из них края просто оббиты. Пряслица и кружки из стенок сосудов без следов работы на боковых гранях - очень частая находка на поселениях многих культур периода поздней бронзы и раннего железного века. Встречены они и на сузгунских памятниках (Мошинская, 1957, с.119). Особенно многочисленны кружки, на всех исследованных сузгунских памятниках их найдено около 150 экз. (Галкин, 1991б, с.12). Предполагается, что эти предметы использовались либо для игры, подобно игре в камушки (Кривцова-Гракова, 1948, с.147, рис.66; Черников, 1960, с.49, рис.XLI,25,26; с.61, рис.LV,17,23; Потемкина, с.65-68, с.18,10-13), либо в ритуальных целях (Генинг, Позднякова, 1964, с.48, табл. I, 8-11). Галкин В.Т. видит в них "игральные жетоны для настольной игры, позаимствованной сузгунцами от андроновцев" (Галкин, 1991б, с.12-18).

Бусина (рис.16,21; 26,1) - округло-уплощенной формы, со сквозным отверстием и хорошо заглаженной поверхностью. По окружности орнаментирована крупными насечками, образующими прерывистый зигзаг. Неорнаментированная глиняная бусина найдена на поселении ирменской культуры Сибирская Саргата I в лесостепном Прииртышье.

Шарики (рис.16,18; 26,2,3) не совсем правильной формы, с бугристой поверхностью, диаметром 2,6 см и 3 см. Подобные предметы часто встречаются на поселениях пахомовской, межовской и ирменской культур, в позднебронзовых комплексах Восточного Казахстана (Черников, 1960, с.233, табл. XXXVIII, 5). Найдены они и на красноозерских поселениях Инберень V и Ново-Троицкое I (Абрамова, Стефанов, 1985, с.110, рис.5,10; Труфанов, 1984, с.68). В Барабе глиняные шарики известны в памятниках кротовской культуры (Молодин, 1985, с.70). По мнению М.Ф.Обыденнова, они использовались для игр или в качестве грузил для сетей (Обыденнов, 1991, с.28, 29, 98). В.И.Молодин рассматривает их как приспособления для ловли птиц (Молодин, 1985, с.129).

Практически во всех исследованных постройках Чудской Горы найдены глиняные кирпичики, использовавшиеся в очажных конструкциях (в жилище 2 их обнаружено более 50 экз.). В большинстве случаев они представлены бесформенными обломками, но есть и относительно хорошо сохранившиеся экземпляры. Судя

по ним, кирпичики были двух типов: прямоугольных в плане и разрезе очертаний, но гораздо чаще - в виде округлых или округло-овальных приплюснутых лепешек различной толщины. Они небрежно сформованы и плохо обожжены. Овальные и округлые глиняные кирпичики являются довольно частой находкой в жилых сооружениях сузгунских поселков, поселений пахомовской и бархатовской культур и др. В жилище 1 на Красной Горе В.Т.Галкин обнаружил площадку из 22-х плотно уложенных кирпичиков округло-овальной формы (Галкин, 1991а, с.88). На поселении Ир II в лесостепном Приишимье на дне одной из очажных ям жилища 2 было найдено более 25 таких лепешек-кирпичиков (Косинская, 1984, с.47). Аналогичные изделия встречены в поселенческих комплексах южно-таежного и лесостепного Притоболья (Заводоуковское Х, Язево I, Камышное II и др., см.; Потемкина, 1985, с.68, 69, 100), датируемых концом II - началом I тыс. до н.э. Известны они в алексеевско-саргаринских поселениях. Глиняные кирпичики, преимущественно прямоугольной формы, широко использовались населением алакульской культуры урало-казахстанских степей и лесостепной полосы (XV-XIV вв. до н.э.). Для культур эпохи бронзы таежной зоны Западной Сибири подобные находки не являются характерными.

Изделия из камня (33 экз.) достаточно разнообразны, но в большинстве своем представлены весьма невыразительными формами: оселок, терочник, песты (2 экз.) и обломки пестов (3 экз.), гальки (7 экз.), ножевидные пластины с ретушью (3 экз.), массивные скребки на кварцитовых плитках (2 экз.), камни со следами сработанности.

Оселок (рис.16,6; 41,1) - трапециевидной формы, с тщательно зашлифованными плоскими гранями. Подобные изделия широко представлены в степи и лесостепи в комплексах заключительного этапа эпохи бронзы и раннего железного века от Причерноморья до Казахстана (Тереножкин, 1976, с.146; Халиков, 1977, с.158; Потемкина, 1985, с.67, 290; Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с.315). Точильные бруски или оселки в степной полосе Восточной Европы появляются в поздних комплексах белозерского этапа (1150-900 гг. до н.э.), но массовое распространение получают в памятниках черноголовской и новочеркасской ступеней срубной культуры (900-750 гг. до н.э. и 750-650 гг. до н.э.; Тереножкин, 1976, с.146, 208). В лесостепном Притоболье появление оселков (без отверстия, с желобком для ремешка - пос.Язево I) отмечено на позднем этапе алексеевской культуры (X-IX вв. до н.э.; Потемкина, 1985, с.67, рис.18,6, с.70, 291). В районах Волго-Камья они бытуют в VIII-VI вв. до н.э. (Халиков, 1977, с.158). В лесостепной зоне Западной Сибири такие предме-

ты нередко в комплексах первой трети I тыс. до н.э. Оселки с поселений Большой Лог и Инберень VI отнесены авторами раскопок соответственно к IX-VIII вв. до н.э. и VIII (?) - VII вв. до н.э. (Генинг, Стефанов, 1993, с.106; Абрамова, Стефанов, 1985, с.123); Н.Л.Членова датирует эти памятники VII в. до н.э. (Членова, 1995, с.66, 72).

Оселки или точильные бруски обычно имеют сквозное отверстие около одного из концов; изделия без отверстий довольно редки. М.П.Грязнов отрицал утилитарное использование оселков-точил и предполагал, что они имели ритуально-культовое назначение (Грязнов, 1961).

Терочник (рис.41,3) или, скорее всего, орудие многофункционального назначения - прямоугольной формы, с зашлифованными гранями, некоторой стертостью с одной торцевой стороны и мелкими выбоинами по углам.

Песты и одновременно молотки или отбойники из камня миндалевидной формы (рис.41,2) и крупной гальки (рис.41,4) имеют стертости и мелкие выбоины на торцах.

Гальки со слегка залощенной поверхностью (4 экз.) и без лощения (3 экз.), среди которых одна со следами сверления, обнаружены рядом с сосудами в местах их скопления (жилище I, уч. Д/3, Г/4; жилище 6). В похожей ситуации они встречались на культовом месте Сузгун II (Мошинская, 1957, с.119).

Найдено также более десятка тяжелых, "ожелезненных" камней (лимонит?) с гладкой естественной поверхностью, в большинстве случаев овально-миндалевидной формы с тонкими боковыми гранями, в трех случаях слегка залощенными. Почти все они имеют следы длительного пребывания в огне.

Завершая описание находок, отметим также кусочки берестяного предмета (коробочки или туеска), по верхнему закругленному краю которого отчетливо видны следы шва (ритмичные вдавления-черточки с отверстиями). Изделие найдено в юго-восточном углу постройки 2 в скоплении из шести сосудов (один из которых стоял вверх дном), костей животных, костей и чешуи рыбы, других находок (костяная проколка, бронзовая обкладка, глиняный стержень, обломок песта). Наличие кусков бересты в некоторых сосудах и рядом с ними отмечено на Сузгуне II. В.И.Мошинская считает, что "сосуды были покрыты берестой" (Мошинская, 1957, с.119). Известна береста и среди находок жертвенного места Хутор Бор-1, относящегося к позднему этапу сузгунской культуры. Береста, которой покрывался деревянный настил, обнаружена на VI разрезе Горбуновского торфяника (Эдинг, 1940а, с.12) - культовом памятнике лесного Зауралья.

Керамика. Коллекция сузгунской керамики с Чудской горы - одна из наиболее представительных среди позднебронзовых комплексов не только таежной, но и лесостепной зоны Западной Сибири. Она включает более 100 археологически целых сосудов, среди которых 61 принадлежит крупным экземплярам, остальные - миниатюрным. Кроме того, на памятнике найдено около 21 тыс. фрагментов от более чем тысячи сосудов.

Керамический материал памятника обработан по единой программе статистического анализа керамики (Генинг, 1973). Отдельно анализировались целые сосуды, фрагменты шеек, стенок, днищ сосудов. Предварительно материал был соотнесен с местоположением в раскопе (жилое сооружение, межжилищное пространство). Как отмечалось выше, основная масса керамики происходит из котлованов сузгунских построек (1-4), но ее много и в межжилищном пространстве. Учитывая, что поселение существовало достаточно долго (о чем свидетельствует, в частности, мощный культурный слой и обилие вещественных остатков в нем), мы попытались проследить тенденции изменения керамики во времени, сравнив для этого материал из нижнего и верхнего горизонтов культурного слоя. При этом целые сосуды из верхнего горизонта рассматривались как единый хронологический комплекс, относящийся к заключительному периоду существования сузгунского поселения. В составе коллекции выделено несколько групп керамики, характеризующихся сочетанием ряда морфологических и декоративных признаков. Чрезвычайно интересные результаты мог бы дать технологический анализ сузгунской керамики с Чудской Горы, но, к сожалению, он не проводился. Заметим лишь, что в глиняном тесте основной примесью является шамот. Внутренняя и внешняя поверхности сосудов хорошо заглажены, иногда залощены. Наиболее многочисленны в комплексе три группы керамики.

Группа I - плоскодонные горшки больших размеров (емкость 12-15 л) высоких пропорций с широким устьем, слабо раздутым туловом и маленьким днищем. Высота сосудов 28-34 см, есть горшки высотой более 37 см, есть и сравнительно невысокие - 16-25 см. Своеобразие формы создается за счет устойчивого сочетания широкого устья (диаметр по венчику до 33 см) и маленького днища. Обычное соотношение между этими параметрами у различных по высоте сосудов 2-2,5:1. Венчики округлые, шейки невысокие, слегка отогнутые наружу. Пропорция между общей высотой сосудов и высотой шейки чаще всего выглядит как соотношение 8-10:1, реже 6:1. Переход стенок к дну плавный либо через прогиб. Посуду этой группы отличает четкая профилировка.

Таблица I. Чудская Гора. Целые сосуды, элементы узора

элемент орнамента		группа	группа I (24 сос.)					группа II (23 сос.)					группа III (11 сос.)					всего	
			шей ка	ту ло во	при дон ная	всего		шей ка	ту ло во	при дон ная	всего		шей ка	ту ло во	при дон ная	всего			
						кол.	%				кол.	%				кол.	%		
1		4	6		10	3,0	4	10		14	7,2	2	3		5	10,4	29	6,1	
2		1	6		7	2,1	2	2		4	2,0	2			2	4,2	13	2,2	
3		1	1		2	0,6				1	0,5						3	0,5	
4	4 и более						1			1	0,5	1			1	2,1	2	0,3	
5		1			1	0,3	1			1	0,5						2	0,4	
6	желобок	3			3	0,9	3			3	1,5	1			1	2,1	7	1,2	
7	2 желобка	1			1	0,3	1			1	0,5						2	0,4	
8-9	3 и более	3			3	0,9	1			1	0,5						4	0,7	
10	желобок с ямкам	7			7	2,1	10			10	5,2						17	3,0	
11	желобок с насечками	1			1	0,3	1			1	0,5						2	0,4	
12	2 желобка с насечками	3			3	0,9											3	0,5	
13	3 и более	2			2	0,6	1			1	0,5						3	0,5	
14		11	27	6	44	13,5	6	3	2	11	5,7	2			2	4,2	57	10,1	
15		18	37	16	71	21,8	17	13	7	37	19,0	10	6		16	33,3	124	22,0	
18		6	18	2	26	7,9	1	1		2	1,0		1		1	2,1	29	5,1	
19								1		1	0,5		1		1	2,1	2	0,4	
20		1			1	0,3		1		1	0,5		1		1	2,1	3	0,5	
21			1		1	0,3											1	0,2	
22		2			2	0,6											2	0,4	
26							2			2	1,0						2	0,4	
27		1			1	0,3											1	0,2	
29		1			1	0,3		2		2	1,0						3	0,5	
30																			
32		3	3		6	1,8						1			1	2,1	1	0,2	
33	ряд вдавлений	3	3		6	1,8	3	12	2	17	8,8	2	3		5	10,4	28	5,0	
34	2 и более						1	1		2	1,0						2	0,4	
35								1		1	0,5						1	0,2	
37		2	1		3	0,9	2	2		4	2,0	2	1		3	6,2	10	1,8	
38		1	2		3	0,9	3	3		6	3,1		2		2	4,2	11	1,9	
39								1		1	0,5						1	0,2	
40			2		2	0,6											2	0,4	
41			10		10	3,0		10		10	5,2		1	1	2	4,2	22	3,9	
42	мевид							5		5	2,6		1		1	2,1	6	1,1	
45								2		2	1,0						2	0,4	
47	вазки орнаментировани	1	1		2	0,6	3			3	1,5						5	0,9	
48		14	47	28	89	27,3	5	29	6	40	20,6	2			2	4,2	131	23,1	
49		1	5		6	1,8											6	10,6	
50	жемчужины	3			3	0,9											3	0,5	
52	ямки, обрамляющие мевид	1	10		11	3,4		10		10	5,2		1		1	2,1	22	3,9	
54	скобки, обрамляющие мевид		2		2	0,6											2	0,4	
55	лощенная дорожка между ямками							1		1	0,5						1	0,2	

Группа I - наиболее многочисленная в комплексе, ее удельный вес составляет примерно 48% от общего количества сосудов. Из 61 целого экземпляра 24 горшка относятся к данной группе.

Практически все сосуды орнаментированы. Из 24 целых горшков 17 орнаментировано полностью, у других 7-ми орнамент отсутствует в придонной части стенок. У 5-ти сосудов украшены днища. Примерно у трети сосудов в переходной зоне от шейки к тулову имеется неорнаментированная полоса, часто залощенная ("лощенная дорожка" по выражению В.И.Мошинской; см., например, рис.22,3; 23,1 и др.). Орнаментация посуды I-ой группы проста и однообразна (табл. 1).

Таблица II. Чудская Гора. Целые сосуды, техника орнаментации

техника орн. группа		резная	прочер ченная	желоб чатая	глад кий штамп	гребен чатый штамп	вдавления			валик	ямки	жемчу жны
												
I	кол.	125	16	21	7	53	1	4	2	2	114	3
	%	35,9	4,6	6,0	2,0	15,2	0,3	1,1	0,6	0,6	32,8	0,9
II	кол.	43	14	17	17	41	1	7	12	3	63	
	%	19,7	6,4	7,8	7,8	18,8	0,5	3,2	5,5	1,4	28,9	
III	кол.	9	9	2	3	18	3		1		3	
	%	18,7	18,7	4,2	6,2	37,5	6,2		2,1		6,2	
всего	кол.	177	39	40	27	112	5	11	15	5	180	3
	%	28,8	6,3	6,5	4,3	18,2	0,8	1,7	2,4	0,8	29,3	0,4

Венчики чаще неорнаментированные либо украшены по внешнему краю короткими наклонными или, значительно реже, вертикальными насечками (рис.22,3; 35; 36,1). Зона шейки преимущественно покрыта узором либо только из наклонных или вертикальных оттисков штампа (гладкого, реже - гребенчатого) или насечек, либо их различными комбинациями (один пояс выше, другой ниже) (34%). На шейке помещались также сетчатые пояса, зигзаговые линии, каплевидные неглубокие вдавления, по одному-два ряда оттисков дугообразного штампа - скобки (в некоторых работах встречаются другие названия этого штампа: полулунный, дуговидный, чешуйчатый, арочный, галочка). Последние элементы почти всегда сопутствуют рядам разнонаклонных оттисков и т.д. (рис.15,4; 32,1). Очень редки на шейках сосудов группы I геометрические мотивы (треугольники, ромбы). В нижней части шейки обычны желобки, в том числе с насечками, и ряды ямочных вдавлений (соответственно около 5% и свыше 20). Ямки круглые, часто нанесены поверх узора (рис.15,2; 22,5; 40,10). В основании шейки встречаются горизонтальные прочер-

Таблица III. Чудская Гора. Элементы узора

	жил.1 (417 сос.)					жил.2 (300 сос.)					жил.3 (89 сос.)					жил.4 (164 сос.)				
	всн- чик	шсн- ка	ту ло во	всего		всн- чик	шсн- ка	ту ло во	всего		всн- чик	шсн- ка	ту ло во	всего		всн- чик	шсн- ка	ту ло во	всего	
				кол.	%				кол.	%				кол.	%				кол.	%
1		17	29	46	2,6		38	60	88	5,2		6	14	20	4,0		15	32	47	5,7
2-4		26	35	61	3,4		36	32	68	4,0		15	8	23	4,6		18	10	28	3,4
5		9	1	10	0,6		13		13	0,8		1	6	7	1,4		7		7	0,9
6		3		3	0,2		2		2	0,1		4	3	7	1,4		8		8	1,0
7-9		51	5	56	3,2		66		66	3,9		11	1	12	2,4		8		8	1,0
10		16		16	1,0		6		6	0,4		3		3	0,6		3		3	0,4
11		9		9	0,5		7		7	0,4		2		2	0,4					
12-13		10	1	11	0,6		54		54	3,2		16	1	17	3,4		22	9	31	3,8
14		153	50	203	11,4	2	100	37	139	8,2		44	6	50	10,0		68		68	8,3
15	9	206	76	291	16,4	19	186	138	343	20,1	10	57	36	103	20,6	5	82	62	149	18,1
16		2		2	0,1												2	1	3	0,4
17		3	1	4	0,2							1		1	0,2		2	2	2	0,2
18		76	55	131	7,4		48	48	96	5,6		12	10	22	4,4		19	24	43	5,2
19		10	2	12	0,7		15	5	20	1,2		1	1	2	0,4		2	2	4	0,5
20-21		8	2	10	0,6		13	6	19	1,1		2	1	3	0,6		4	1	5	0,6
22		14	2	16	1,0		13	3	16	0,9		2	2	4	0,8		3	2	5	0,6
26		16	2	18			5		5	0,3		1	2	3	0,6		9		9	1,1
27		5		5	0,3			1	1	0,06							4		4	0,5
28																				
29		1	3	4	0,2			1	1	0,06		1	1	2	0,4			4	4	0,5
30-31		15		15	0,8		8		8	0,5		3		3	0,6		3	1	4	0,5
32		51	10	61	3,4	3	37	18	58	3,4		14	10	24	4,8	2	45	22	69	8,4
33-34		4	2	6	0,3		1		1	0,06				3	0,6					
35		9	36	45	2,5		17	28	45	2,6		7	6	13	2,6					
36		22	8	30	1,7		22		22	1,3										
37-38		46	25	71	4,0		28	17	45	2,8		13	5	18	3,6		8	13	21	2,6
39			3	3	0,2		2	3	5	0,9		1		1	0,2					
40		1	10	11	0,6		1	15	16	1,0			6	6	1,2			4	4	0,5
41		1	12	13	0,7		1	17	18	0,5			5	5	1,0		7	10	17	2,1
42			14	14	0,8			8	8	0,06			2	2	0,4					
43								1	1	0,1										
45								2	2	0,6								1	1	0,1
47		12	4	16	0,9			10	10	18,6							12	1	13	1,6
48		244	90	334	18,8		212	105	317	1,7		67	29	96	19,2		104	60	164	20,0
49		22	17	39	2,2		15	14	29	1,3		4	3	7	1,4		11	3	14	1,7
50		33		33	1,9		22		22	0,3		6		6	1,2		5		5	0,6
51		11		11	0,6		5		5	0,8			1	1	0,2			1	1	0,1
52		1	14	15	0,8			14	14	0,1			7	7	1,4			11	11	1,3
54			2	2	0,1			2	2				1	1	0,2			3	3	0,4
55										0,1			2	2	0,4					
56								2	2	7,6										
57		147			8,3							25			5,0		66		66	8,0

сузгунской керамики. Жилища 1-6,8

элемент орнамента	жилище	жил.5 (20 сос.)					жил.6 (48 сос.)					жил.8 (37 сос.)					всего	
		всн чик	шей ка	ту ло во	всего		всн чик	шей ка	ту ло во	всего		всн чик	шей ка	ту ло во	всего		ко лич.	вс го
					кол.	%				кол.	%				кол.	%		
1				5	5	4,3		5	6	11	4,1		1	1	2	1,0	219	4,1
2-4			2	4	6	5,2		7	4	11	4,1		1	1	2	1,0	199	3,7
5																	37	0,7
6	желобок												1		1	0,5	21	0,4
7-9	желобки		4		4	3,4		9		9	3,4		10		10	5,4	165	3,1
10	желобок с ямками							2		2	0,8		1		1	0,5	31	0,6
11	желобок с насытками		2		2	1,7							1		1	0,5	21	0,4
12-13	2 и более		1		1	0,9		1	1	2	0,8						116	2,2
14			11	8	19	16,4		23	17	40	16,0		17	8	25	13,6	544	10,1
15			9	12	21	18,1		26	23	49	18,4		21	20	41	22,3	997	18,6
16																	5	0,09
17																	7	0,1
18			3	3	6	5,2		13	12	25	9,4		7	6	13	7,1		6,3
19								2		2	0,8		2		2	1,0	4	0,8
20-21													1		1	0,5	38	0,7
22			1		1	0,9		1		1	0,4						43	0,8
26									1	1	0,4		1	3	4	2,2	40	0,7
27								3		3	1,1		1		1	0,5	14	0,3
28								2		2	0,8						2	0,03
29								2		2	0,8			1	1	0,5	14	0,3
30-31			1		1	0,9		3		3	1,1		2		2		36	0,7
32	ряд вдавлений	1	3	8	12	10,3		5	6	11	4,1		1	5	6	3,3	41	4,5
33-34	2 и более		1		1												11	0,2
35													1		1	0,5	104	1,9
36																	52	0,9
37-38			2	2	4	3,4		4	2	6	2,3		9	2	11	6,0	176	3,3
39								1		1	0,4						10	0,2
40													1	1	2		39	0,7
41				2	4	3,4			4	4	1,5			2	2	1,0	63	1,2
42	мевандр								2	2	0,8			1	1	0,5	27	0,5
43																	1	0,02
45																	3	0,06
47	валик орнамент.		1		1	0,9											40	0,7
48			11	9	20	17,2		39	21	60	22,5		30	8	38	20,7	1029	19,2
49				1	1	0,9		1	2	3	1,1						93	1,7
50	жемчужины																66	1,2
51	зашипы с ямками																18	0,3
52	ямки, обрамля- ющие мевандр			2	2	3,4		1		1	0,4			2	2	1,0	52	0,9
54	скобки, обрамля- ющие мевандр																8	0,14
55	лощинная дорожка между лентами																2	0,03
56																	2	
57	лощёная полоса		5		5	4,3		15		15	5,6		14		14	7,6	402	7,5

ченные или гребенчатые линии (рис.40,1,7), исключительно редки здесь жемчужины (рис.22,3).

Еще более однообразен декор стенок. Как правило, он состоит из монотонных рядов разнонаклонных отрезков, перемежающихся с поясами ямочных вдавлений (рис.15,4; 22,2,35). Редко тулово украшалось ленточным зигзагом, еще реже - меандровидными фигурами (рис.20,3). Последние иногда обрамлялись ямками или скобками.

Придонная часть украшалась исключительно простым узором из чередующихся поясков разнонаклонных насечек и ямок. Днища сосудов орнаментированы вдавлениями семечковидной формы, образующими параллельные ряды (рис.32,1-4) либо concentрические окружности (рис.32,6).

Узоры на посуде первой группы в основном выполнены в резной (36%) и ямочной технике (33%). Удельный вес гребенчатой орнаментации составляет около 15%, желобчатой - 6%, прочерченной - более 4%. Остальные способы нанесения узоров применялись реже (табл. II).

Группа II - плоскодонные горшки меньших размеров (емкость 3-5 л) приземистых пропорций, широкогорлые, со слабо раздутым туловом и сравнительно большим дном. Высота сосудов в среднем 8-15 см, редко превышает 20 см. Соотношение между общей высотой и высотой шейки составляет 6:1, 5:1. Диаметр по венчику больше диаметра дна в 1,5 раза. Венчики округлые, шейки незначительно отогнуты наружу или прямые.

Посуда второй группы по своей численности лишь немного уступает керамике первой группы: примерно 43%, в том числе 23 целых экземпляра. Подавляющее большинство горшков орнаментировано. Вместе с тем есть сосуды, полностью лишенные декора либо украшенные двумя-тремя прочерченными линиями (рис.20,1). Орнаментация преимущественно сплошная (17 из 23-х целых экземпляров), либо отсутствует в придонной зоне. Около половины сосудов этой группы имеют неорнаментированную гладкую или лощеную дорожку под шейкой (рис.33,2; 36,1; 40,2). Интересно, что иногда такая дорожка создает видимость наличия на шейке утолщения в виде воротничка (рис.15,1,3).

В орнаментации также фиксируются некоторые отличия. Так, если верхняя часть сосудов оформлена теми же поясами разнонаклонных оттисков (34,4%), желобками с насечками (18%) или без них (7,5%), ямками (7,5%), скобками (7,5%), то тулово заметно чаще украшено геометрическими узорами из ленточных зигзагов (9,3%), меандров (4,6%), в том числе обрамленных маленькими круглыми ямками. За счет этих узоров сосуды группы II выглядят более нарядными, хотя и здесь основное место в орнаментальной

схеме занимают разнонаклонные оттиски и ямочные вдавления (табл. 1). Наличие рядов ямок на тулове для данной посуды не является обязательным признаком. Днища двух сосудов покрыты сплошь беспорядочными клиновидными наколами, на других горшках клиновидные и семечковидные вдавления нанесены по определенной системе: в виде параллельных рядов, концентрических кругов и т.д.

Техника орнаментации керамики второй группы: резная (включая гладкий штамп) - более 27%, гребенчатая - 19%, ямочная - около 29%.

Таблица IV. Техника орнаментации керамики. Жилища 1 - 6, 8

		резная	про черчен ная	желоб чатая	глад кий штамп	вдавления			гребен чатый штамп	жемчу жны	ямки	валик	за щипы	лощен ие
														
1	кол.	612	69	155	37	45	26	33	448	22	425	13	11	147
	%	29,8	3,4	7,5	1,8	2,2	1,3	2,1	21,8	1,0	20,7	0,6	0,5	7,1
2	кол.	482	129	135	18	49	16	44	378	22	392	10	5	130
	%	26,6	7,1	7,4	0,9	2,7	0,8	2,4	20,9	1,2	21,6	0,5	0,2	7,1
3	кол.	155	29	41	8	13	4	23	118	6	120		1	25
	%	28,5	5,3	7,5	1,4	2,3	0,7	4,2	21,7	1,1	22,0		0,1	4,6
4	кол.	226	58	44	17	24	13	31	208	13	201	5	1	66
	%	25,1	6,4	4,9	1,8	2,6	1,4	3,4	23,1	1,4	22,4	0,5	0,1	7,3
5	кол.	49	3	7	3	6		7	21		23	1		5
	%	39,2	2,4	5,6	2,4	4,8		5,6	16,8		18,4	0,8		4,0
6	кол.	103	20	13	9	42	1	10	42		66			15
	%	36,7	7,1	4,6	3,2	0,3	0,3	3,5	15,0		23,5			5,3
8	кол.	81	4	12	6	1	4	5	30		41			14
	%	40,9	2,0	6,0	3,0	0,5	2,0	2,5	15,1		20,7			7,0
все го	кол.	1708	343	407	98	139	64	163	1245	63	1268	29	18	402
	%	28,7	5,8	6,8	1,6	2,3	1,0	2,7	20,9	1,0	21,3	0,5	0,3	6,8

Группа III объединяет сосуды с округлым или с очень маленьким уплощенным дном. Как правило, они низкие, с широкой или слегка зауженной горловиной, невысокой прямой или отогнутой наружу шейкой. Венчик округлый, шейка невысокая. Диаметр устья равен или несколько меньше диаметра тулова в месте его наибольшего расширения. Посуду этой группы отличает тщательность обработки (поверхность стенок обычно залощена) и большая нарядность в орнаментации (рис. 19, 1; 31, 2-4, 10.). Шейка оформлялась подобно горшкам I, II групп: разнонаклонные насечки (44%) в сочетании с ямками (8%) и скобками (8%). Переход от шейки к тулову отмечен либо прочерченными линиями (16%), либо желобками (12%), неорнаментированная полоса есть только на двух сосудах. Интересно отметить, что в этой группе посуды

совершенно не встречается такой характерный элемент как желобки с насечками. На тулове пояски разнонаклонных насечек (31,7%) в сочетании со скобками (13,6%), зигзагами (9%), вдавлениями (13,6%), ленточные зигзаги (4,5%), меандр (4,5%), треугольники (4,5%) создают уже более сложные композиции. Особенно ярко отличия фиксируются в технике орнаментации. Удельный вес гребенчатой техники поднимается в этой группе до 37,5% (I гр. - 15%, II гр. - 19%), и она становится преобладающей. В два раза реже применялись резная техника и прочерчивание (табл. II). Посуды III-ей группы в сузгунском комплексе Чудской Горы около 8% (в том числе 11 целых сосудов).

Особую группу (IV) в керамической коллекции Чудской Горы образуют миниатюрные сосуды (рис. 3, Б, 1-5 и др.). Всего их найдено 61 экз., среди них немало целых. Особенно много сосудов обнаружено в сооружениях 1, 2: соответственно 44 и 11 экз. Они представлены самыми разнообразными формами (плоскодонные и круглодонные, горшечные, баночные, чашевидные и др.), орнаментированы в типичной, но упрощенной манере. Можно отметить, что в большинстве случаев орнамент выполнен небрежно, устойчивые композиции характерны лишь для четвертой части посуды этой группы. Некоторые экземпляры украшены очень скромно: поясок желобков и прочерченных линий, вертикальных или наклонных оттисков и т.п. (рис. 3, Б; 31,5-8). Очень редки в орнаменте ямочные вдавления.

В составе коллекции имеются одиночные экземпляры крупных сосудов оригинальной формы: с короткой прямой шейкой, сильно раздутым, практически шаровидным туловом и очень маленьким дном (рис. 19,3; 24,2). Горшки очень нарядные, украшены ленточными меандрами, зигзагами.

Как это часто бывает при работе с массовым фрагментарным материалом, принадлежность какой-то части керамики к той или иной группе невозможно установить однозначно; всегда есть посуда смешанного облика, с не столь четко выраженными признаками и т.д. Мы допускаем, что в приведенных выше количественных характеристиках, процентных показателях имеются определенные погрешности. Однако, принимая во внимание представительность выборки, есть основание считать их не слишком значимыми.

В результате обработки керамического материала по уровням залегания в толще культурных наслоений выяснилось, что на исследованном участке Чудской Горы можно выделить два условных горизонта, соответствующих определенным этапам функционирования сузгунского городища. Оба горизонта насыщены керамикой, причем иногда до такой степени, что склады-

вается впечатление, будто черепки наряду с другими бытовыми и хозяйственными остатками вообще не выносились за пределы построек либо, в лучшем случае, выбрасывались поблизости, но на территории поселка. С одной стороны, это может свидетельствовать об особенностях формирования культурного слоя, а с другой, дает прекрасную возможность сравнить керамику периода застройки городища и его заключительной стадии. Понимая, что используемый материал происходит с ограниченной площади памятника и из ограниченного количества построек, мы склонны, тем не менее, полагать, что выявленные нами тенденции в изменении облика керамики носят закономерный характер и объективно отражают динамику керамического производства сузгунского населения Чудской Горы.

И в нижнем, и в верхнем горизонтах доминирует посуда I и II групп, причем примерно в равном соотношении. Круглодонные и миниатюрные сосуды в основном приурочены к верхнему условному горизонту, в нижней части культурного слоя они встречаются редко. Посуда оригинальных форм (с сильно раздутым туловом) происходит из верхнего горизонта. Судя по данным стратиграфического анализа, для посуды из нижнего слоя несколько более характерна такая деталь в оформлении верхней части сосудов как неорнаментированная лощеная полоса (нижний горизонт - 8,4%, верхний горизонт - 6,4%). Набор основных элементов узора и орнаментальная схема остаются практически неизменными. Несколько меняется индекс степени орнаментированности, на позднем этапе орнамент более разреженный. На поздней сузгунской керамике более популярными становятся вертикальные оттиски и насечки (ср.: постройка 1: нижний горизонт - 10,1%, верхний горизонт - 12,4%; постройка 2: нижний горизонт - 7,5%, верхний горизонт - около 10%), вдавления углом палочки, снижается доля ленточных узоров. В орнаментации посуды верхнего горизонта заметно чаще используются скобки - оттиски фигурного гребенчатого или гладкого штампа; они имеются почти на каждом четвертом сосуде (ср.: постройка 1: нижний горизонт - 2,4%, верхний горизонт - 5,2%; постройка 2: нижний горизонт - 0,9%, верхний горизонт - 4,6%). Желобчатые линии в переходной зоне от шейки к плечикам становятся более широкими.

Почти не меняется по горизонтам удельный вес основных способов орнаментации: резная, прочерченная и ямочная техники остаются преобладающими. Заметно возрастает лишь роль гребенчатой техники - от 19,4-19,7% до 24,4-26%, при этом предпочтение отдавалось штампам с мелкими аккуратными зубцами.

Нетрудно заметить, что отличия между керамикой нижнего и верхнего горизонтов не носят принципиальный характер и ка-

саются не самых типичных черт декора сузгунской посуды. Другое дело, что на посуде верхнего горизонта встречаются такие орнаментальные мотивы, которые совершенно не характерны для более ранней посуды. Так, например, выделяется серия сосудов, верхняя часть которых (шейка или плечико) украшена пояском заштрихованных ромбов (рис.33,3). За редким исключением все они выполнены в резной технике и сочетаются с типичным сузгунским орнаментом. Представляется показательной связь мотива ромбов и утолщенной шейки в виде "воротничка". С верхним же слоем связана группа сосудов (постройка 1 - 13 экз., постройка 2 - 8 экз.) с защипами, которые также органично включены в орнаментальную сузгунскую схему.

Таким образом, за отрезок времени между началом функционирования и полным разрушением исследованных построек 1-4 сузгунская керамика претерпевает определенные изменения. Трансформация носит постепенный характер: при сохранении неизменными принципов построения узоров и основных приемов их нанесения наблюдается уменьшение доли одних орнаментальных признаков, нарастание других, появление новых и т.д. Получают распространение круглодонные формы посуды и отдельные специфические элементы (воротнички, валики, жемчужины). Появление некоторых новых признаков, на наш взгляд, связано с инокультурными заимствованиями.

Говоря о принадлежности комплекса позднебронзовых остатков к сузгунской культуре, мы тем самым подразумеваем их сходство с материалами ее эпонимного памятника - жертвенного места Сузгун II. Наиболее отчетливо близость Чудской Горы и Сузгуна II проявляется в керамике: все выделенные В.И.Мошинской типы сузгунской посуды (Мошинская, 1957, с.120-125) представлены в материалах Чудской Горы, все морфологические и декоративные особенности сузгунской посуды в такой же мере (?) присущи керамике Чудской Горы. Поскольку камеральная обработка керамики Сузгуна II так и не была завершена, мы не можем сказать что-либо определенное о степени абсолютного сходства комплексов (хотя и предполагаем, что этот показатель будет высоким) и о существенности признаков, различающих их. Сузгун II представляет для нас особый интерес потому, что здесь удалось выявить закономерности распределения разных типов керамики в культурном слое, а также проследить тенденции ее изменения от нижнего до верхнего горизонтов.

Посуда I и II типов, аналогичная I и II группам Чудской Горы, на Сузгуне II преобладает во всех слоях и квадратах. Сосуды круглодонные и с уплощенно-округлым дном происходят из верхнего горизонта. Керамика I типа за время существования

Сузгуна II претерпела некоторые изменения. В частности, к числу поздних орнаментальных признаков В.И.Мошинская отнесла защипы на шейке (Мошинская, 1957, с.122). Сосуды с защипами залегали в верхнем горизонте, в нижнем и среднем слоях они отсутствовали. Найдены на Сузгуне II и миниатюрные сосудики, причем все они обнаружены среди обломков сосудов I типа и, видимо, в свое время находились в них (Мошинская, 1957, с.125). Таким образом, помимо сходства на типологическом уровне, можно констатировать сходство керамических материалов Сузгуна II и Чудской Горы на уровне тенденций их развития.

В свое время В.И.Мошинская сравнивала сузгунскую посуду с андроновской керамикой Зауралья и Северного Казахстана, керамикой поселения Ирмень I из Верхнего Приобья и позднебронзовых памятников Прикамья. Недостаточная степень изученности культур эпохи бронзы лесной и лесостепной зон обусловила привлечение столь отдаленных аналогий. Сейчас ситуация значительно изменилась.

За прошедшие после раскопок Сузгуна II годы выявлены десятки памятников, содержащих аналогичную или типологически близкую керамику. Прежде всего, это памятники, отнесенные исследователями к сузгунской культуре: Чудская Гора, Богочаново, Красная Гора, Юргаркуль III, Чеганово III, Тап I, Калугино-I, Кучум-Гора и др. Керамические комплексы, в значительной мере сходные с сузгунскими, обнаружены на поселениях андроновидного типа предтаежного Тоболо-Иртышья (пахомовская археологическая культура - Ново-Шадрино VII, Ук III, Пахомовская Пристань I, Инберень IV и др.) и барабинской лесостепи (Новочекино-3). К числу очевидных фактов можно отнести сходство сузгунской посуды с некоторыми типами еловской керамики. Сузгунские сосуды позднего облика (верхний горизонт Сузгуна II и Чудской Горы) найдены на всех поселениях ирменской культуры Среднего Прииртышья (Черноозерье VIII, Розановское, Сибирская Саргатка I). Неоднократно зафиксировано присутствие позднесузгунской керамики в составе инвентаря бархатовских и красноозерских памятников (Ново-Шадрино II, Красногорское, Ефимово I, Боровлянка 2). Чрезвычайно интересны керамические материалы культовых памятников Хутор Бор-I и Лучкино I (южно-таежное Прииртышье), демонстрирующие связи сузгунской культуры с красноозерской и лозьвинской. Немногочисленный комплекс керамики красноозерского типа с крестово-ямочной орнаментацией получен и при раскопках Чудской Горы; на его анализе мы остановимся в заключительной части данного раздела. К сказанному нужно добавить, что в составе керамических материалов Чудской Горы есть несколько фрагментов лозь-

винской керамики. Фрагменты сосудов смешанного сузгунско-лозьвинского типа (или лучкинского - по И.Г.Глушкову) были обнаружены в 1978 г. екатеринбургскими, а в 1984 г. - тобольскими археологами в ходе обследования того места, где некогда возвышалась сопка Сузгэ-Тура (Стефанов, 1978; Галкин, 1987). По данным В.Т.Галкина и нашим наблюдениям, сузгунская и сузгунско-лозьвинская керамика стратиграфически не расчленялись (Галкин, 1989, с.132). К сожалению, неизвестно, присутствует ли подобная посуда в материалах Сузгуна II из раскопок 1948 и 1950 гг.

Обозначив археологические культуры (пахомовская, ирменская, красноозерская, бархатовская, лозьвинская и др.), составлявшие в разное время ближайшее окружение сузгуна, и в комплексах которых сузгунские материалы находят аналогии, хотелось бы подробнее остановиться на одной из них - пахомовской.

Для керамических комплексов пахомовского типа характерно наличие сходных с сузгунскими морфологических групп: крупных горшков с невысокой шейкой, широким устьем, слабо раздутым туловом и сравнительно небольшим дном (но в целом сосуды менее высоких пропорций, чем их сузгунские аналоги), плоскодонных приземистых горшков и округлодонных сосудов. Последние исключительно редки, как редки и экземпляры с зауженной горловиной и сильно раздутым туловом, однако и те и другие найдены на всех исследованных пахомовских памятниках (Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991, с.82,83). Миниатюрные сосудики в пахомовских комплексах встречаются, но нигде не образуют сколько-нибудь значительных серий. Конструктивной особенностью оформления дна (как правило, у небольших, нередко украшенных, горшков) является кольцевой поддон. Сосуды на поддонах в единичном количестве имеются в коллекциях практически всех пахомовских памятников, в сузгунских же комплексах они неизвестны.

Пахомовскую и сузгунскую посуду отличает преимущественно сплошная орнаментация, хотя для некоторой части сосудов пахомовского типа характерно отсутствие узоров на шейке. Декор зональный, каждой из зон соответствует определенный набор орнаментальных мотивов. Шейки крупных сосудов довольно часто украшены пояском резной или гребенчатой сетки, переходная зона подчеркнута несколькими прочерченными линиями или желобками, здесь же обычно расположен ряд ямочных вдавлений. Желобки под шейкой, заполненные короткими насечками или оттисками гребенчатого штампа, - характернейший признак пахомовской и сузгунской орнаментики (но при этом они нетипичны для круглодонных сосудов). В этом месте необходимо

сделать короткое отступление. Описывая сузгунскую керамику первого типа, В.Т.Галкин отмечает: "В орнаменте венчика доминирует узор, встречающийся только в этой зоне, - валик или группа валиков с нанесенным поверх него орнаментом в виде гребенчатой или гладкой елочки и ряда крупных ямок." (Галкин, 1991б, с.9). По-видимому, венчиком В.Т.Галкин называет ту часть сосуда, которую мы определяем как шейку. Похоже на то, что под валиками автор понимает узкие рельефные утолщения, образованные желобчатыми линиями, и, что, по сути дела, речь идет об одном и том же. Что касается валиков, то в целом они не характерны для сузгунского орнаментального комплекса. Да и в синхронных культурах лесостепного Тоболо-Иртышья, непосредственно граничивших с ареалом общности культур валиковой керамики (КВК), валиковые сосуды в комплексах исключительно редки. Валиковая посуда в пахомовских материалах рассматривается авторами как инокультурная примесь, свидетельствующая о пахомовско-алексеевско-саргаринских связях и контактах (Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991, с.84).

Керамику пахомовских и сузгунских артекомплексов (Генинг, 1992, с.125-129) сближают, кроме вышеперечисленных, следующие черты: наличие неорнаментированной, часто подлощенной, дорожки в переходной от шейки к плечикам зоне, размещение на плечиках горизонтального ряда вдавлений углом гладкого штампа, трансформированные андроновские геометрические узоры, поперечная штриховка лент меандров и зигзагов, обрамление ленточных фигур ямками, уголковыми вдавлениями или скобочками, деление орнаментального поля рядами круглых ямок. Вместе с тем, андроновская орнаментальная схема на керамике пахомовского типа выдержана более строго, в составе посуды не редкость экземпляры, аккуратно орнаментированные мелким гребенчатым штампом почти в классической федоровской манере. Вместо ямок на пахомовской керамике довольно часто употреблялись глубокие каплевидные или клиновидные вдавления. Специфичен для пахомовской посуды мотив в виде наклонной лесенки, обычно расположенной под шейкой в переходной зоне (Евдокимов, Корочкова, 1991, с.62; Корякова, Стефанов, 1981, с.183, рис.3-5, 8); в сузгунских комплексах он очень редок (рис.20,4). С другой стороны, в материалах пахомовских памятников лишь изредка встречаются горшки, украшенные оттисками фигурного штампа в виде скобки, тогда как на Сузгуне и Чудской Горе их удельный вес достаточно заметен.

Андреоидная пахомовская культура предтаежной полосы Тоболо-Иртышья датируется в рамках XII-XI вв. до н.э. (возможно, XIII-XI вв. до н.э.) (Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991, с.84).

Своеобразная сузгунская керамика не может датироваться ранее этого периода.

Керамика круглодонных форм - отличительный признак культур конца эпохи бронзы Урала и Сибири. По основным технологическим признакам и особенностям декора (короткая прямая шейка, лощение, орнаментация верхней трети сосуда, преобладание геометрических узоров, ямочных вдавлений, редкость елочных узоров и др.) подобная посуда из верхних горизонтов Сузгуна II и Чудской Горы более всего сопоставима с одной из групп ирменской керамики Среднего Прииртышья и Приобья. О том, что ирменские традиции активно усваиваются сузгунскими мастерами, свидетельствуют такие типично ирменские элементы как ромбы, жемчужины, воротнички. Совпадают наши наблюдения с замечанием В.И.Мошинской о приуроченности к верхним слоям керамики, украшенной защипами, аналогии которой она нашла в нижних слоях Ивановского городища на Тоболе, и продатиrowала по кельту дербеденевского типа IX-VIII вв. до н.э. (Мошинская, 1957, с.125). Сосуды с защипами содержит коллекция саргаринско-ирменского поселения Большой Лог на Иртыше, которое относится также к IX-VIII вв. до н.э. (Генинг, Стефанов, 1993, с.95, 106). На всех среднеиртышских ирменских поселениях, а также на Большом Логу найдены узкогорлые сосуды с сильно раздутым туловом (Генинг, Стефанов, 1993, с.95; Стефанов, Труфанов, 1988, с.79). На основании аналогий различным категориям инвентаря ирменские памятники лесостепного Прииртышья датируются в пределах X-VIII, возможно, XI-VIII вв. до н.э. (Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991, с.88). Более позднюю дату поселений Черноозерье VIII и Большой Лог (VII или конец VIII-VII вв. до н.э.) обосновывает Н.Л.Членова (Членова, 1994, с.73). Не позднее VIII в. до н.э. датируется Ефимовское I городище в лесостепном Приишимье, керамика которого (II-IV типы) находит аналогии в материалах Чудской Горы и других сузгунских памятников (Матвеев, Горелов, 1993, с.39-55).

Есть в керамическом комплексе Чудской Горы обломки других сосудов явно не сузгунского облика. Так, в верхнем слое найдены фрагменты крупного сосуда, алексеевско-саргаринская принадлежность которого не вызывает сомнений (рис.37). Он горшковидной формы, с короткой шейкой, небрежно затертой поверхностью, украшен поясками наклонных оттисков гладкого штампа, образующими на шейке и плечике горизонтальную елочку. Похожая керамика широко представлена на саргаринско-ирменском поселении Большой Лог. Напомним, что культуры общности КВК датируются в диапазоне от XIII (или даже XIV) до IX (VIII) вв. до н.э. (Черных, 1983; Черных, Агапов, Кузьминых,

1990). Датировка алексеевской культуры по Е.Е.Кузьминой - XII (XIII ?)-X вв. до н.э. (Кузьмина, 1994, с.125), по Т.М.Потемкиной - XII-IX вв. до н.э. (Потемкина, 1985, с.291, 292). К этому же времени (XII-IX вв. до н.э.) Г.Б.Зданович относит комплексы саргаринско-алексеевской группы (Зданович, 1988, с.167).

Небольшая серия фрагментов из верхнего горизонта Чудской Горы имеет аналогии в керамических материалах бархатовской культуры Притоболья периода X (XI)-VIII (VII) вв. до н.э. (Корочкова, Стефанов, 1991; Матвеев, 1991). И, наконец, также из верхнего слоя городища происходят обломки сосудов, вызывающие определенные саргатские ассоциации. Характерно, что керамика бархатовского типа и с саргатскими чертами в декоре в небольшом количестве встречается на ирменских поселениях Среднего Прииртышья (шестая группа керамики Сибирской Саргаты I; см.: Стефанов, Труфанов, 1988, с.82, 83).

В составе керамической коллекции Чудской Горы выделяется небольшой комплекс своеобразной посуды с крестово-ямочной орнаментацией (рис.42). Это сосуды средних и малых размеров горшковидной формы с отогнутой или дугообразно выгнутой шейкой, раздутым туловом и сравнительно небольшим плоским дном. Их характеризует сплошной насыщенный орнамент, выполненный крестовым и гребенчатым штампами. Узор на тулове состоит из горизонтальных линий, пространство между которыми заполнено зигзагами, геометрическими фигурами - треугольниками, ромбами, на шейке обычны мотивы косой сетки (решетки), а в придонной зоне - ряды наклонных отрезков-отпечатков гладкого штампа. По внешнему краю венчика нанесен ряд коротких наклонных насечек. Орнаментальное поле разделено на пояса-зоны рядами круглых ямочных вдавлений.

Данный комплекс включает обломки примерно 25-30 сосудов (целых экземпляров нет), которые были найдены на ограниченной площади: в западной части площадки 3 (раскоп I, уч. Б-Е/1-2), на северном склоне горы (траншея 6), в шурфах на второй площадке, т.е. преимущественно в юго-западной, мысовой зоне памятника. В единичном количестве фрагменты данных сосудов попадались на всей площади раскопа I, но во всех случаях они приурочены к верхней части культурного слоя. Никаких строительных остатков и других объектов, которые можно было бы связать с крестовой керамикой, не обнаружено.

В свое время наиболее близкие аналогии этой посуде были найдены в материалах атлымской культуры Нижнего Обь-Иртышья (Косарев, Потемкина, 1985, с.36). В связи с позднейшими исследованиями и публикацией новых данных о памятни-

ках лесостепного и лесного Тоболо-Иртышья переходного времени от бронзового века к железному (Инберень V, VI, VII, Ново-Троицкое-I, Хутор Бор-I, Окунево-V, Ефимово 1, Боровлянка 2 и др.; см.: Абрамова, Стефанов, 1981; 1985; Труфанов, 1983; 1984; 1990; Матющенко, Полеводов, 1994, с.87-91; Матвеев, Горелов, 1993, с.52-55; Панфилов, Зах Е., Зах В., 1991) появились основания пересмотреть прежнюю точку зрения. В частности, в Среднем Прииртышье выделена красноозерская археологическая культура, которую как раз и характеризует керамика с крестовой орнаментацией (Абрамова, Стефанов, 1985). Именно с ней имеет наибольшее сходство крестовая керамика Чудской Горы. Аналогичным образом определяют культурную принадлежность комплекса керамики с крестово-ямочной орнаментацией, найденной на Богочановском поселении, В.А.Могильников и его коллеги (Могильников, Данченко, Труфанов, 1991). Как известно, красноозерская культура наряду с атлымской, гамаюнской, молчановской и завьяловской, входит в западносибирскую общность культур крестовой керамики рубежа бронзового и железного веков (гамаюнско-молчановская общность - по М.Ф.Косареву, или атлымская - по Е.А.Васильеву). Говоря о принадлежности крестового комплекса Чудской Горы к красноозерской культуре, следует иметь в виду, что, во-первых, аналогичная керамика содержится только в ранних (IX-VIII вв. до н.э.) красноозерских материалах³, т.е. до появления памятников типа Инберень VI и Окунево-V (Абрамова, Стефанов, 1985; Труфанов, 1984; Матющенко, Полеводов, 1994, с.87-91); и, во-вторых, интересующие нас сосуды аналогичны не всей, а только некоторой части красноозерской керамики. На Чудской Горе отсутствует посуда, которая в материалах, например, поселения Инберень V составляет основную массу - крупные и средних размеров горшки, высоких пропорций, орнаментированные проще и в иной, не крестовой технике (вероятно, по своему назначению - это кухонная, бытовая посуда). Кстати, на Инберени V лишь 16% сосудов украшено крестовым штампом (Абрамова, Стефанов, 1985, с.107). Маловероятно, что "некрестовая" красноозерская керамика не распознана в составе сузгунской коллекции, поскольку, несмотря на определенное сходство с сузгунской (порой весьма существенное), эта посуда имеет свои отличительные особенности.

Таким образом, комплекс крестовой керамики с Чудской Горы представляет собой выборку, безусловно содержащую хронологически- и культурно-диагностирующие признаки, но не отражающую весь спектр характеристики керамики красноозерского типа.

Относительно происхождения данного комплекса на Чудской Горе могут быть различные мнения, из них заслуживают внимания следующие:

1. После разрушения сузгунского поселка здесь на короткое время (строительных остатков и очагов нет) останавливались носители керамики со штамповой крестовой орнаментацией. Эта версия вызывает много вопросов: почему керамика рассеяна на большой площади (2 и 3 площадки)?, почему в комплексе представлены не все типы керамики, а только самые нарядные?, почему для кратковременной стоянки выбрано неровное место на территории руинированного поселка? и др.

2. Крестовая керамика есть неотъемлемая часть керамической коллекции сузгунского памятника, она свидетельствует о существовании контактов обитателей поселка с населением красноозерской культуры. Тем самым красноозерские сосуды маркируют верхнюю хронологическую границу сузгунского памятника на Чудской Горе - около IX или IX-VIII вв. до н.э.

Вторая версия в силу своей меньшей противоречивости кажется нам предпочтительной. Тем более, что сочетание позднесузгунской и красноозерской керамики в одном комплексе - факт далеко не единичный (Хутор Бор-I, Богочаново, Кучум-Гора, Ефимово 1, Боровлянка 2, Калугино-I), вместе они встречаются в составе инвентаря ирменских и бархатовских поселений (Черноозерье VIII, Розановское, Ново-Шадрино VII, Красногорское, Поспелово и др.).

Хронология сузгунского поселения Чудская гора

В составе инвентаря, относящегося к раннему строительному горизонту Чудской Горы, нет вещей, которые можно было бы отнести к числу надежно датированных. Тем не менее, несмотря на отсутствие предметов с характерными особенностями, имеющими четкую хронологическую привязку, позиция памятника может быть определена, правда, в достаточно широком интервале.

Обломок глиняной формы для отливки тесла, возможно, с упором, бронзовые бляха-зеркало и наконечник стрелы указывают на дату XII-IX (VIII) вв. до н.э. или XI-IX (VIII) вв. до н.э. Однолезвийные пластинчатые ножи со слабо выраженной рукоятью некоторые археологи считают датированными вещами, однако, если Н.Л.Членова относит их ко времени около VIII-VII вв. до н.э. (Членова, 1995, с.16), то А.В.Матвеев определяет время их бытования в рамках конца II - первой трети I тыс.до н.э. (Матвеев, 1993, с.125). Что касается оселка, то, если отсутствие отверстий не является для оселков-точильных брусков хроноло-

гическим показателем, данную находку с Чудской Горы следует отнести скорее к началу I тыс. до н.э., чем к концу II тыс. до н.э.

Среди других индивидуальных находок, которые более или менее определенно показывают на принадлежность памятника к заключительной стадии бронзового века: глиняные шарики, концевые вкладыши для лука, костяные проколки с головками. Практически все найденные на Чудской Горе изделия, как видно из приведенных аналогий, встречаются в памятниках культур южно-таежной и северолесостепной зоны от Приуралья до Алтая (межовской, березовской, сузгунской, типа Чупино и Кучум-Гора, еловской, ирменской) и в комплексах лесостепных и степных культур андроновской линии развития (алексеевско-саргаринской, бегазы-дандыбаевской, тазабагыбской, трушниковской).

Возможность подобной синхронизации подтверждается также распространением на большой территории сходных типов керамики. Прежде всего, керамика городища Чудская Гора находит полные аналогии в материалах культового места Сузгун II и других сузгунских памятников Тоболо-Иртышья. По ряду морфологических и декоративных особенностей сузгунская посуда в значительной степени близка керамике андроновидных пахомовской и еловской культур. Среди сосудов с Чудской Горы есть экземпляры, вызывающие андроновские (федоровские) (рис. 20,3; 21,1) и карасукские (рис. 20,1,2; 31,4) ассоциации. Часть посуды аналогична или сопоставима с ирменской (рис. 19,3,4,5; 33,3), единичные горшки сходны с образцами алексеевско-саргаринского (рис. 18,2; 19,7; 37) и бархатовского керамических комплексов. Типологическое сходство керамики Чудской Горы и других сузгунских памятников с посудой лесостепных позднебронзовых культур вполне объяснимо: все они сформировались либо на основе, либо при активном воздействии андроновско-андроноидного компонента. Большую роль играли также широтные связи, приводившие к инновациям разного порядка.

Вместе с тем, внутри керамического комплекса Чудской Горы намечается четкая хронологическая градация (ранняя и поздняя группы посуды) и улавливается общая хронологическая тенденция эволюции андроновидной керамики в сторону упрощения орнамента и увеличения сходства с керамическими материалами заключительного этапа бронзового века смежных территорий.

Внешние связи Чудской Горы не ограничивались только южными культурами: в ее материалах содержатся обломки сосудов красноозерского и лозьвинского типов, указывающие на контакты с населением лесного Обь-Иртышья.

Аналогии различным категориям инвентаря позволяют отнести сузгунские материалы Чудской Горы к концу II - началу I тыс.до н.э. Именно этим временем датируется большинство памятников, наибольшее сходство с которыми имеют материальные остатки с Чудской Горы: сузгунские Тобо́ло-Ирты́шья - вторая половина II тыс.до н.э. - рубеж II - I тыс.до н.э. (Мошинская, 1957, с.127, 128), рубеж II - I тыс.до н.э. или даже первые века I тыс.до н.э. - до VIII в. до н.э. (Косарев, 1987, с.287, 292), XIV-VIII вв. до н.э. (Галкин, 1991б, с.14 -18); сузгунские Барабы - IX-VIII вв. до н.э. (Молодин, 1985, с.154); еловские - XII-IX или XI-IX вв. до н.э. (Косарев, 1987, с.287); еловско-ирменские - XII-VIII вв. до н.э. (Матющенко, 1974, с.74, 76); ирменские - X-VIII вв. до н.э. (Молодин, 1985, с.140; Косарев, 1987, с.295), конец XI - конец IX вв. до н.э. (Матвеев, 1993, с.127), IX-VII вв. до н.э. (Членова Н.Л., 1995, с.22); среднеиртышские ирменские (розановские) - X-VIII или XI-VIII вв. до н.э. (Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991, с.88); они же - "переходные" ирменско-большереченские - VII или конец VIII-VII вв. до н.э. (Членова, 1995, с.73); межовские - XIV-IX вв. до н.э. (Обыденнов, 1991, с.81), XI-VIII, X-VIII вв. до н.э. (Косарев, 1993, с.105; 1987, с.291); бархатовские - XI(X)-VIII(VII) вв. до н.э. (Корочкова, Стефанов, 1991, с.61), X(XI)-VII вв. до н.э. (Матвеев, 1991, с.65); комплексы типа Чупино и Кучум-Горы датируются концом II - началом I тыс.до н.э. (Голдина, 1969, с.151, 152); алексеевско-саргаринские - XII-IX, XIII-VIII вв. до н.э. (Потемкина, 1985, с.291; Аванесова, 1991, с.94, табл. XVII; Евдокимов, 1984, с.20), XII(XIII)-X вв. до н.э. (дата алексеевской культуры; см.: Кузьмина, 1994, с.125), XII-IX вв. до н.э. (Зданович Г., 1988, с.167); трушниковские - IX -VIII вв. до н.э. (Черников, 1960, с.271); тазабагы́йские (поздний этап) -XIII - XII, XII - XI вв. до н.э. (Итина, 1977, с.145); бегазы-дандыбаевские - X-VIII вв. до н.э. (Маргулан, 1979), XIII/XII-IX/VIII вв. до н.э. (Варфоломеев, 1991, с.18). Дата красноозерских памятников лесостепного Прииртышья, содержащих керамику с крестовой орнаментацией типа найденной на Чудской Горе - IX-VIII вв. до н.э. (Абрамова, Стефанов, 1985, с.121; Труфанов, 1990, с.11). Лозьвинские памятники Конды относятся к концу II - началу I тыс.до н.э. (Кокшаров, 1991, с.99), формирование комплексов лучкинского типа (своеобразная трансформация элементов сузгунской и лозьвинской культур) в Нижнем Прииртышье происходит в начале I тыс.до н.э. (Захожая, 1995).

Приводя мнения различных исследователей о датировке археологических культур, в которых прослеживаются параллели сузгунским древностям, мы отдаем себе отчет, что далеко не все даты обоснованы должным образом, а, кроме того, сами исследо-

ватели нередко придерживаются разных принципов в вопросах хронологии. Тем не менее, если суммировать приведенные данные, то наиболее приемлемой датой Чудской Горы будет XI-IX или XI-VIII вв. до н.э. Принимая во внимание, что крестовая керамика, которая в силу условий своего залегания маркирует верхнюю хронологическую границу памятника, в лесной зоне Тоболо-Иртышья появляется несколько раньше, чем в лесостепи (Абрамова, Стефанов, 1985, с.126; Труфанов, 1983, с.74), дата Чудской Горы в пределах XI-IX вв. до н.э. представляется нам более вероятной.

Для сузгунского комплекса Чудской Горы имеется радиоуглеродная дата (2850 ± 30 ; 900 до н.э. или рубеж X-IX вв. до н.э.), полученная для угля с пола постройки 2 (уч. В/2, глубина от нулевой отметки 110-120 см). Анализ выполнен в Лаборатории археологической технологии Института материальной культуры (образец ЛЕ 1317). Дата не калибрована.

Укрепленное поселение потчевашской культуры

Второй строительный горизонт на Чудской Горе представлен поселением потчевашской культуры. Средневековый поселок с юго-западной и северо-восточной сторон ограничен мощными рвами и валами. На поверхности укрепленной площадки четко прослеживались девять жилищных впадин: по четыре вдоль северо-западного и юго-восточного склонов и одна у северо-восточного вала (рис.2). Городище полностью перекрывает более широкую половину укрепленного поселения эпохи бронзы. Оборонительные сооружения с юго-западной стороны проходят через центр сузгунского поселка, образуя площадки 3 и 4 Чудской Горы. Северо-восточные вал и ров были построены непосредственно перед валом и рвом эпохи бронзы. Общая площадь потчевашского городища около 2000 кв.м.

Раскопами I и II частично исследованы система укреплений и две постройки, расположенные около валов (рис.7, 11).

Юго-западный ров на поверхности имеет ширину 4,4 м, глубину 0,8 м от современного уровня площадки городища (или 1,9 м от вершины вала). В древности он имел наклонные стены с уступом со стороны вала, ширину около 3 м в верхней части и 0,8 м у дна, глубину 1,5 м от поверхности. Грунт, вынутый из рва, был использован на сооружение вала. Только незначительная часть глины, очевидно, со дна, была выброшена на внешнюю сторону.

Вал на поверхности имеет высоту 0,9-1 м, ширину в основании 8 м. В разрезе высота земляной насыпи составила 1,15 м,

ширина основания - около 5 м (рис.14). В древности высота вала достигала не менее 1,5 м. В насыпи повсеместно встречалась керамика сузгунского облика. Грунт, из которого сложен вал, особенно в нижней части, близок заполнению котлованов ранних сооружений. Следов деревянных конструкций не обнаружено. Между тем, внутренняя сторона насыпи, в отличие от внешней, в профиле имела почти вертикальную линию (уч. Б/19; см.: рис.7), что предполагает существование здесь какого-то крепления, вероятнее всего, плетня или деревянной стены.

Выбор места раскопа II, которым были исследованы ров и вал, ограничивающие площадку городища с северо-восточной стороны, был обусловлен наличием в центре вала, у края небольшой седловины, грабительской ямы размером 5х4 м (рис.11). Грабительский вкоп срезал верхнюю часть насыпи вала и восточный склон по направлению ко рву. Как показал опрос местных жителей, "раскопки" производили осенью 1976 года школьники д.Богочаново, которые нашли здесь, по их словам "три горшка и два ведра черепков". Керамика была ими высыпана в оз.Ныр, а один из сосудов - небольшой круглодонный горшок (рис.31,3; 43,1) - удалось вернуть. Раскоп размером 10х2 м, заложенный поперек фортификаций, включал разрушенную часть вала и его непо потревоженный участок, примыкавший к впадине 5, а также северо-восточный склон насыпи и прилегающий участок до середины рва. Ров на поверхности имел ширину 4,5 м, глубину от вершины вала 2,2 м (рис.11). В древности ширина рва достигала 6 м, глубина от уровня древней поверхности - 1,6 м, а от вершины вала - не менее 3 м. Дно рва ровное, шириной около 3 м, стенка со стороны вала наклонная, с небольшим уступом у дна.

Вал был насыпан из грунта, выброшенного при сооружении рва. На это указывают находки сузгунских черепков в насыпи. Не исключено, что основание вала со стороны внутренней площадки на высоту не менее 0,8 м было сложено из дерна. На эту мысль наводит характер грунта в нижней части насыпи (плотный, однородной окраски) и четкая граница между ее нижним и верхним горизонтами. Любопытная деталь - эта граница очерчена тонкой (1-2 см) темной, слегка волнистой линией с шагом волны 0,25-0,4 м. Не свидетельствует ли это о размере кусков дерна, из которых складывался вал?

Под центром насыпи выявлены остатки деревянных конструкций в виде бересты, покрытой копотью, с трухой внутри и обугленных жердей, расположенных сплошной полосой шириной 0,6 м у края рва продольно оси вала. Грунт под ними и сверху прокален, насыщен золой и углями. Судя по положению бересты и обугленных остатков в плане и разрезах, бревна толщиной 0,1-

0,15 м, были уложены вдоль вала в два ряда по 4-6 ярусов в каждом. Видимо, они служили креплением стенки вала со стороны рва. С внешней стороны стенка поддерживалась вертикально вкопанными столбами. Предполагаемая высота вала в древности составляла не менее 2 м, ширина в основании 3 м.

Можно предположить, что со стороны склонов горы поселок был также защищен бревенчатой стеной.

Прежде, чем перейти к характеристике остатков сооружений городища потчевашской культуры, сделаем следующее пояснение. Для устранения путаницы в нумерации объектов сузгунского и потчевашского укрепленных поселений при обозначении построек второго строительного горизонта после их порядкового номера введен буквенный индекс ПГ (потчевашское городище).

Постройка IПГ, примыкавшая к внутренней стороне юго-западного вала, на поверхности прослеживалась в виде овального углубления размером 6х5 м, глубиной 0,4 м, вытянутого параллельно валу (СЗ-ЮВ). В древности она находилась в 2-2,5 м от стенки вала. Задача полного исследования постройки не ставилась. Важно было определить ее место в стратиграфической колонке памятника с тем, чтобы выяснить время сооружения заметных на поверхности впадин на 4-ой площадке городища между валами. Впрочем, полностью раскопать сооружение и не удалось бы, т.к. края впадины I заросли березами и кустарником (рис.14). Более свободная от деревьев центральная часть данного углубления была включена в сетку раскопа I (уч. Б, В/20, 23).

На исследованной площади (22 кв.м) в центре впадины на втором горизонте (0,6 м) обозначилось подпрямоугольное углубление размером 3,4 х 2,2 м, очерченное по периметру канавками с наклонными стенками шириной 0,8-1,2 м, глубиной 0,1-0,12 м (рис.7). Заполнение канавок состояло из плотного черного грунта, четко выделявшегося на фоне серо-зольного заполнения сооружения 8 эпохи бронзы, которое прорезала поздняя постройка. В канавках найдена только потчевашская керамика с фигурно-штамповой орнаментацией. Канавки обрамляли небольшую (1,6 х 1,2 м) площадку из материковой глины. На глубине 0,8 м канавка прервалась и перешла в два параллельных подпрямоугольных углубления. На уч. Б/21 южный край одной из канавок был перекрыт мощной (0,35 м) линзой плотной глины.

За пределами канавок заполнение нижней части котлована постройки IПГ состояло из плотного серого грунта, в котором также залегали только обломки и развалы сосудов со штамповым орнаментом. В уч. Б/21 в слое серого грунта на глубине 0,7 м обнаружен крупный камень размером 0,35 х 0,45 м. На его нижней поверхности остались следы копоти и мелких выбоин, на

верхней поверхности - небольшой стертости и забитости. Вероятно, камень использовался как абразив. Рядом с ним, на той же глубине, найден развал круглодонного крупного сосуда, украшенного штампованным орнаментом (рис.43,3) и каменный пест (рис.41,4); в 0,4 м южнее - скопление фрагментов двух-трех потчевашских сосудов (рис.44). Под камнем, на глубине 0,9-1 м, находились крупные обломки сузгунского горшка. Вокруг, на уровне залегания камня и глубже (0,7-0,9 м), фиксировались обугленные жерди и угли, которые, вероятно, к постройке 1ПГ не имели отношения, а относились к сооружению 8 эпохи бронзы. На основании полученных данных реконструкция постройки 1 раннесредневекового городища едва ли возможна.

Постройка 5ПГ, непосредственно примыкавшая к северо-восточному валу, исследована также частично. При расчистке ее восточной стенки на глубине 1,4 м (уч. В/5) на фоне материковой глины четко обозначилось углубление с двумя прямоугольными выступами-канавками длиной 1-1,2 м, расстояние между параллельными стенками которых 0,8 м. Канавки углублены в материк на 0,3 м, стенки их отвесные, у дна закругленные, дно плоское. Заполнение состояло из черного плотного грунта, в котором обнаружены обломки керамики со штамповым орнаментом. Данное канавообразное углубление похоже на канавки в жилище 1ПГ. Очевидно, это связано с особенностью конструкции жилищ времени существования городища. Вполне возможно, что это околочажные канавки типа тех, что известны на ряде жилищ Логиновского городища на Ишиме (Генинг, Евдокимов, 1969а, с.108, 109, 111; табл. 44, 49, 50).

Таким образом, описанные выше укрепления и связанные с ними постройки 1ПГ и 5ПГ были сооружены носителями фигурно-штамповой керамики. На это указывают данные стратиграфии и условия залегания данной керамики в верхнем горизонте вала, на городищенской площадке, в жилищах 1 ПГ, 5 ПГ и в единичных случаях - на участках, прилегавших к рву с внешней стороны. Основная часть керамики была обнаружена в жилищных углублениях.

Без учета неорнаментированных черепков к данному комплексу отнесено три развала и 269 фрагментов (83 венчика и 186 орнаментированных стенок) сосудов. По форме - это круглодонные горшковидные сосуды с плоским венчиком, короткой или высокой прямой шейкой, переходящей в раздутое тулово. В глиняном тесте большая примесь песка, поверхность заглажена гладким предметом, реже - пучком травы. Орнамент сплошь покрывает только шейку и плечики.

Орнаментальная схема состоит из полос вертикальных или слегка наклонных оттисков короткого гладкого, реже гребенчатого штампа, сочетающихся с зонами оттисков угловых, ромбических и других фигурных штампов (рис.43,3; 44). Иногда полосы из оттисков штампа разделяются каннелюрами, образованными протягиванием палочки. Независимо от вида орнаментальной композиции чуть ниже венчика идет поясок небольших круглых ямок, образующих жемчужины на внутренней стороне шейки. Характерным элементом орнаментации является также наличие на плечиках зоны из оттисков углового штампа, составляющего комбинации в виде треугольных и свисающих фестонов.

Аналогии данной керамике имеются в лесном и лесостепном Приишимье и Прииртышье в памятниках потчевашской культуры, датируемой VII-VIII вв. н.э. (Мошинская, 1953б, табл. 117; Могильников, 1964; 1973, с.97-98; 1987, с.183-193; Генинг, Евдокимов, 1969а, табл. 56-59; Чиндина, 1977, с.68-79), и памятниках зеленогорского типа (этапа, VI-VII вв.) в Сургутском Приобье (Федорова, Зыков, Морозов, Терехова, 1991, с.134, 135) что позволяет нам датировать этим временем II строительный горизонт и связанные с ними материалы на Чудской Горе.

Кроме керамики, в жилищах 1, 5 ПГ найдены: крупный камень - абразив, обломок кирпичика, маленький пестик со следами мелких выбоин на поверхности, железистый плоский камень миндалевидной формы со сколотыми концами и заложеными боковыми гранями (рис.41,2). Более подробная характеристика находок этой эпохи, как и последующей, не входит в задачи данного исследования.

Поселение сибирских татар

Совершенно определенно с позднесредневековым поселением связаны очаги 3, 4, 15 и ямы 1, 5 с развалами сосудов и скоплениями керамики, а также ряд пятен прокала и зольных скоплений, выявленных под дерном в наиболее возвышенной части площадки 3 (раскоп 1, уч. Г-Б/3-6) (рис.6). В местах концентрации находок этого периода почва насыщена комками необожженной глины. Особенно много такой глины, перемешанной с землей, отмечено в уч. Г-Б/5 и Г-В/7. Здесь, на глубине 0,2-0,4 м от дневной поверхности, на расстоянии 3 м друг от друга фиксировалось два овальных глинистых пятна размером 10х5 м и 7х4,5 м. Вероятно, это развалы наземных построек с плетневыми стенами, обмазанными глиной. Жилища, скорее всего, располагались в ряд в центре горы между остатками укреплений эпохи бронзы и раннего средневековья.

Очаги и ямы в основном располагались за пределами этих глинистых пятен, концентрируясь около их восточных границ.

Очаг 3 (уч. В/4) представлял собой пятно прокаленного грунта с линзами углистой супеси и плотно прилегающими друг к другу кирпичиками. Форма - овальная, размер 0,8х0,6 м.

Очаг 4 (уч. Г,В/4) зачищен на глубине 0,5 м, овальной формы, размером 1,4х0,8 м. Грунт в очаге представлял собой углистую супесь с пятнами прокала, золы, комками спекшейся глины. У северо-западного края очага - большое пятно золы. В очаге и зольном пятне обнаружены три развала сосудов (3-5) плохой сохранности (рис.45,1).

Очаг 15 (уч. а/5,6) обнаружен почти сразу под дерном на глубине 0,3 м. Расчищенная часть очага размером 1,2 х 0,75 м, под его северо-восточным краем на глубине 0,9 м находился очаг 15-А жилища 4 эпохи бронзы. Заполнение верхнего очажного пятна состояло из золы с комками глины, мощность которой достигала 0,3 м. В слое золы найден развал сосуда баночной формы без орнамента.

Между очагами 3 и 4 находилась яма 5 размером 0,6х0,4 м, заполненная золой с мелкими кальцинированными костями. В яме найден развал сосуда № 18 (рис.46,1).

Черепки носят на себе следы длительного пребывания в огне. В уч. В,Г/5 в поддерновом слое, в пределах очертаний пятна с включениями глины, обнаружена большая линза прокаленного ярко-оранжевого грунта мощностью 0,1-0,25 м, занимавшая почти всю юго-западную половину уч. В/5. В слое прокала найдена позднесредневековая керамика, в том числе одно скопление. В уч. Г/4 слой прокаленного грунта пререзает поздняя яма 1, заметная еще с поверхности.

Еще один развал сосуда (рис.45,2) и оселок найдены выше уровня очага 2 эпохи бронзы (уч. Г/6). Скопление аналогичной керамики и терочник обнаружены в большом зольном пятне размером 0,5х1,3 м, толщиной 0,2 м (уч. Г/5).

Керамика из культурных наслоений, связанных с III строительным горизонтом, - лепная, баночных форм с загнутым внутрь краем, как правило, без орнамента или скромно украшенная редкими рядами грубых насечек, ямок (рис.45, 46); изготовлена из плохо промешанной рыхлой глины, слабо обожжена, легко ломается и крошится. Подобная посуда связывается с населением сибирских татар и датируется XIV-XV вв. н.э. (История Сибири, т. 1, 1968, с.363).

К этому же времени относятся и два железных предмета, обнаруженных в поддерновом слое, - нож и шило. Нож (уч. Д/1) длиной 20 см, имеет прямую, с небольшим уступчиком при пере-

ходе в черешок, спинку, заостренный черешок и прямолинейное лезвие, резко скошенное к черешку напротив уступчика на спинке (рис.45,3). Шило (уч. А/5) - длиной 12 см, с одним заостренным краем, расширенным и закругленным вторым. Оба предмета находят очень широкие аналогии в эпоху средневековья как в Сибири, так и в европейской части России. В Западной Сибири такие же ножи известны в комплексах угорской юдинской культуры X-XIII вв. (Могильников, 1987, с.171, табл. LXX,24), в погребениях кочевников XI-XIV вв. (Могильников, 1981, с.195, рис.72, 48), в могильниках XIII-XVI вв. Кыштовка 1, 2 в Приобье (Молодин, 1979, с.72-73, табл. XXXII, 1-15; XXXIII, 1-11) и др.

Таким образом, наиболее поздние культурные остатки, выявленные на Чудской Горе, оставлены сибирскими татарами в XIV-XVI вв. н.э. Судя по представленному материалу, данное население находилось на Чудской Горе недолго, вероятнее всего, используя это место как временную стоянку.

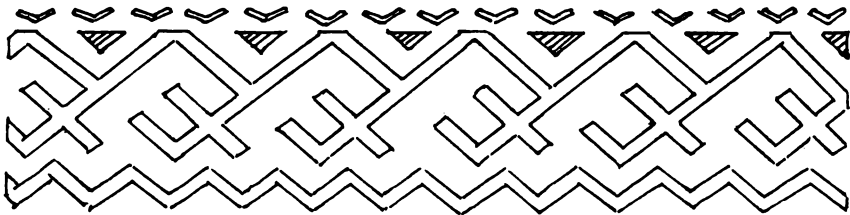
¹ Все замеры глубин даны от "0" отметки, за которую был условно принят юго-восточный угол уч. В/5.

² Т.М.Потемкина предполагает, что канавообразный котлован, соотнесенный с сооружением 5, возможно, пересекал площадку городища от склона до склона. В таком случае его можно рассматривать как специальное сооружение, отделявшее площадку с культовыми постройками от остальной части сузгунского поселка.

³ Мы не разделяем мнение Н.Л.Членовой об идентичности керамики поселений Инберень V, VI, VII и о синхронности этих памятников в пределах VII в. до н.э. (Членова, 1994, с. 66-68). Среднеиртышские материалы уже сейчас позволяют выделить в развитии красноозерской культуры этапы (сколько - это другой вопрос), но керамика с крестовой орнаментацией будет характеризовать в основном только ранний (или ранние) из них. К сказанному прежде добавим, что на поселении Ново-Троицкое I также прослежена тенденция "угасания" крестовой техники по мере развития красноозерской культуры (Труфанов, 1984, с. 59), а на Окунево V среди красноозерских материалов "... удалось выявить лишь один сосуд, украшенный крестовым штампом, как представляется, в пережиточной форме" (Матюшенко, Полеводов, 1994, с. 73). Кроме того, посуда ранних и поздних красноозерских памятников различается и по другим признакам.

⁴В Сургутском Приобье в комплексах барсовской и атлымской культур конца II-начала I тыс. до н.э. зафиксировано появление оригинальных изделий из камня в виде удлинённых прямоугольных или овальных брусьев с желобками у торце-

вых граней (в предшествующий и последующий периоды они не встречаются). Ю.П.Чемякин интерпретирует их как рыболовные грузила (Чемякин, 1989, с. 64, 66). На наш взгляд, функциональное назначение данной группы находок следует уточнить: возможно, это не рыболовные грузила, а точильные бруски-оселки. При этом нужно помнить, что на многих оселках отсутствуют какие-либо следы употребления.

Глава II. Особенности функционирования сузгунского поселка

Говоря о Чудской Горе в целом, трудно не воспользоваться такими эпитетами как яркий, выдающийся, исключительный. Среди западносибирских позднебронзовых древностей Чудская Гора занимает особое положение. Ее неординарный характер наглядно проявляется уже при определении видовой принадлежности памятника.

При первом знакомстве с материалами раскопок складывается впечатление, что Чудская Гора представляет собой жилой поселок, состоящий из некоторого числа стационарных построек. Стационарный характер строений доказывается наличием котлованов, столбовых ям, обгоревших остатков кровли, деревянных стен, настилов, крытых коридорообразных выходов. Наличие очагов, хозяйственных углублений на полу, разнообразных и многочисленных бытовых остатков, кухонных отходов позволяет предположить, что постройки использовались в основном в качестве жилищ. В постройке 4, по-видимому, размещалась литейная мастерская. Имеются данные о других хозяйственных занятиях обитателей поселка (скотоводство, охота, рыболовство и др.). Жилые сооружения функционировали продолжительное время и, возможно, круглогодично. В сказанном нет ничего, что характеризовало бы поселение на Чудской Горе с необычной стороны. И все-таки памятник имеет ряд характерных особенностей, которые, взятые в отдельности, не доказывают исключительность Чудской Горы, но рассмотренные в совокупности, подводят к такой мысли.

Например, нельзя признать экстраординарным топографическое положение поселения - на высоком останце коренной террасы в пойме реки, поскольку приуроченность поселенческих памятников к участкам поверхности, приподнятым над прилегающей местностью, прослеживается на огромной территории во все археологические периоды. На той же Чудской Горе зафиксированы остатки поселений раннего и позднего средневековья.

По своим размерам (включая вторую и пятую площадки - около 7 тыс. кв. м.) Чудская Гора превосходит большинство известных памятников таежного Обь-Иртышья, но в то же время, уступает многим поселениям лесостепной полосы, площадь которых нередко превышает 10-20 тыс. кв. м. (Матвеев, 1993, с. 80; Стефанов, 1974, с. 23; Стефанов, Труфанов, 1988, с. 75, 76).

Особенностью поселения на Чудской Горе является наличие оборонительных сооружений, но, строго говоря, их безусловная связь с сузгунскими постройками пока что не установлена, а, с

другой стороны, распространение укрепленных поселений является одной из примет заключительного периода бронзового века в Западной Сибири: городища Малоатлымское, Барсов Городок 1/10, Молчановская Остяцкая Гора (Васильев, 1982) в таежном Приобье; Батурино 1, Ивановка 3 в лесостепном Приобье (Матвеев, 1993, с.82); Красногорское, Чеганово, Калугино-I и др. в предтаежном Тоболо-Иртышье (Матвеев, Матвеева, Зах, с.54-59; Зах, 1987, с.241).

Упорядоченная планировка, при которой постройки компактно расположены по периметру укрепленной площадки, а внутреннее пространство остается незастроенным - наверное, это то, что действительно отличает Чудскую Гору от синхронных и близких по времени городищ и поселений. Впрочем, и это предположение не совсем верно, поскольку в Тюменском Притоболье известны поселения с замкнутой кольцевой и двух - или, даже, трехрядной уличной планировкой (Заводоуковское X - см.: Сергеев, 1991; Ново-Шадрино VII - раскопки О.Н.Корочковой). Правда, эти поселения не имеют оборонительных сооружений.

Если обобщить первые впечатления, то можно нарисовать следующую картину: Чудская Гора - определенным образом спланированный поселок предположительно из 25-30 (только в центральной части памятника) долговременных жилых и хозяйственных построек, обнесенный по периметру бревенчатыми стенами и с двух сторон дополнительно защищенный рвами, расположенный на высоком холме в пойме большой реки. Культурный слой на поселении чрезвычайно насыщен археологическими остатками. Приняв во внимание физико-географическое местоположение памятника (подзона южной тайги), нельзя не прийти к выводу - это не рядовое поселение. По сумме своих характеристик оно не имеет аналогов не только в лесном Тоболо-Иртышье, но и в сопредельных областях.

Однако, более детальный анализ исследованных объектов и вещественных остатков Чудской Горы порождает сомнение в подобной трактовке памятника как единственно возможной.

1. Поражает обилие находок на дне и в заполнении некоторых котлованов (постройки 1- 4, 6 и др.). Тысячи черепков, лежащие преимущественно в скоплениях, большие и малые кучи костей животных, десятки целых и раздавленных сосудов, стоявших около костных куч, очагов, ям, в ямах, или просто рассредоточенных по внутреннему пространству котлованов, кальцинированные кости, рыба чешуя, комки спекшейся глины - все это наводит на мысль, что постройки либо совсем не очищались от бытовых и кухонных отходов, либо делалось это крайне редко, а мусор выбрасывался поблизости.

2. Непонятно, почему целые и раздавленные сосуды встречались как на дне котлованов, так и в толще земляной массы, заполнявшей углубленную часть жилищ. Так, из 23 археологически целых горшков (в это число не входят миниатюрные сосуды), обнаруженных в постройке 1, одиннадцать экземпляров происходит из нижней части заполнения котлована и двенадцать - из верхнего горизонта. Аналогичная ситуация зафиксирована в котловане постройки 2, где семь сосудов было приурочено к нижнему слою и пять к верхнему. В жилище 3 большая часть горшков (14 экз.) обнаружена в придонных слоях и только три сосуда в верхнем горизонте. Можно представить, что обитатели домов по каким-то соображениям прекращали пользоваться частью посуды, но нельзя разумно объяснить, почему они оставляли вышедшие из употребления горшки стоящими в самых неподходящих местах?

3. Обращает на себя внимание следующий факт: в постройке 1, кроме тех 23 целых горшков, о которых говорилось выше, были найдены 44 (!) миниатюрных сосуда. В жилище 2 обнаружено 11 подобных сосудиков. Для чего они предназначались в таком количестве?

4. Непонятно, почему в постройках 1, 2 и 4 так много очагов. В котловане постройки 4, например, расчищено шесть очагов, из которых три - с глинобитным основанием и один - сложенный из крупных кирпичиков. И это при том, что площадь котлована составляет всего 28 кв.м. В постройке 1, имевшей котлован площадью около 60 кв.м, также выявлено шесть очагов.

Есть много других вопросов, на которые невозможно ответить, если интерпретировать все исследованные на Чудской Горе объекты только как жилые постройки. Вот некоторые из них. Почему в составе инвентаря так малочисленны орудия и предметы быта, в частности, сделанные из кости и глины? Как объяснить обилие керамического материала? Почему на стенках сосудов отсутствует нагар? Почему так много скоплений костей в постройках (в постройках 1-3 их отмечено 23)? Почему в скоплениях костей животных попадаются разрозненные кости скелета человека? Чем объяснить присутствие в составе костного материала целых и фрагментированных черепов собак? Случайна ли находка бронзовой антропоморфной фигурки в жилище 1? При таком загромождении помещений (очаги, столбы, кучи костей, керамики, десятки сосудов, хозяйственные ямы, зола на полу и т.д.), где находилось место для отдыха (сна) обитателей жилищ?

Представляется единственно возможным вывод, что некоторые из раскопанных построек жилищами не являлись, они функционировали в ином качестве. В первую очередь, это относится к

постройкам 1-3, компактно расположенным в юго-западной части укрепленной площадки, и примыкавшей к ним постройке 4. Напомним, что постройки 1-3, возможно, объединялись в единый многокамерный ансамбль. Кроме того, что перечисленные сооружения заметно отличаются от построек 5-10 обликом и характером культурных остатков (см. описание построек), именно в них и на участках культурного слоя, прилегающих к ним, зафиксированы многочисленные свидетельства неординарного характера поселения на Чудской Горе.

На наш взгляд, имеется достаточно оснований рассматривать сооружения 1-4 в качестве, прежде всего, культовых построек. Они составляли обособленный на площади сакральный комплекс и одновременно являлись неотъемлемой частью сузгунского укрепленного поселка.

В отличие от культовых построек, объекты хозяйственно-жилого комплекса исследованы в минимальном объеме, поэтому у нас нет веских причин для их противопоставления. Насколько можно судить по имеющимся данным, сооружения культового и жилого комплексов сходны по конструктивному решению, форме, размерам и некоторым деталям интерьера. Более того, археологический материал из культовых сооружений может быть использован для характеристики хозяйственно-бытовой деятельности обитателей городища на Чудской Горе и других поселений прилегающей округи. Так, например, фаунистические остатки дают объективное представление об основных направлениях скотоводства и охоты, составе стада домашних животных, морфологических особенностях скота и т.д., но процентное соотношение костей особей разных видов может не соответствовать и, скорее всего, не соответствует реальному соотношению этих видов в стаде или охотничьей добыче (в ритуалах предпочтение отдавалось определенным видам животных).

Что еще, кроме необычных для поселений черт в комплексе остатков из юго-западной части городища, может свидетельствовать в пользу именно культового назначения раскопанных здесь объектов, и насколько характерны отмеченные особенности для культовых (ритуальных, священных, жертвенных, сакральных) памятников? Ответить на эти вопросы едва ли возможно без привлечения соответствующих этнографических, фольклорных данных, а также материалов культовых памятников, изученных археологически. Последних немного: Сузгун II - эпонимный памятник сузгунской культуры, сузгунско-лозьвинский культовый памятник Лучкино I, сузгунско-красноозерский комплекс Хутор Бор-I. Хронологически близки Чудской Горе культовые материалы из Горбуновского торфяника в Среднем Зауралье (бронзовый

век) и городища Усть-Полуй в Нижнем Приобье (ранний железный век). В последние годы выявлены святилища энеолитического периода (Савин и Велижаны в Притоболье), но они еще не введены в научный оборот. В связи с рассмотрением способов организации культовых мест (сакрального пространства) и форм проявления ритуальной деятельности, представляют интерес андроновские культовые комплексы, гляденовские костыща Приуралья, жертвенные места лесного Зауралья, но особый интерес в этой связи приобретают древнеславянские и русские святилища, изученные несравненно лучше, чем культовые памятники Урала и Сибири. Подчеркнем - нас интересуют не столько языческие обряды, религиозно-мифологические представления конкретных обществ, сколько внешние, археологически фиксируемые, проявления культов.

Из работ сибирских этнографов в этой связи большое значение имеет монографическое исследование И.Н. Гемуева и А.М. Сагалаева, посвященное культовым местам манси (Гемуев, Сагалаев, 1986).

Итак, если посмотреть на Чудскую Гору как на памятник, в состав которого наряду с хозяйственно-жилимыми сооружениями входили объекты культового комплекса, выяснится, что ничего противоречивого в его местоположении, характере выявленных остатков и полученного материала нет. Прежде всего, нет ничего необычного в существовании на территории поселения специально отведенного места (мест?), определенным образом оформленного, где совершались культовые церемонии. Безусловно права С.С.Березанская, объясняя их плохую изученность слабой изученностью самих поселений. "Отсутствие таковых на поселениях, раскопки которых ограничиваются одним-двумя жилищами, едва ли может вызвать удивление или служить доказательством редкости культовых построек" (Березанская, 1974, с.96). Много примеров культовых мест и ритуальных объектов на поселениях и в жилищах приводят Б.А.Рыбаков (Рыбаков, 1981; 1987), А.А.Формозов (Формозов, 1984), И.П.Русанова и Б.А.Тимошук ((Русанова, 1992; Тимошук, 1993; Русанова, Тимошук, 1993) и другие исследователи. Аналогичные примеры известны по фольклорным источникам западносибирских народов. На поселениях обских угров существовали постройки, в которых проводились общественные культовые церемонии: моления, жертвоприношения, медвежьи праздники (Авдеев, 1936, с.64; Кулемзин, Лукина, 1992, с.41; Мифы, предания, ..., 1990, с.10; Очерки культурогенеза ..., 1994, с.19, 20). Заметим, что накопление археологических свидетельств культовой деятельности делает все более актуальной задачу, сформулированную в свое время

Б.А.Рыбаковым: рассмотреть языческие места в типологической последовательности - **жилище** одной семьи, святилище **внутри** поселка, священные места **вокруг** поселка и большие **общеплеменные** культовые центры (Рыбаков, 1987, с.122).

Широко распространенным у древних народов было почитание мест, имеющих характерные, отчетливо выраженные природные особенности (горы, скалы, пещеры, камни и т.п.). "Общечеловеческим является почитание гор и проведение на них особых молений ..." (Рыбаков, 1987, с.134). "Точнее сказать, это не был культ гор как таковых: горы и холмы (в равнинных местах) были не объектом, а местом культа, местом сборищ и принесения жертв" (Рыбаков, 1981, с.285). С этой точки зрения, связь культовых объектов Чудской Горы, равно как и других сузгунских святилищ, с возвышенными участками рельефа носит вполне закономерный характер.

В связи с оборонительными сооружениями, которые, как мы предполагаем, имелись на Чудской Горе, уместно вспомнить, что сузгунско-лозьвинский культовый памятник Лучкино I был огражден с напольной стороны рвом (Глушков, 1991, с.94), а жертвенное место раннего железного века Усть-Полуй было защищено рвом и валом (Мошинская, 1953а, с.72). Впрочем, на Усть-Полуе оборонительная система специально не исследовалась. Жертвенное место Окунево-V в южно-таежном Прииртышье переходного времени от бронзы к железу и раннего железного века было отделено от остального мыса широким и глубоким рвом (Матюшенко, Полеводов, 1994, с.87-91). Довольно внушительную фортификацию имели восточно-славянские святилища типа Тушемля (Рыбаков, 1987, с.121-163; Третьяков, 1958; 1966), Збручские городища (Тимощук, 1993, с.112, 113). Каменным валом было ограждено огромное святилище на вершине горы Радунь в западно-славянских землях, вмещавшее несколько тысяч молящихся (Рыбаков, 1981, с.291). Иными словами, связь между защитными сооружениями и культовым назначением памятников носит неслучайный характер, во все археологические периоды они не взаимоисключали друг друга.

Также не случайной является связь между особым статусом объектов 1- 4 Чудской Горы и обилием керамического материала в них. Напомним некоторые факты. В котловане постройки 1 обнаружено 23 целых сосуда, развалы и обломки еще 417 крупных горшков, а также 44 миниатюрных сосуда, представленных целыми и разбитыми экземплярами. В общей сложности около 500 сосудов на площади 60 кв.м (!). В коллекционной описи находок из постройки 2 содержатся данные о 17 целых, 11 миниатюрных и фрагментах еще более 300 сосудов. В углублен-

ной части постройки 3 найдено 12 целых горшков и фрагменты еще 89 сосудов. В 4-ой постройке обнаружено 7 целых и 164 сосуда в обломках. В постройках 5-10 керамики значительно меньше, правда, они раскопаны не полностью.

Большинство целых и раздавленных сосудов располагались скоплениями по 3-7 экземпляров. Зафиксировано положение горшков в специальных ямах (пять случаев), около ям, костных куч, рядом с очагами (четыре случая в постройке 1 и один в постройке 3). Выявить какую-либо закономерность в размещении сосудов сложно, т.к. они рассредоточены по всему внутреннему пространству построек. Особенно это касается одиночных экземпляров. Однако большая часть находок, в том числе археологически целых сосудов, в объектах 1-3 находилась около северовосточных стен котлованов.

В процессе раскопок зафиксировано положение некоторых емкостей вверх дном (рис.25,1, 29,1). Всего обнаружено 11 перевернутых сосудов, все они находились в котлованах построек 1- 3. В двух случаях перевернутые вверх дном сосуды найдены в скоплениях с другими, в остальных случаях они стояли поодиночке. Среди перевернутых горшков есть экземпляры всех трех основных групп.

Высокая степень концентрации керамического материала, иногда на очень ограниченной площади, является характерной особенностью многих сузгунских памятников. Для ее объяснения важны детали, нюансы, многие из которых можно заметить только в ходе раскопок. Недостаточно констатировать наличие скоплений керамики или ее “кустового” размещения (Галкин, 1991б, с.5). Важна всякая информация, позволяющая представить облик объектов, определяемых нами как скопления, в момент их функционирования: наличие следов специального оформления площадок (внешних ограничителей, покрытия, настила, помоста и т.д.), положение установленных на них сосудов - вверх устьем или дном, наличие обломков намеренно разбитых здесь сосудов, разрозненных черепков, факты нахождения фрагментов одних сосудов в других скоплениях или иных объектах, характеристика сопутствующих остатков (угли, зола, прокалы, состав костных остатков, других предметов) и т.д. К сожалению, в большинстве публикаций подобная информация отсутствует.

Обилие керамики и особенности ее залегания на Чудской Горе можно оценивать - в сочетании с другими фактами - как свидетельство совершавшихся в мысовой части городища общественных ритуальных действий, связанных с принесением жертв и потреблением жертвенной пищи. Святилище посещалось обитателями городища и людьми из прилегающей округи с той или

иной периодичностью на протяжении длительного отрезка времени. Каждый раз (?) они приносили с собой глиняную посуду, использовавшуюся затем в ритуале, и всякий раз оставляли ее на территории культового комплекса в определенных местах и, может быть, в определенном положении. По-видимому, именно таким образом формировались керамические коллекции культовых памятников сузгунской культуры (насколько верно это предположение, мог бы ответить подробный технологический анализ керамики).

Заметим, что сосуды, поставленные вверх дном, являются одним из характерных, хотя и не обязательных признаков культовых памятников Урала и Западной Сибири. Перевернутые горшки были обнаружены на неолитическом святилище Велижаны II (Дрябина, 1995), культовом месте Сопка-2 (Молодин, 1990, с.128), Синташтинском могильнике (жертвенный комплекс I - см.: Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992, с.234, 235), Гляденовском костыше (Новокрещенных, 1914, с.50,51), Осинкинском могильнике (Савинов, 1975, с.98), Калачевском могильнике (Могильников, 1968, с.97, 98) и многих других памятниках. Множество подобных примеров приведено в специальной статье М.А.Итиной (Итина, 1979, с.25-19). Н.Л.Членова предполагает, что перевернутые вверх дном горшки - это свидетельство тризны (Членова, 1994, с.34, 35). Вместе с тем, на Сузгуне II многочисленные ритуальные горшки устанавливались на специальных земляных или песчаных возвышениях вверх устьем и покрывались берестой (Мошинская, 1957, с.119). Песчаная подсыпка в этих случаях, по-видимому, предназначалась для более устойчивого положения сосудов в грунте (Кожин, 1989, с.194).

О миниатюрной посуде. Маленькие сосудики встречаются на поселениях, но, как правило, в единичных экземплярах. Иногда их интерпретируют как детские игрушки, однако для Чудской Горы такое толкование нельзя признать удовлетворительным. В этой связи нам хотелось бы обратить внимание на широко распространенную в древности практику использования разного рода миниатюрных предметов (фигурок, моделей, сосудов и т.п.) - *ex voto*. Вотивные предметы встречаются повсеместно в разные исторические периоды (Религиозные верования, 1993, с.53). Особенно много миниатюрных сосудов было обнаружено на знаменитых памятниках гляденовской культуры - Гляденовском и Юго-Камском костыщах (Генинг, 1967, с.203). Авторы раскопок этих уникальных памятников, определяемых либо как своеобразные могильники, либо как места жертвоприношений, единодушны в оценке ритуального характера малых сосудов.

Возможным подтверждением того, что миниатюрные сосуды являлись характерным атрибутом обряда жертвоприношения, служит замечание П.С.Палласа, который писал, что в Сибири “из этих маленьких чашечек кровь выпивали” (Паллас, 1786, с.83).

Как-будто не противоречит версии о культовом назначении построек 1-4 на Чудской Горе и состав обнаруженного в них остеологического материала. Фаунистический комплекс представлен костями лошади, среди которых преобладают кости черепа и конечностей, собаки, крупного рогатого скота, косули, лося и др. Подавляющее большинство костей принадлежит лошади (52%). Вероятно, нет необходимости доказывать особый статус лошади как жертвенного животного, поскольку о культе коня, о почитании этого животного индоевропейскими, в первую очередь, индоиранскими народами, о распространении коневодства вместе с комплексом мифологических представлений и ритуалов среди других народов Старого Света сказано много (Кузьмина, 1974; 1977а; 1977б; 1994, с.251; Бонгард-Левин, Грантовский, 1983; Генинг, 1977, с.65-69; Ковалевская, 1977; и др.). Преобладание черепов, их фрагментов и костей конечностей показательно именно для жертвенных комплексов.

Особенностью остеологической коллекции Чудской Горы является многочисленность костей собаки, что для поселенческих памятников, в общем-то, не характерно. Еще более интересно то, что в основном они представлены фрагментами или целыми черепами. Напомним обстоятельства находок. Два черепа собаки были обнаружены в общем углублении вдоль северо-восточной стенки котлована постройки 1. Между ними стоял перевернутый вверх дном сосуд (26), а рядом с одним из черепов стояли еще три сосуда (21, 22, 28). В постройке 2 череп собаки найден в большом скоплении, включавшем кости лошади, крупного рогатого скота, лося, рыбы. Рядом стоял сосуд № 56. Скопление костей лося и собаки расчищено к северу от ямы 18 в уч. Е/Л. В этой же постройке найдены еще три черепа собаки.

Отсутствие традиции употребления мяса этого животного в пищу, а также многочисленные примеры использования собаки в ритуале жертвоприношений населением Западной Сибири и, более того, существование почтительного, уважительного отношения к собаке в среде сибирских аборигенов (Мошинская, Лукина, 1982; Косарев, 1988, с.98-102; 1991, с.143-146; Михайлов, 1992) позволяют связывать достаточно необычный состав фауны на Чудской Горе с культовой стороной жизни ее населения, в частности, с практикой жертвоприношений. Уместно вспомнить, что много костей, в т.ч. черепов собаки, было найдено на культовом памятнике Усть-Полуй (Мошинская, 1953а, с.84). Ритуаль-

ные захоронения или жертвоприношения собак известны у степных племен эпохи бронзы (Генинг, 1977, с.70; Маргулан, 1979, с.258; Михайлов, 1992, с.110-114).

То, что костные остатки образовывали большие и малые кучи на полу сооружений, согласуется с наблюдениями Григория Новицкого - исследователя культуры и быта остяков XVIII в. Он писал следующее: "Возле главной кумирни ... есть малая кумирня, в ней множество костей сохраняется. Когда спросили у них, зачем столько костей собрано, ответили, что якобы "приготовили пищу шайтанам, другие же - что удостоянная в жертву пища не должна быть разбросана и сохранена" (Новицкий, 1884, с.84 (19)).

Можно утверждать, что во всех постройках Чудской Горы значительная часть костных остатков сжигалась; на это указывают большие и малые кучи золы, обнаруженные как в помещениях, так и за их пределами, содержащие множество пережженных или обугленных костей. Особенно много золы зафиксировано вокруг постройки 4. Как известно, зольники являются почти обязательным элементом степных и лесостепных андроновских поселений, в конце бронзового - раннем железном веке они получают широкое распространение на огромной территории. Конечно, сузгунские зольники значительно уступают по своим размерам андроновским, ирменским, белогрудовским, скифским или тем же гляденовским (связь между зольниками и костями безусловна). Для нас важно то, что многими исследователями (см.: Березанская, 1974, с.93, 94; Рыбаков, 1981, с.304-312) признается их культовое назначение. В этой связи интересно сообщение Г.Миллера, описывающего обычаи языческих народов Казанской губернии: "Оставшиеся кости собирают все до единой и приносят с собой в дом, пережигают в печах в пепел, дабы не попались собакам или другому зверю. Помянутые кости почитаются у них за вещь святую ..." (Миллер, 1791, с.60).

Едва ли нуждается в доказательстве связь зольников с имеющими универсальный характер культами огня, очага, проявления которых на Чудской Горе зафиксированы во множестве.

В русле проверяемой гипотезы о культовом назначении некоторых объектов городища не кажутся странными находки человеческих останков в сузгунском слое Чудской Горы. Подобные находки не редкость на поселениях лесостепной зоны. Они известны на пахомовских памятниках Притоболья и Приишимья (Евдокимов, Корочкова, 1991, с.54), ирменских Приобья (Матвеев, 1993, с.73), розановских Прииртышья (поселение Сибирская Саргатка I; раскопки Н.К.Стефановой, В.И.Стефанова, А.Я.Труфанова 1984-86 гг.). На поселении Ново-Шадрино VII (раскопки О.Н.Корочковой 1989 г.) в мощном зольнике между

двумя жилищами обнаружены останки 11 человек, чьи тела были расчленены, сброшены в яму и засыпаны золой. Общей чертой всех находок человеческих останков на поселениях является неполный состав костей скелета и особый характер их сокрытия, по-видимому, никак не связанный с существовавшей у этих групп населения практикой захоронений. Судя по литературе, посвященной человеческим жертвоприношениям, это явление в большей степени относится к народам, достигшим относительно высокого уровня общественного развития. Оно не являлось таким универсальным, как жертвоприношения животных, но было распространено в древности весьма широко (Токарев, 1990, с.589-599; Тайлор, 1989, с.467). В урало-сибирском регионе существование обряда человеческих жертвоприношений фиксируется с периода энеолита до позднего средневековья (Потемкина, 1995б, с.145; Мельничук, Оборин, 1989, с.75-79; Соловьев, 1990, с.96). Исследователи подчеркивают, что в культовой практике сибирских аборигенов человеческие жертвоприношения совершались в особо ответственных случаях и явно демонстрируют связь с войной и межплеменными столкновениями (Гемуев, Сагалаев, 1986, с.188).

Как неоднократно отмечалось, особое место среди раскопанных на Чудской Горе сооружений занимает постройка 4. По характеру находок и ряду других признаков она определяется автором раскопок как бронзолитейная мастерская. С точки зрения интерпретации объектов, расположенных в юго-западной (мысовой) части городища, как культового комплекса, факт приуроченности именно к этому месту предполагаемой бронзолитейной мастерской удивления не вызывает. Общеизвестно, что связь металлург-кузнец-культ имеет такое же всеобщее значение и распространение как культ огня (Рыбаков, 1988, с.287; Черных, 1972; Косарев, 1991, с.190; Балакин, Яшин, 1986, с.67).

Культовым назначением построек 1-4 может быть объяснена малочисленность орудий и предметов быта в составе инвентаря Чудской Горы. Анализируя в свое время подобную ситуацию на городище Тушемля, Б.А.Рыбаков писал: "Отсутствие бытовых вещей при большом количестве посуды говорит в пользу того, что все городище - и идол в ограде, и клетки вдоль вала, прикрытые с внутренней стороны навесом, - предназначались для принесения жертв и потребления треб." (Рыбаков, 1987, с.163).

Не случайной представляется теперь находка бронзовой антропоморфной фигурки в одном из сооружений культового комплекса. Сама по себе эта вещь мало что говорит о функциональном назначении постройки 1, но вместе с другими данными ее

можно рассматривать как дополнительный аргумент в пользу предполагаемой гипотезы.

Не противоречат идее о культовом характере Чудской Горы другие, более частные, факты и наблюдения. Так, например, с чисто утилитарной точки зрения трудно объяснить назначение залощенных галек, нередко попадававшихся среди развалов сосудов и в скоплениях керамики, но об их возможной причастности к культу можно судить по аналогии с жертвенным местом Сузгун II, где "... среди обломков крупных сосудов в большинстве случаев встречались маленькие круглые гальки белого цвета, отсутствующие в материковом грунте и также, видимо, специально принесенные" (Мошинская, 1957, с.119). Сосуд, заполненный мелкой галькой, был найден при раскопках Синташтинского III кургана на юге Челябинской области; он стоял недалеко от угла могильной ямы на уровне древней поверхности (Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992, с.333). Быть может, в перечисленных примерах гальки имеют значение символической жертвы?

При описании постройки 3 отмечалось, что около коридорообразного выхода в уч. А/12 на ограниченном участке площадью 1 кв.м (2х0,5 м) зафиксировано необычное скопление ям от жердей и кольев. Количество ямок в этом скоплении составляет 36, они имели диаметр от 4 до 8 см при глубине в материковом грунте 5-12 см и располагались вплотную друг к другу. Рядом с ними обнаружено три скопления костей животных и два очага (22, 23). Не будучи уверенными в достоверности нашей реконструкции, рискнем высказать предположение, что на воткнутых в этом месте жердях и кольях могли развешиваться шкуры жертвенных животных. Подобным образом, со ссылкой на рассказ Ибн-Фадлана, Б.А.Рыбаков объясняет многочисленные "тычинушки" - ямы от вертикальных кольев и жердей Шумского антропоморфного кострища IX-X вв. (Русанова, 1966; Рыбаков, 1987, с.222). И.Н.Гемуев и А.М.Сагалаев, описывая культовое место Пырсим, упоминают о жердях, которые устанавливали во время жертвоприношений (на них вешали шкуры животных: около 60 жердей шестиметровой длины, вырубленных из тонких деревьев, найдены прислоненными к стволу кедра - см.: Гемуев, Сагалаев, 1986, с.94, 95). "Подобный обычай существовал еще в XVIII в. у казахов, у народов Алтая и Урала ... На куполах старых казахских могил и до сих пор торчат концы длинных жердей, сделанных специально для вешания шкур жертвенных коней" (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с.293).

Не все из перечисленных доводов в пользу культового характера Чудской Горы могут показаться безупречными, но в совокупности они достаточно убедительно указывают на существова-

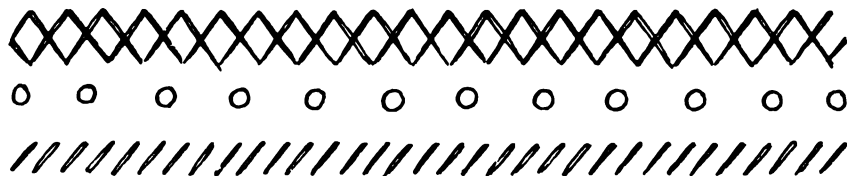
ние в пределах укрепленного поселения комплекса культовых сооружений. На наш взгляд, культовый комплекс Чудской Горы можно классифицировать как жертвенное место, имевшее большой территориальный охват. Свидетельством того, что жертвенное место функционировало на протяжении длительного периода, является присутствие в керамическом материале из построек 1-4 посуды как раннего, так и позднего облика.

Логично предположить, что на территории поселка проживали люди, отвечавшие за поддержание в порядке объектов сакрального комплекса, соблюдение календарных сроков обрядов, подготовку и проведение общественных ритуалов жертвоприношения и иных языческих мероприятий, а высокий статус святилища обуславливал высокое положение этих первобытных жрецов в обществе. Данное предположение согласуется с мнением М.Ф.Косарева о формировании основ западно-сибирского шаманизма в более раннее время, чем эпоха железа (Косарев, 1991, с.192).

М.Ф.Косарев считает, что Чудская Гора и Сузгун II являлись центральными поселками каких-то больших групп населения. “Эти центры занимали на местности господствующее положение, иногда укреплялись рвом и валом, отличались чрезвычайной насыщенностью культурного слоя ..., имели, как правило, специальную культовую площадку” (Косарев, 1991, с.128). “Вполне возможно, что именно с этого времени, т.е. с финальной стадии бронзового века, берет начало раннеклассовая, потестарная традиция, известная позже по остяцким героическим сказаниям ...” (Там же). Идея о выделении в конце бронзового века в таежной зоне Тоболо-Иртышья своеобразных военно-политических и религиозных центров кажется нам очень перспективной. Что касается конкретных памятников, претендующих на роль таких центров, то из их числа следует исключить Сузгун II, поскольку стационарного поселения на сопке Сузгун-Тура не было. Сузгун можно рассматривать в качестве центра, но только религиозного. Он представлял собой колоссальный культовый комплекс, функционировавший под открытым небом как место жертвоприношений. По своим масштабам (и статусу?) он значительно превосходил аналогичный комплекс Чудской Горы.

Сюжет об особенностях Чудской Горы хотелось бы завершить частным замечанием в адрес В.А.Могильникова, Е.М.Данченко и А.Я.Труфанова, высказавших в совместной статье предположение, что сузгунские комплексы Чудской Горы оставлены населением, жившим на Богочановском поселении (их разделяет болотистый участок поймы шириной 300 м; Могильников, Данченко, Труфанов, 1991, с.205). Как нам кажется, сравнение материалов

этих двух памятников вполне позволяет сделать обратное предположение: на территории Богочановского поселения зафиксированы следы жизнедеятельности людей, обитавших на Чудской Горе. Обе версии нуждаются в доказательстве, но если бы удалось установить достоверную связь между Богочановским поселением и Чудской Горой, характер обоих памятников значительно бы усложнился.

Глава III. О некоторых проблемах сузгунской культуры Тоболо-Иртышья

Ареал. - О топографии и характере памятников. - Домостроительство. - Фортификационное дело. - Погребальный обряд. - Хозяйственно-бытовой уклад. - Бронзолитейное производство. - Керамика. - Проблемы происхождения. - Гребенчато-ямочный компонент и древности одиновского типа. - Предсузгунские комплексы. - Об андроновском влиянии. - Пахомовский компонент сузгунской культуры. - Связи с южными культурами. - Связи с культурами лесного Обь-Иртышья. - О барабинском локальном варианте. - Хронология сузгунской культуры.

Выделение археологической культуры по одному раскопанному памятнику в археологии редкий случай, но именно так произошло с сузгунской культурой. Полученные при раскопках в 1948 и 1950 гг. памятника Сузгун II материалы были настолько яркими и своеобразными, что в правомерности выделения нового культурного образования никто не усомнился ни в те годы, ни много лет спустя.

Характер культурного слоя, особенности залегания находок и отсутствие каких-либо следов древнего поселения позволили В.Н.Чернецову и В.И.Мошинской сделать заключение о культовом назначении памятника (Чернецов, 1953, с.49-51; Мошинская, 1957, с.119). По мнению его исследователей, Сузгун II представлял собой жертвенное место, которое существовало на протяжении нескольких столетий - ориентировочно от середины II тыс. до н.э. до рубежа II-I тыс. до н.э. (Чернецов, 1953, с.50, 51; Мошинская, 1957, с.125, 127). В этом же интервале датировалась сузгунская культура Тобольского Прииртышья. Сложение сузгунской культуры связывалось с тем глубоким влиянием, которое оказывало население степной и лесостепной андроновской культуры за пределами своей территории, в том числе в лесных районах Зауралья и Приобья. Не случайно публикацию Сузгуна II предваряет сюжет, посвященный вопросам датировки андроновских древностей, а В.Н.Чернецов специально обращается к проблеме происхождения андроновской культуры. На его взгляд, материалы Сузгуна II "...свидетельствуют о тесных связях между племенами лесными, с одной стороны, и степными и лесостепными - с другой. При этом племена сузгунской культуры, обитавшие по южной полосе таежной зоны ... являлись звеном, связывавшим племена степной культуры эпохи бронзы с населением таежного и

притундрового севера..." (Чернецов, 1953, с.54). Идея существования в неолите - бронзовом веке несомненной культурной и этнической близости (общности) населения Нижнего Обь-Иртышья с племенами южных областей в концепции В.Н.Чернецова является одной из основополагающих (Чернецов, 1953, с.55-61).

Наряду с явными андроновскими параллелями в керамике Сузгуна II отмечены черты, сближающие ее с посудой памятников поздней бронзы Прикамья (Луговская стоянка), Среднего Зауралья (Коптяки-5, Береговые стоянки Горбуновского торфяника), других районов Западной Сибири (Красноозерки, Вторая Мысовская стоянка, Ирмень I), а также выделены некоторые типично лесные элементы. Предложенная типология сузгунской керамики сохранила значение до настоящего времени. В частности, наша работа с материалами Чудской Горы подтвердила выводы В.И.Мошинской об основных тенденциях изменения сузгунской керамики, о хронологически значимых признаках, о соотношении таежных и степных элементов в орнаментации и др.

Если принять во внимание, что еще в начале 1950-х годов "...эпоха бронзы в Западной Сибири ... не была предметом специального изучения", что ставился этот вопрос попутно и лишь в связи с андроновской культурой (Мошинская, 1957, с.114), если реально оценивать состояние источниковой базы по бронзовому веку Урала и Западной Сибири в тот период, нельзя не поразиться профессионализму, широте научного кругозора и интуиции, с какими исследователи обосновали и охарактеризовали новую культуру. Конечно, ее облик во многом оставался неясным (Мошинская, 1957, с.128), но общая схема была намечена.

С сожалением приходится констатировать, что в течение последующих 25-ти лет планомерные исследования сузгунских памятников не предпринимались. Более того, при строительстве железной дороги была снесена сопка Сузгэ-Тура, на вершине которой находились городище XIII-XIV вв. и памятник сузгунской культуры Сузгун I. Практически полностью разрушенным оказалось культовое место Сузгун II.

Эпизодические раскопки сузгунских памятников, возобновившиеся в середине 1970-х гг., продолжают до настоящего времени. Масштабы выполненных работ нельзя назвать впечатляющими. В общей сложности исследовано около десяти поселений (Чудская Гора, Чеганово I, Юргаркуль III, Тап I, Красная Гора, Богочаново, Лучкино I, и др.), но на большинстве из них раскопки носили рекогносцировочный характер. Кроме того, относительно бесспорной сузгунской принадлежности некоторых из числа перечисленных памятников, мнения расходятся (Лучкино I). Практически на всех исследованных памятниках получены большие коллекции керамики, прочий инвентарь чрезвычайно

беден. Крайне скудны данные о домостроительстве, планировке сузгунских поселков, хозяйстве, погребальной обрядности.

Тем не менее, определенный сдвиг в решении проблем сузгунской культуры произошел. В немалой степени этому способствовали успехи в изучении эпохи бронзы сопредельных областей: Кондинской низменности, Нижнего и Среднего Приобья, Среднего Зауралья, лесостепного Тоболо-Иртышья, Барабы, урало-иртышских степей. Некоторые открытия имеют самое прямое отношение к проблемам сузгуна. В низовьях Тары на северо-западе Барабы выделен локальный вариант сузгунской культуры (Молодин, 1985, с.143-155). В предтаежной полосе Тоболо-Иртышского междуречья исследована серия памятников так называемого пахомовского типа (Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991, с.81-84), которые обнаруживают значительное культурное сходство с сузгунскими и в то же время обладают несомненным своеобразием. В низовьях Иртыша открыты поселения с керамикой, органически сочетающей признаки сузгунской и лозьвинской керамических традиций (Галкин, 1989; Глушков, 1991; Захоя, 1995). Оригинальны памятники типа Хутор Бор-1 из лесного Прииртышья, для которых характерно сосуществование позднего сузгунского и крестового комплексов (Труфанов, 1983).

В предлагаемой работе авторы не ставили задачу дать исчерпывающую характеристику сузгунской культуры, сейчас это просто невозможно. Вместе с тем, представляется, что анализ материалов Чудской горы, Сузгуна II и других памятников южно-таежного и предтаежного Тоболо-Иртышья периода поздней бронзы позволяет высказать определенные суждения по таким проблемам сузгунской культуры как генезис, основные этапы развития, хронология, направленность и характер историко-культурных связей; развить или оспорить идеи наших предшественников, сформулировать новые задачи и обозначить пути их решения.

В данной публикации представлена карта памятников, в материалах которых сузгунский комплекс является либо основным, либо достаточно представительным (рис.1). Она составлена по публикациям М.Ф.Косарева, В.Т.Галкина, А.Я.Труфанова, И.Г.Глушкова, В.И.Молодина и екатеринбургских археологов (В.Ф.Генинг, В.В.Евдокимов, В.И.Стефанов, О.Н.Корочкова и др.). На карте не отмечены поселения, где керамика сузгунского облика присутствует в качестве инокультурной примеси в составе других комплексов (ирменской культуры, бархатовской). В этих случаях сузгунские древности скорее свидетельствуют об определенных культурных связях, нежели маркируют ареал сузгунской культуры. В частности, мы имеем в виду местонахождения сузгунской керамики на нижней Оби, Юконде, в низовьях Таза

(Мошинская, 1957, с.127, 128), в окрестностях Сургута (Чемякин, Кокшаров, 1991, с.112-114), около Нижнего Тагила (информация Ю.Б.Серикова) и др. На карту нанесены известные памятники пахомовского типа, поскольку проблемы андроновидных пахомовских и сузгунских древностей неразрывно связаны.

Всего в лесной полосе Тоболо-Иртышья открыто около 40 памятников сузгунской культуры. Северную границу ее ареала ориентировочно можно провести по правому берегу Иртыша между устьем р.Тары и Тобольском, т.е. там, где Иртыш течет в широтном направлении. На этой крупной речной магистрали расположены наиболее яркие сузгунские памятники - Сузгун II, Красная Гора, Хутор Бор-I, Богочановское поселение и Чудская Гора. Район к северу от Тобольска, по мнению И.Г.Глушкова, является зоной контактов сузгунского и лучкинского населения (Глушков, 1991, с.103). В.Т.Галкин определяет памятники этого района (Лучкино-I, Бозобырь, Малое Кутаево, Сергеевка) как сузгунско-лוצьвинские (Галкин, 1989, с.130), а З.В.Степаненкова объединяет их в рамках северного варианта сузгунской культуры (Степаненкова, 1993, с.111). Неизвестно, включала ли территория сузгунской культуры низовья правых притоков Иртыша - р.р. Уй, Шиш и Туй, но в левобережной части иртышского бассейна - в Нижнем Притоболье, на Вагае и в низовьях Ишима сузгунские памятники представлены широко. Южнее границы лесов они встречаются очень редко. Поздние сузгунские поселения исследованы в лесостепном Приишимье (Чупино, Кучум-Гора) и на Крутинских озерах (Калугино-I и др.).

Пахомовские памятники в целом расположены южнее сузгунских, основной зоной их распространения является северная лесостепь и южная окраина лесов Тоболо-Иртышского междуречья (рис.1). Наиболее полно исследованы поселения Ново-Шадрино VII, Ук III, Пахомовская Пристань I, Инберень IV; несколько пахомовских погребений раскопано на Лихачевском и Черноозерском II могильниках. В единственном раскопанном жилище поселения Жар-Агач на юге Омской области (степная зона) найдено большое количество пахомовской керамики, залегавшей вперемежку с алексеевско-саргаринской (Сотникова, 1986; Генинг, Стефанов, 1994).

Судя по имеющимся публикациям, большинство сузгунских памятников отличает совершенно отчетливая приуроченность к высоким открытым мысам или останцам коренного берега. Так, культовый памятник Сузгун I находился на вершине сопки Сузгэ-Тура (другие названия Голая Сопка, Лысая Гора), с очень крутыми склонами, имевшей высоту около 70 м (Чернецов, 1953, с.51; Мошинская, 1957, с.116). Сузгун II располагался в небольшом ложке у южных склонов этой возвышенности. При этом

сама сопка находилась в месте резкого поворота коренного берега Иртыша. Как известно, сузгунская керамика найдена в слое, подстилающем городище Потчеваш (Мошинская, 1953б, с.203). В 1970 г. на его внешней площадке были исследованы два погребения сузгунской культуры (Федорова, 1974, с.35; Стефанов, 1979). Напомним, что эти памятники находятся на очень высоком с отвесным обрывом мысу ("Чувашский мыс") правого берега Иртыша. Поселение Красная Гора находится на мысу коренной иртышской террасы (Галкин, 1991а). Культовое место Хутор Бор-I занимает мысовидный выступ в месте крутого поворота первой надпойменной террасы правого берега Иртыша. "В близлежащей местности это наиболее высокая точка" (Труфанов, 1983, с.63). Чудская Гора расположена на высоком останце. Богочановское городище, на котором в культурном слое найдена позднесузгунская и красноозерская керамика, также находится на узком мысу коренного берега Иртыша (Могильников, Данченко, Труфанов, 1991). Кучум-Гора, на вершине которой зафиксированы остатки постройки и обнаружено большое количество керамики позднего сузгунского облика, возвышается над Ишимом почти на 50 м (Голдина, 1969, с.138, 152). Памятник Лучкино I, условно названный поселением, расположен на высоком, хорошо заметном мысу коренной террасы левого берега Иртыша (Глушков, 1991, с.94). На мысу расположено и поселение Тап I (Галкин, 1988).

Другими словами, можно сделать вывод о том, что приуроченность к высоким мысам, господствующим над окружающей местностью, является характерной чертой топографии сузгунских памятников. В действительности, это верно лишь отчасти. Во-первых, большинство памятников южной части сузгунского ареала - это поселения, расположенные в обычных, ничем не выделяющихся топографических условиях: на речных террасах, по берегам озер, на возвышенных площадках среди болот. В таких местах люди селились и до начала сузгунской культуры, и позже. К сожалению, эти памятники исследованы значительно хуже иртышских. С другой стороны, очень многие из расположенных на Иртыше сузгунских памятников не содержат никаких следов поселений. Сузгун I, II и Хутор Бор-I авторы раскопок безоговорочно относят к числу культовых памятников. Поселения нет на Чувашском мысу, но здесь обнаружены погребальные комплексы сузгунской культуры (Потчевашский II могильник). В.И.Мошинская упоминает о находках сузгунской керамики в слое подстилающем городище Искер (Мошинская, 1957, с.127). Этот памятник, расположенный на высокой горе при впадении Сибирки в Иртыш, неоднократно подвергался раскопкам, но никаких остатков позднебронзового поселения при этом не обнаружено. На Лучкино I в раскопе площадью 380 кв.м не обнаружено

следов жилищ, нет очагов, хозяйственных ям, остеологических остатков, но много керамики, лежащей пластами (Глушков, 1991, с.94). Найденные здесь глиняные модельки, имитирующие кельты и орудия типа клина, по мнению И.Г.Глушкова, "могли заменять, символизировать реальные орудия и участвовать в каких-то ритуалах" (Глушков, 1991, с.96). Вероятно, не следовало называть этот памятник поселением, тем более, что сам исследователь приводит убедительные аргументы в пользу его культового назначения.

Остатки жилых построек и поселенческий инвентарь, включавший большое количество керамики, костяные и глиняные изделия, рыбу чешую и кости животных, обнаружены на Красной Горе (Галкин, 1991а).

О сложном характере памятника на Чудской Горе говорилось выше. В нашем понимании Чудская Гора - это крупное поселение, являвшееся одновременно территориальным культовым и административным центром.

Несколько слов по поводу поселения Сузгун Па, введенного в научный оборот В.Т.Галкиным (Галкин, 1989, с.130; 1991, с.92). В одной из работ он высказал предположение, "...что, основывая поселки, сузгунцы могли руководствоваться мистическим восприятием данного места, возможной благосклонностью духов к нему и т.д. Кроме того выбор мог определяться географической или даже политической значимостью места, могущего стать объединяющим центром, как, например, комплекс Сузгун II, Па, включающий поселение и большое культовое место и расположенный на перекрестке нескольких водных путей" (Галкин, 1991а, с.6). Из этой пространной цитаты, от комментариев которой мы воздержимся, следует, что на Сузгуне было поселение. В.Т.Галкин не указывает точного местоположения этого памятника, но, по-видимому, имеется в виду северный склон высокого останца коренного берега Иртыша, где в 1984 г. археологической разведкой Тобольского пединститута был обнаружен участок культурного слоя, насыщенного керамикой тех же типов, что и на Сузгуне II (Галкин, 1987а, с.39-40). В действительности наличие культурного слоя с остатками сузгунской культуры в этом месте было установлено екатеринбургскими археологами в 1978 г. (Стефанов, 1978, с.19-22; в состав группы входили В.М.Каноркин, А.Ф.Шорин, В.М.Морозов, Т.Н.Нохрина и В.И.Стефанов). По данным разведок тех лет и позднейшим раскопкам В.Т.Галкина можно считать доказанным только один факт: слой с остатками сузгунской культуры имелся на северном и северо-восточном склонах некогда возвышавшейся в этом месте сопки. Можно предположить, что он имел такое же происхождение, как и на Сузгуне II, но нет никаких оснований для выделе-

ния здесь поселенческого комплекса. Стационарного поселения на Сузгуне не было. Обнаруженные на Сузгуне глиняные изображения двух кельтов и наконечника копья с прорезями в пере (Галкин, 1989, с.133-134) наиболее удовлетворительно могут быть интерпретированы как votивные предметы. Мы склоняемся к мысли, что найденные на вершине, склонах и в ложке у основания сопки Сузгэ-Тура остатки не следует разделять: вместе взятые они свидетельствуют о существовании в этом пункте грандиозного культового комплекса, суть и значение которого сейчас еще не осознаны.

Таким образом, анализ данных о характере и топографическом положении памятников сузгунской культуры приводит к следующим выводам. 1. Среди исследованных сузгунских памятников довольно много таких, которые связаны с какими-то культовыми действиями. Их определяют как культовые места (жертвенные, священные, ритуальные, сакральные), святилища и т.п. Характерно, что культовые места известны и в тех локальных культурных образованиях, происхождение которых самым непосредственным образом связано с сузгунской культурой (комплексы лучкинского типа, позднесузгунско-красноозерские). 2. Для культовых памятников действительно характерна отчетливая приуроченность к высоким, естественно защищенным мысам, холмам, останцам в пойме. 3. Сузгунские святилища локализуются преимущественно в долине Иртыша - главной водной магистрали на территории сузгунской культуры. 4. В топографии сузгунских поселений как-будто не прослеживается заметной "предрасположенности" к определенному типу рельефа. Можно обратить внимание на отсутствие жилищных впадин на некоторых поселениях - при том, что жилые постройки обнаруживались в ходе раскопок.

В приуроченности культовых памятников к возвышенным участкам рельефа нет ничего необычного. Почитание таких природных объектов как горы, холмы, скалы, пещеры и др. - явление универсальное. Пожалуй, наиболее ярко эта закономерность проявилась в эпоху железа на Среднем Урале: из числа открытых здесь жертвенных памятников очень многие расположены у подножия и на высоких вершинах скал (Кырманские, Чертово Городище, Соколиный Камень, гора Азов, Шарташские каменные палатки, Старичный Камень и др.; Берс, 1963; Морозов, 1995). У древних славян "...фиксированным местом ежегодных молений были высокие холмы, горы, возвышавшие молящихся над уровнем обычной жизни и приближавшие их к небесным правителям мира... Все эти места культа воды, рощений, гор широко отразились в восточно-славянской топонимике, где встречены сотни "святых озер", "святых рощ", "красных горок", "лысых гор"

(Рыбаков, 1987, с.137). Скорее всего, это случайное совпадение, но среди сузгунских пунктов есть и Лысая Гора, и Красная, и Чудская. Кстати, очень многое из того, что известно о местах языческого культа древних славян, находит соответствие в культовых комплексах и сузгунской, и других археологических культур (речь не идет о религиозно-мифологических представлениях). Топографическое положение культовых мест, различия в территориальном охвате, долговечность культовых центров, отсутствие или наличие сооружений на святилищах, специфический ассортимент вещественных остатков - эти и другие элементы культовой практики одинаково присущи древним славянам, древнему населению урало-сибирского региона, в том числе позднебронзовому населению лесного Тоболо-Иртышья, и многим другим народам². Просто восточнославянские святилища лучше изучены, в том числе археологически.

Едва ли можно сомневаться в правомерности отнесения таких памятников как Сузгун II и Чудская Гора к культовым центрам больших территориальных групп (при этом Сузгун II мог функционировать только в теплое время года под открытым небом). О том, что они существовали продолжительное время, говорит огромное количество находок, полученных из в общем-то небольших по площади раскопов - 125 кв.м на Сузгуне и 640 кв.м на Чудской Горе.

Признавая за этими памятниками большое территориальное значение (а кроме них на Иртыше есть и другие культовые места) и учитывая, что подобные центры обычно располагаются в глубине территории и не выносятся в пограничную зону, мы должны согласиться с тем, что Иртыш являлся внутренней рекой для сузгунского ареала. Его северная и северо-восточная границы проходили в правобережной части иртышского бассейна, поэтому на правом берегу Иртыша и в низовьях его правых притоков³ могут быть обнаружены новые памятники сузгунской культуры.

Квалифицируя Сузгун II, Чудскую Гору, Потчеваш, Хутор Бор-I, Лучкино I и другие памятники в качестве культовых, мы полагаем, что их конкретное назначение и использование могли различаться. Кроме топографического положения их объединяет, пожалуй, то, что в этих местах совершались обрядовые, ритуальные действия, связанные с приношением жертв. Многообразие форм культа и культовой практики предполагает кроме всего прочего и различие в способах организации сакрального пространства. По этой причине нас не смущает очевидный парадокс: на большинстве сузгунских культовых мест совершенно отсутствуют какие-либо следы искусственных сооружений, тем более - жилищ, в то время как на Чудской Горе они присутствуют во множестве. Только в раскопанной части памятника зафиксирова-

ны остатки десяти построек, получен разнообразный, хотя в чем-то и специфический, инвентарь. Существование на Чудской Горе поселения является бесспорным фактом, причем жилых построек в нем было значительно больше, чем представляется по результатам раскопок. Однако это обстоятельство не исключает возможность функционирования в данном месте большого культового комплекса. К тому же, как было показано выше, характер реконструируемого на Чудской Горе поселка является далеко не ординарным.

Среди исследованных на территории сузгунской культуры памятников Чудская Гора представляет особенный интерес не только из-за специфического характера комплекса остатков. По результатам проведенных здесь раскопок мы имеем приблизительное представление о типах жилых сооружений и, что очень важно, о существовании в среде сузгунского населения навыков фортификационного дела. Насколько можно судить по публикациям, кроме Чудской горы жилища исследованы только на поселениях Новый Тап I, Чеганово I и Красная Гора. Первый памятник не опубликован. Согласно краткой информации о результатах работ на поселении Чеганово I, там в раскопе площадью 40 кв.м "... зафиксированы следы трех жилых построек стандартной прямоугольной формы, с четкими следами столбовых ям" (Галкин, 1987б, с.234). На Красной Горе в раскопе площадью 161 кв.м обнаружен котлован подпрямоугольной постройки размером 5х3 м, глубиной 0,35-0,4 м. Около коридорообразного выхода расчищена площадка из 22-х плотно уложенных глиняных кирпичиков (Галкин, 1991а, с.88). По-видимому, речь идет об очажном устройстве. От второй постройки сохранился лишь один угол. Таким образом, в нашем распоряжении имеются данные не более чем о пяти-шести полностью раскопанных на двух памятниках сооружениях. Все они небольшие - от 15 до 40 кв.м, прямоугольные, по-видимому, каркасно-столбовой конструкции, с незначительно углубленным в землю котлованом и выходом в виде небольшого узкого коридора, обращенным в сторону реки. Очаги в жилищах разных типов: углубленные и наземные, в том числе с глинобитным основанием, а также выложенные из камня или глиняных "кирпичиков". Приведенную характеристику сузгунских жилых сооружений нельзя назвать исчерпывающей, а с учетом предполагаемой нетипичности поселения на Чудской Горе она, возможно, является в чем-то искаженной.

Гораздо лучше изучены жилищные комплексы на периферии сузгунского ареала и в прилегающих районах. В поселениях новочекинского, пахомовского, еловского, ирменского, бархатовского, красноозерского, лозьвинского и барсовского культурных типов исследовано в общей сложности около сотни жилищ.

Сравнение их с сузгунскими объектами немного дает, но все таки можно обратить внимание на малые размеры последних и незначительную глубину их котлованов. Возможно, поэтому сузгунские жилища зачастую не выражены в рельефе. Сооружения Чудской горы на общем фоне выглядят непропорционально узкими.

Не имея достаточных оснований, мы все же допускаем разнообразные способы организации жилой среды на сузгунских поселениях. Что касается поселения на Чудской Горе, то, по-видимому, оно спланировано с учетом формы и параметров верхней площадки останца, а также численности обитателей поселка и основных видов их деятельности, в том числе, культовой. Плотная застройка его юго-западной части (какая она на остальной площади - неизвестно) и удлиненные формы жилых построек не находят соответствий в поселениях поздней бронзы таежной зоны, но вполне обычны для петровских, алакульских и алексеевско-саргаринских памятников степной зоны (Зданович, 1988). Плотность и упорядоченность застройки внутренней площадки Черноозерского I городища в лесостепном Прииртышье также связывают с традициями андроновских коллективов (Генинг, Стефанов, 1993; Борзунов, в печати). По поводу возможного объединения построек 1-3 в многокамерный комплекс уместно привести мнение С.Я.Зданович, которая полагает, что принцип многокамерности сооружений и соединения в один комплекс нескольких построек является ведущим в архитектуре конца бронзового века; в дальнейшем он получает развитие на поселениях раннего железного века (Зданович, 1983, с.64).

Еще более скудны данные по оборонительным системам сузгунской культуры. Укрепления на Чудской Горе специально не исследовались, тем не менее наличие рвов и деревянных стен, ограничивавших площадку расположенного здесь поселения, представляется более чем вероятным. Следы оборонительных сооружений зафиксированы еще на двух памятниках, содержащих материалы позднесузгунского облика. Один из них - неоднократно упоминавшееся поселение-культовое место Лучкино I, огражденное с напольной стороны рвом (Глушков, 1991, с.94). К сожалению, в небольшой статье, посвященной этому памятнику, отсутствуют данные о ширине и глубине рва и о других элементах оборонительной системы. Другой памятник - городище Калугино-I (раскопки И.Г.Глушкова). Оно полуовальной формы, расположено на террасе западного берега оз.Тенис.Оборонительные сооружения и здесь не исследовались. Культурную принадлежность Калугино-I А.Я.Труфанов определяет как сузгунскую (Труфанов, 1990).

По-видимому, сузгунское население имело достаточный опыт строительства оборонительных систем, поэтому можно ожидать открытия других укрепленных поселений. Эти, пока что гипотетические, сузгунские городища могут быть разных типов (береговые, мысовые, на холмах и др.), но их определенно не будет много. Они будут редки, как редки укрепленные поселения в других позднебронзовых культурах Западной Сибири. При этом истоки сузгунского фортификационного строительства не следует искать только в южных областях, в таежной зоне Приобья оно имеет еще более глубокие корни (Борзунов, 1992, с.41, 42; 1995). Завершая короткий сюжет о сузгунских фортификациях, отметим, что защитные сооружения могли возводиться не только вокруг стационарных поселений, но и на культовых местах. В этой связи весьма примечателен тот факт, что большинство культовых памятников сузгунской культуры приурочено к естественно защищенным местам.

Представления о погребальном обряде сузгунского населения исчерпываются материалами двух или трех погребений на мысу Потчеваш в Тобольске и двух ранних погребений из Абатского курганного могильника на Ишиме. Погребения на Потчеваше обнаружены случайно при раскопках городища (Федорова, 1974), их анализу посвящена отдельная статья (Стефанов, 1979). Очертания могильных ям не фиксировались, т.к. захоронения совершались в древней почве или на ней. Плохо сохранившиеся кости скелетов в погребениях 1 и 2 лежали на глубине 0,15 м от поверхности - почти сразу под дерном. Умершие были положены головой к северу и северо-востоку. Погребальный инвентарь представлен тремя горшками сузгунского облика (по типологии В.И.Мошинской 2, 3 и 4 типов).

К числу сузгунских могут быть отнесены погребения эпохи бронзы, обнаруженные под насыпями Абатских курганов раннего железного века (Мошкова, Генинг, 1972). В кургане 2 расчищены остатки разрушенной могилы (погребение 7), совершенной на погребенной почве; умерший лежал головой на северо-запад. На уровне древнего горизонта обнаружены два сосуда, один из которых, возможно, связан с данным погребением. М.Г.Мошкова и В.Ф.Генинг предполагают, что над захоронениями периода поздней бронзы существовала невысокая насыпь, но стратиграфически она не прослеживалась (Мошкова, Генинг, 1972, с.101). Под насыпью кургана 1 зафиксирована почти квадратная площадка размером около 11,5 x 11,5 м, окруженная по периметру канавкой, имевшей ширину около 1 м и глубину до 0,75 м. В южной стороне, почти посередине, канавка прерывалась, образуя проход шириной 1,25 м (Мошкова, Генинг, 1972, с.92). На дне канавки найдены два сосуда. Погребение, если оно и имелось, было раз-

рушено центральной могилой кургана раннего железного века. Авторы публикации Абатских курганов считают, что здесь также была древняя насыпь, но и она стратиграфически не выявлена. Таким образом, с погребениями поздней бронзы связаны находки четырех сосудов, каждый из которых находит близкие аналогии среди сузгунской посуды. Интересно, что среди потчевашских и абатских горшков сузгунского облика есть по одному круглодонному сосуду.

Погребения на древнем горизонте характерны не только для сузгунской культуры. Аналогичным образом совершались захоронения в Обь-Чулымском междуречье (Мартынов, 1966), Кузнецкой котловине (Бобров, 1991, с.64). На погребенной почве зафиксированы ирменские погребения могильника Калачевка-II в лесостепном Прииртыше (курганы 1, 3; Могильников, 1968; Труфанов, 1991, с.76). В кургане 3 могильника они располагались на прямоугольной площадке размером 8 x 9,5 м, ограниченной ровиком с перемычками по углам. Сосуд с округлым дном из погребения 4 кургана 1, как справедливо отметил А.Я.Труфанов, вполне можно назвать сузгунским. Погребения переходного периода от бронзового века к железнному из Абатского 3 могильника, недавно открытые тюменскими археологами, совершены в неглубоких ямах в погребенной почве. Из четырех могил кости сохранились в трех, ориентировка умерших головой на С и СЗ (Матвеева, 1991). Подавляющее большинство еловских погребений Томско-Нарымского Приобья совершались "... на уровне древней поверхности или на уровне верхнего горизонта материка" (Матющенко, 1974, с.118). Малое количество и плохая сохранность сузгунских погребений не позволяют установить степень их близости с погребальными памятниками других позднебронзовых культур лесостепной зоны Западной Сибири, однако по ряду признаков сходство прослеживается. К сожалению, полностью отсутствуют материалы по погребальной обрядности населения таежных культур этого времени (атлымская, лозьвинская, барсовская и др.).

Погребальные комплексы пахомовского типа, известные по раскопкам Черноозерского II (на Иртыше) и Лихачевского (на Ишиме) могильников, представлены всего шестью погребениями (Генинг, Стефанов, 1991). Для обоих могильников характерны расположение на краю надлуговых террас, отсутствие следов надмогильных сооружений, прямоугольно-овальная форма могильных ям, их преимущественная ориентация по оси СЗ-ЮВ (5 из 6), небольшая глубина (до 0,8 м), наличие на дне могил обычно одного сосуда, отсутствие костяков в некоторых могилах. Всего в трех погребениях установлена ориентация умерших (2 - на СЗ, 1 - на ЮВ), во всех трех случаях покойные лежали головой к

реке. Погребальный инвентарь в основном представлен керамикой, которая обнаруживает определенное сходство с сузгунской посудой. Конечно, серии очень малы, но и того, что есть в нашем распоряжении, достаточно для констатации сходства пахомовских и сузгунских погребальных комплексов. Отличие есть (как есть оно и среди сузгунских памятников), но, как нам кажется, оно обусловлено причинами хронологического и локального характера (пахомовские погребения имеют более ранний возраст). Примечательно, что на ряде пахомовских поселений обнаружены захоронения в жилищах или около них: одно погребение на поселении Ук VI, одно - на Пахомовской Пристани, одиннадцать - в зольнике на Ново-Шадрино VII.

В связи с рассмотрением сузгунских и пахомовских погребальных комплексов интересен могильник Старый Сад, исследованный в лесостепном Приобье новосибирскими археологами (Нескоров, 1986; Молодин, Нескоров, 1992). Андронидная посуда из этого могильника (Молодин, Нескоров, 1992, с.245, рис.2), обнаруживает значительное сходство с керамикой пахомовских могильников Черноозерье II, Лихачевского и поселения Инберень IV. Вместе с тем некоторые конструктивные особенности погребальных сооружений (квадратные или прямоугольные ровики вокруг площадки с погребениями) и детали обряда (захоронения на уровне погребенной почвы или в неглубоких ямах, “захоронения” сосудов без покойников) сближают Старый Сад с сузгунскими и ирменскими погребениями Абатских и Калачевских курганов. По мнению В.И.Молодина и А.В.Нескорова, культурное образование, представленное могильниками Старый Сад и некоторыми курганами могильников Преображенка-3 и Абрамово-4, сложилось в лесостепном Обь-Иртыше в результате этнокультурного синтеза автохтонных ирменской и сузгунской культур и пришлого бегазы-дандыбаевского населения (Молодин, Нескоров, 1992, с.94; Молодин, 1981; 1985; Нескоров, 1986). Возможное участие бегазы-дандыбаевского населения в формировании позднееловского орнаментального комплекса предполагают Т.Н.Троицкая и А.В.Софеев (Троицкая, Софеев, 1990, с.71). Продвижение групп бегазы-дандыбаевского населения в Верхнее Приобье допускает В.С.Удодов (Удодов, 1991).

До сих пор остается практически неизученным блок вопросов, связанных с реконструкцией хозяйственно-бытового уклада сузгунского населения. Причина - в малочисленности соответствующих источников: палеозоологических и палеоботанических остатков, орудийного инвентаря, результатов специальных анализов и т.д. Качественные материалы, позволяющие судить об основных направлениях хозяйственной деятельности, специфике и динамике хозяйства содержат, прежде всего, поселения, но как

раз они исследованы совершенно недостаточно. Чрезвычайно малоинформативны в этом плане введенные в научный оборот сведения о новых поселениях сузгунской культуры - Красная Гора, Чеганово I, III, Юргаркуль III, Новый Тап I, Курман V (Галкин, 1991а; Галкин, 1991б). В.Т.Галкин ограничивается упоминаниями о находках на некоторых из перечисленных памятников костей животных, чешуи, рыболовных грузил, однако по этим данным трудно получить представление об уровне развития хозяйства сузгунского населения.

Особенностям хозяйства в зоне контактов ареалов производящей и присваивающей экономики большое внимание уделяет М.Ф.Косарев. Основываясь почти исключительно на материалах Чудской горы и привлекая прямые и косвенные данные по скотоводству, земледелию, охоте и рыболовству андронидных черкаскульских и еловских групп, а также этнографические свидетельства, он реконструирует хозяйство сузгунского общества как многоотраслевое, основанное на сочетании производящих и присваивающих отраслей (Косарев, 1984, с.115-118; 1991, с.73-76). Надо полагать, что соотношение различных видов хозяйственной деятельности на каждом конкретном поселении будет в чем-то различаться, но в целом многоукладный характер экономики сузгунских общин представляется бесспорным. Ее ведущей отраслью является скотоводство, причем в составе стада значительное место занимает лошадь. Ясно, что и структура стада и сама система скотоводства, ограниченные возможности земледелия, относительно высокий удельный вес охоты и рыболовства (в сравнении с более южными районами) обусловлены особенностями природной среды. Трудно не согласиться с мнением М.Ф.Косарева о сложении многоотраслевой экономики населения андронидных культур в результате смешения двух традиций - северной (охотничье-рыболовческой) и южной (пастушеско-земледельческой) (Косарев, 1984, с.115).

В этой связи представляют интерес данные о хозяйстве населения позднебронзовых памятников Тоболо-Иртышской лесостепи. Как и в южно-таежной зоне, оно было комплексным и базировалось на скотоводстве. К концу бронзового века в полосе северной лесостепи повсеместно наблюдается заметное сокращение численности крупного и мелкого рогатого скота в стаде и соответствующее возрастание доли лошади (Косинцев, 1989). Примечательно другое - в комплексах пахомовского типа (последняя четверть II тыс. до н.э.) отмечается резкое увеличение роли охоты (Косинцев, 1989, с.85, 101). Примечательно это потому, что охота у местного населения ни в предшествующий, ни в последующий периоды не имела существенного значения (Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991). Увеличение роли охоты и рыболовства в

структуре хозяйства андронидных пахомовских групп определенно коррелируется с появлением в керамике пахомовских поселений типичных лесных элементов и мотивов (Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991, с.83, 84). Многочисленные свидетельства охоты и рыболовства зафиксированы В.И.Молодиным в жилищах поселения Новочекино-3 в северо-западной части барабинской лесостепи (Молодин, 1985, с.152, 153; Молодин, Чемякина, 1984, с.50). В материалах из лесостепного Приобья ордынского и быстровского этапов как будто ничто не указывает на возрастание роли охотничье-рыболовческих промыслов, однако в составе их керамических комплексов есть сосуды, вызывающие вполне определенные лесные ассоциации (Матвеев, 1993, с.97-101, 109). Таким образом, приведенные данные, с одной стороны, подтверждают тезис М.Ф.Косарева о содержании многоотраслевого хозяйства андронидных культур, а с другой, свидетельствуют о, возможно, имевшей место инфильтрации лесных коллективов в среду населения северной лесостепи Тоболо-Иртышья.

К сказанному нужно добавить, что и на сузгунских, и на пахомовских памятниках в составе находок почти обязательно присутствуют предметы, связанные с бронзолитейным делом. Металлические орудия исключительно редки, о металлообработке можно судить в основном по обломкам тиглей и литейных форм (количество которых, впрочем, также невелико). С учетом этих находок, а также глиняных моделей, обнаруженных на Сузгуне II и Лучкино I, ассортимент производимых сузгунскими мастерами изделий представляется довольно широким: ножи, шилья, кельты, клинья (?), наконечники стрел, копий, украшения. По-видимому, бронзолитейное производство в достаточной степени обеспечивало потребности населения в разнообразных орудиях, но совокупный объем продукции вряд ли был избыточным. Сказывался дефицит металла, поступавшего в южнотаежное Тоболо-Иртышье из южных областей. Анализ материалов исследованных культовых памятников позволяет сделать предположение об особом статусе бронзолитейного производства в структуре хозяйства сузгунских племен. Практически во всех культовых комплексах есть предметы, связанные с литейным делом (тигли, литейные формы, чаще всего в обломках), а на Сузгуне II и Лучкино I, как уже отмечалось, были обнаружены глиняные модели кельтов, наконечника копья и орудия, напоминающего клин (Галкин, 1989, с.133-135; Глушков, 1991, с.96). Между прочим, эти предметы в металлическом исполнении на сузгунских памятниках пока не найдены. Если расценивать содержащиеся в культовых материалах кости животных, птиц и остатки ихтиофауны как следы жертвоприношений и потребления жертвенной пищи, то наличие в них предметов металлообработки - при очень малом

количестве или полном отсутствии орудий скотоводства, земледелия, охоты, рыболовства и других видов хозяйственно-бытовой деятельности - делает высказанное предположение правомерным. Особое отношение к обработке металла в среде сузгунского населения полностью согласуется с универсальным для древних обществ явлением сакрализации сферы металлургического и металлообрабатывающего производств.

Исходя из характера памятников, глиняные фигурки лошади, головок медведя и птицы с Сузгуна II и Лучкино I также следует связывать с культом (Мошинская, 1976, с.38; Глушков, 1991).

Острота вопросов и проблем, к которым мы до сих пор обращались (топография и планиграфия поселений, домостроительство, фортификационное дело, погребальный обряд, экономика и бытовой уклад), во многом обусловлены малочисленностью соответствующих источников. На их фоне очень впечатляюще выглядит обилие керамических материалов сузгунской культуры. Так на Сузгуне II собраны фрагменты более 700 сосудов (свыше 2 тонн керамики в раскопе 125 кв.м !), коллекция керамики с Чудской Горы включает обломки более 1100 горшков, на культовом памятнике Лучкино I найдено более 15 тыс.фрагментов, на поселении Красная Гора обнаружены обломки 400 сосудов, керамический комплекс культового места Хутор Бор-I насчитывает 58 сосудов из двух раскопов площадью 80 кв.м. На поселении Новый Тап I исследованная площадь составила всего 8 кв.м, но и здесь найдены фрагменты 60 сосудов (Галкин, 1987а). На северном склоне сопки Сузгэ-Тура в шурфе 2х2 м В.Т.Галкин в 1984 г. обнаружил 3 целых и обломки еще 32 сосудов. Интересной особенностью многих сузгунских памятников является то, что керамика в культурном слое распределена крайне неравномерно: наряду с большими и малыми скоплениями, в пределах которых черепки лежат в несколько слоев, встречаются участки с минимальным количеством обломков посуды (Труфанов, 1983, Галкин, 1991а, с.5). Нередко в таких скоплениях попадаются сосуды - целые или в обломках. Встречаются подобные скопления как на поселениях, причем и в жилищах, и на межжилищном пространстве, так и на памятниках культового назначения.

Как было сказано выше, многочисленность керамики и особенности ее залегания на святилищах мы склонны рассматривать в качестве одного из свидетельств общественных ритуалов, связанных с принесением жертв и потреблением жертвенной пищи. Говоря о большой насыщенности слоя обломками посуды на поселениях, мы имеем в виду, прежде всего, Красную Гору (Галкин, 1991а; 1991б), отчасти, Чудскую Гору, и, судя по отрывочной информации, поселение Тап I (Галкин, 1988). Как много керамики на других поселенческих памятниках, неизвестно. Тем не ме-

нее, мы допускаем, что по этому показателю сузгунские памятники действительно превосходят близкие по времени инокультурные поселения сопредельных областей. В большом количестве керамика встречается при раскопках жилищ алексеевско-саргаринской, ирменской, бархатовской и других культур конца бронзового века, но нигде не зафиксировано такой концентрации керамического материала, как в сузгунских постройках. Показателен следующий пример. На уже упоминавшемся поселении Большой Лог (Омское Прииртышье) в раскопе площадью 1625 кв.м исследованы остатки 12 построек размером от 60 до 100 кв.м и собрана большая коллекция керамики саргаринско-ирменского облика, включавшая фрагменты более 600 сосудов (Генинг, Стефанов, 1993). На той же Красной Горе вскрытая площадь составила всего 161 кв.м. В раскопе обнаружены остатки двух жилищ, одно из которых почти полностью разрушено дорогой, а котлован другой постройки имел площадь 15 кв.м. В то же время коллекция собранной здесь керамики лишь немногим уступает большеложской - около 400 сосудов.

У нас нет однозначного объяснения этому факту. Можно предположить, что сузгунские поселения и жилища функционировали в течение длительного времени, что их обитатели уделяли не слишком большое внимание очистке помещений от битой посуды (в чем, кстати, с точки зрения санитарно-гигиенических норм нет ничего предосудительного), а если и выбрасывали черепки, то поблизости от жилищ. Не исключено, что Красная Гора является также нетипичным поселением: здесь между котлованами жилищ было обнаружено "скопление сузгунской керамики, занимающее площадь около 3 кв.м и состоящее из более чем 15 раздавленных сосудов" (Галкин, 1991а, с.88). В этой связи вспоминаются скопления керамики на памятнике Хутор Бор-І.

С уверенностью можно говорить лишь о том, что для аборигенных культур таежной зоны Западной Сибири подобная насыщенность слоя керамическими остатками и такое обилие керамики в жилищах никогда не были характерными.

Как известно, керамика является одним из наиболее массовых и одним из самых "динамичных" источников, позволяющих "рассматривать многие проблемы в их развитии, сменяемости, преемственности, распространении вширь, инноваций, эволюции, прогресса и регресса и т.п." (Генинг, 1992, с.112). Имеющиеся керамические материалы содержат информацию по самым разнообразным проблемам сузгунской культуры, а их массовость дает основание надеяться на обоснованность выводов, полученных при анализе этого вида источников. Заметим, что в своих построениях мы опираемся прежде всего на керамическую коллекцию Чудской горы: она наиболее представительна, статисти-

чески обработана, а сузгунская принадлежность памятника не вызывает сомнений. Другим базовым памятником является Сузгун II. Характеристика посуды этого и других сузгунских памятников почерпнута из публикаций, кроме того, нами учтены результаты анализа керамики андроновидных поселений Тоболо-Иртышской лесостепи.

Абсолютно все исследователи, обращавшиеся в той или иной связи к материалам сузгунской культуры, подчеркивали смешанный характер ее керамических комплексов. Сформировалось устойчивое мнение о том, что “в орнаментации сузгунской посуды переплелись две декоративные традиции: а) местная, гребенчато-ямочная и б) пришлая, “андроноидная” (Косарев, 1981, с.142). По мнению М.Ф.Косарева, бесспорно внесшего наибольший вклад в разработку общей концепции культур гребенчато-ямочного массива, “гребенчато-ямочную посуду во всем ее хронологическом диапазоне отличают две основные особенности: заполнение поверхности сосуда полосами узоров, выполненными оттисками гребенчатого штампа; обязательное деление орнаментального поля несколькими рядами ямочных вдавлений. Обе эти особенности характеризуют не какой-то конкретный временной период в каком-то конкретном районе, а гребенчато-ямочную орнаментальную традицию, которая, оформившись в неолите, существовала несколько тысяч лет (до позднего средневековья)” (Косарев, 1981, с.53, 54). Гребенчато-ямочная декоративная схема очень консервативна, а область распространения памятников с керамикой этого типа охватывает почти всю Западно-Сибирскую равнину (Косарев, 1981, с.53; 1987, с.262). По этой же причине “...мы зачастую не в состоянии судить, является ли столь огромная гребенчато-ямочная область территорией одновременного существования родственных групп населения, или она свидетельствует лишь о разновременных миграциях в пределах Западно-Сибирской равнины носителей гребенчато-ямочного орнаментального комплекса” (Косарев, 1987, с.262). В приведенных высказываниях сформулирована основная проблема культур гребенчато-ямочного круга, в том числе предшествующих андроновидным культурам.

Несмотря на то, что в эпоху бронзы происходило постепенное сокращение гребенчато-ямочного ареала - за счет исключения из него лесостепных районов, население которых оказалось вовлеченным в сферу влияния иных культурных образований - к моменту формирования так называемых андроновидных культур он по-прежнему охватывал огромную территорию, включавшую таежные пространства обского бассейна и области западносибирского Заполярья (тазовская культура - см.: Лашук, Хлобыстин, 1986). В составе сузгунского культурного комплекса гребенчато-

ямочный компонент очевиден. В пользу его лесного происхождения свидетельствуют следующие признаки сузгунской керамики: удлиненные пропорции крупных сосудов (I группа), имеющих широкое устье и маленькое дно, сплошная орнаментация внешней поверхности, включая дно, однообразные несложные узоры (пояса из наклонных оттисков штампа, елочка), высокая насыщенность узора, деление орнаментального поля рядами ямочных вдавлений. Гребенчатую технику орнаментации нельзя однозначно соотносить только с гребенчато-ямочными комплексами, она в такой же мере характеризует и пришлую декоративную традицию. Специфическим для сузгунской орнаментики является нанесение узоров при помощи фигурного штампа в виде скобки. И этот, и многие другие фигурные штампы (косой крест, змейка, уточка, птичка, рамчатый, мелкоструйчатый) зародились в среде таежного населения (Чернецов, 1953, с.68; 1957, с.146, 238; Викторова, 1970; Хлобыстин, 1976, с.60). Прообраз сузгунской скобки - мелкозубчатый арочный (чешуйчатый) штамп в энеолитических керамических комплексах чужьяельской культуры Северного Приуралья (Стоколос, 1986, с.100), пернашорского типа Нижнего Приобья (Лашук, Хлобыстин, 1986, с.44, 45), памятников типа Амня IА Прикамыя (Стефанов, Морозов, 1992), волончинских поселений бассейна Конды (Кокшаров, 1991, с.93, 94).

Из числа известных в настоящее время культур гребенчато-ямочного массива приведенному набору декоративных и морфологических признаков (за исключением фигурной скобки) более всего соответствуют керамические комплексы одиновского типа. Такой вывод может показаться неожиданным, во-первых, потому что одиновскую культуру иногда воспринимают как культуру лесостепной полосы, а, во-вторых, одиновские древности имеют значительно более раннюю датировку - в пределах первой трети II тыс.до н.э. (Косарев, 1987, с.264; Молодин, 1985, с.34, 35) или первой половины II тыс.до н.э. (Крижевская, 1977, с.91, 92, 121). На самом деле поселения с керамикой одиновского типа распространены не только в ишимской лесостепи, но и в пограничных районах лесного Приишимья и Притоболья. Все наиболее выразительные комплексы этой культуры, в том числе эпонимный памятник, расположены именно в пограничной (южный лес - северная лесостепь) полосе: Одино, Серебрянка, Малышевское, Шапкуль I, Дуванское IV, V (Крижевская, 1977, с.83; Панфилов, 1993; Косарев, 1981, с.59-61; Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991, с.73, 74). В низовьях р.Тары, т.е. вблизи границы леса, расположен Окуневский могильник, в ряде погребений которого обнаружены сосуды, орнаментированные в одиновской манере (Полеводов, 1993, с.94).

В материалах ряда озерных поселений Тюменского Притоболья (участок X ЮАО, Ипкуль I, VIII, Шапкуль VI) М.Ф.Косарев выделил керамику гребенчато-ямочного облика, которая, по его мнению, является логическим продолжением одиновской, но характеризующей иной хронологический период (XVI-XIV или XV-XIII вв. до н.э.; Косарев, 1981, с.84-86; 1987, с.271, 272). Для обозначения гребенчато-ямочного комплекса этого времени он предложил термин “предсузгунский”, ибо в дальнейшем, с распространением на южной окраине западносибирской тайги культур андроновской эпохи “... гребенчато-ямочный комплекс здесь в чистом виде уже почти не встречается” (Косарев, 1987, с.271). По мнению И.Г.Глушкова и Т.Н.Глушковой, выделение предсузгунского этапа в развитии гребенчато-ямочной культуры носит в известной степени компромиссный характер, так как он представлен единичными фрагментами на некоторых “раннебронзовых” по облику памятниках, что, в свою очередь, не может “закрывать” хронологический разрыв в четыре столетия между одиновской и сузгунской культурами (Глушков, Глушкова, 1992, с.114). Как считает И.Г.Глушков, этот разрыв “закрывает” одиновская культура, верхнюю границу которой (верхнюю границу бытования одиновской, одиновско-крохалевской керамики) следует поднять по крайней мере до XIII в. до н.э. (Глушков, 1989, с.97; Глушков, Глушкова, 1992, с.113, 114). Одиновско-крохалевская керамика синхронна лесостепным кротовским памятникам и, отчасти, андронидным (черноозерским) (Глушков, Глушкова, 1992, с.114). К сожалению, сам И.Г.Глушков не уточняет, какие памятники и материалы одиновской культуры, предшествующие Сузгуну II и синхронные черноозерским древностям, он имеет в виду. Противопоставление лесостепных культур Прииртышья гребенчато-ямочным одиновским древностям второй трети II тыс.до н.э., вероятно, предполагает, что последние в основном приурочены к зоне лесов, и, что в такой же оппозиции по отношению к ним находились лесостепные культуры Приишимья и Притоболья.

Как нам кажется, точки зрения М.Ф.Косарева и И.Г.Глушкова не противоречат друг другу, по существу речь идет об одном и том же: гребенчато-ямочный компонент, вошедший в состав сузгунской культуры, имеет лесное происхождение (южно-таежное Тоболо-Иртышье) и может быть соотнесен с комплексами позднего одиновского (предсузгунский этап есть продолжение одиновской линии развития) типа.

В связи с проблемой генезиса сузгунской культуры оригинальную идею высказал В.Т.Галкин. По его мнению, “предсузгунский этап в Нижнем Притоболье характеризуется не только гребенчато-ямочной керамикой, но и своеобразной двух-

компонентной керамикой позднеташковского облика, т.е. гребенчато-ямочной и отступающе-накольчатой одновременно...” (Галкин, 1991б, с.15, 16). Основываясь исключительно на частном мнении В.Т.Ковалевой о возможном вытеснении андроновцами ташковского населения с его исконных земель, т.е. из районов Тюменского Притоболья (Ковалева, 1988, с.45), он предположил, “что тогда же часть ташковцев оказалась в Нижнем Притоболье, где сосуществовала с аборигенным населением, и они позднее стали той культурой, а может быть, и этнической основой, на базе которой происходило сложение сузгунской культуры” (Галкин, 1991б, с.16). К сожалению, автор не аргументирует свою гипотезу. Судя по другим работам, он имеет в виду поселения Чеганово I и Новый Тап I, которые “относятся к XIV-XIII вв. до н.э., времени сложения сузгунской культуры, и содержат в керамике ряд черт предшествующих культур, андроновской и позднеташковской” (Галкин, 1991а, с.93), а также поселение Юргаркуль III, в материалах которого выделен ташковско-одиновский комплекс керамики (Косарев, Галкин, 1993, с.54, 55). Но и в этих публикациях характеристика ранних, предшествующих Сузгуну II, комплексов отсутствует. Наконец, в одной из последних статей В.Т.Галкина читаем: “... настаивая на двухкомпонентности гребенчато-ямочной керамики, признаем, однако, что использованный нами термин “позднеташковский” - неудачен” (Галкин, 1993, с.14). Так и не выяснив, в чем заключается двухкомпонентность гребенчато-ямочной керамики (Нижнего Притоболья ?) и на основании каких источников могла возникнуть (а позднее - быть отвергнута ?) идея о возможном участии ташковского населения в сложении сузгунской культуры, заметим, что сопоставление гребенчато-ямочного субстрата сузгунской культуры с ташковскими комплексами представляется нам перспективной исследовательской задачей.

К такой мысли подводит присутствие безусловно лесных черт в декоре ташковской керамики (использование круглых и семечковидных ямочных вдавлений в качестве разделительных элементов), единство принципов орнаментации, морфологическое сходство крупных ташковских сосудов (горшки и банки высоких, удлиненных пропорций, широкая горловина, небольшое дно) с аналогичными по размерам экземплярами гребенчато-ямочных и сузгунского (1-я группа) керамических комплексов, наличие в составе ташковской посуды сосудов вполне одиновского облика и предполагаемое соседство ташковской и гребенчато-ямочной культуры одиновского облика на территории Нижнего Притоболья (Ковалева, 1988, с.46; Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991, с.74).

Таким образом, в настоящее время гипотеза М.Ф.Косарева - И.Г.Глушкова о субстратном компоненте сузгунской культуры остается наиболее предпочтительной, однако для ее подтверждения необходимы качественные источники из районов южно-таежного Тоболо-Иртышья, относящиеся к третьей четверти II тыс. до н.э. Нужны достоверные данные о местной подоснове сузгунской культуры, которую исследователи склонны соотносить с гребенчато-ямочной культурой позднего одиновского (предсузгунского, лесного одиновского) типа, о возможных связях и контактах ее с культурами сопредельных районов.

Мы допускаем, что реальный облик предсузгунских керамических материалов может отличаться от их прогнозируемой характеристики. Дело в том, что интересующий нас период в ряде районов лесной зоны отмечен появлением керамики, которую лишь условно можно назвать гребенчато-ямочной. Таковы, например, керамические комплексы варпаульского типа бассейна р.Конды (конец третьей - начало последней четверти II тыс. до н.э.; Кокшаров, 1991, с.98) и комплексы типа Сайгатино IV Сургутского Приобья (памятники второй группы, 3-я четверть II тыс. до н.э.; Чемякин, 1994, с.12; Кокшаров, Чемякин, 1991). Посуду указанных типов отличают однообразные узоры, выполненные почти исключительно в технике печатной гребенки, для нее совершенно не характерны ямочные вдавления на тулове и в придонной части; поясок из ямок или жемчужин встречается только в зоне под венчиком. Ямочные вдавления составляют незначительную долю в орнаменте керамики степановского типа лесного Прииртышья (вторая четверть - середина II тыс. до н.э.), обычно они расположены под венчиком, а на тулове встречаются в единичных случаях (Глушков, Петров, 1984; Петров, 1987, с.13-16). На посуде степановского этапа бронзового века Васюганья (первая четверть - начало второй половины II тыс. до н.э.) ямки расположены преимущественно в зоне под венчиком (Кирюшин, Малолетко, 1979, с.68-70, 87-91). Ямки не характерны для керамических комплексов типа Товгор-лор 3 Прикаzymья (вторая треть II тыс. до н.э.; раскопки археологов Уральского университета, материалы не опубликованы).

Наконец, М.Ф.Косарев, характеризуя керамику предсузгунского этапа Тюменского Притоболья, отмечал, что вместо гребенчатого штампа иногда употреблялись каплевидные насечки (Косарев, 1981, с.86), а по наблюдениям екатеринбургских археологов ямочные пояса на тулове не являются обязательным признаком посуды лесного одиновского облика (Корочкова, Стефанова, Стефанова, 1991, с.74).

Приведенных примеров достаточно для иллюстрации нашей мысли: деление орнаментального поля рядами ямочных вдавле-

ний, как один из основных признаков гребенчато-ямочной керамики, для посуды предсузгунского этапа лесного Тоболо-Иртышья может оказаться не обязательным. Присутствуя в верхней части стенков, ямки могут отсутствовать на тулове и в придонной части сосудов. Разумеется, и это предположение нуждается в проверке.

Нельзя не обратить внимание на то, что керамика, подобная одиновской предсузгунского периода, на ряде памятников встречается с литейными формами, металлическими изделиями и другим инвентарем сейминско-турбинского и самусьско-кижировского типов (Кокшаров, 1991, с.96, рис.2, с.98). Как считают Е.Н.Черных и С.В.Кузьминых, с XIV-XIII вв. до н.э. основным регионом самусьско-кижировского металлопроизводства была лесная полоса Западной Сибири (Черных, Кузьминых, 1989, с.146). Логично предположить, что аборигены таежного Тоболо-Иртышья еще до начала проникновения южных групп населения владели довольно совершенными приемами обработки цветного металла и по этому признаку, по-крайней мере, не уступали культуре мигрантов.

О значении и роли андроновской культурно-исторической общности (АКИО) в сложении сузгунской и других андроновидных культур сказано много. Перед исследователями сейчас не стоит задача доказать наличие южного по происхождению компонента в сузгунском культурном комплексе - он очевиден не в меньшей степени, чем гребенчато-ямочный. Почти нет сомнений в том, что этот южный компонент в своей основе связан с лесостепными-степными культурами андроновско-андроноидного круга. Можно считать установленным факт наличия взаимосвязей между сузгунской культурой и другой южной культурой - ирменской, в генезисе которой существенную роль сыграл андроновский субстрат. Идея о южном происхождении многих элементов сузгунской культуры получила обоснование в работах В.Н.Чернецова (1953), В.И.Мошинской (1957), М.Ф.Косарева (1981, 1984, 1987), В.И.Матющенко (1974) и др.

Сходясь во мнении, что в позднем бронзовом веке имело место проникновение андроновских племен в лесное Тоболо-Иртышье, исследователи по-разному определяют их конкретную археологическую принадлежность. В.И.Мошинская была склонна идентифицировать андроновские элементы в сузгуне с алакульской культурой (1957, с.134). По мнению Л.П.Хлобыстина (1976, с.63), андроновидная сузгунская культура возникла в результате контакта смешанного объединения федоровско-алакульских мигрантов с прасамодийскими племенами Тобольского Прииртышья. Более обстоятельной представляется точка зрения М.Ф.Косарева, согласно которой в сложении сузгунской культуры приняли участие

носители андроновской федоровской декоративной традиции (Косарев, 1984, с.134; 1993, с.99). Как полагает М.Ф.Косарев, “андроноидный облик еловской (и сузгунской) культуры оформляется ... с началом карасукских проникновений, когда часть андроновского населения (видимо, уже в значительной мере трансформированного карасукскими воздействиями) продвигается из лесостепного Обь-Иртышья на юг таежной зоны. На этом этапе, отмеченном распространением в таежном Обь-Иртышье нарядной посуды с богатой геометрической орнаментацией (Сузгун II, Чудская Гора, Малгет, Десятово и др.), сузгунская и еловская культуры, вероятно, синхронны раннему этапу ирменской культуры, которая относится, по М.П.Грязнову, к кругу культур карасукского типа. Находки в культурном слое Чудской горы нескольких круглодонных сосудов с карасукско-ирменским орнаментом подтверждают это предположение” (Косарев, 1987, с.287).

Открытие екатеринбургскими археологами в предтаежной полосе Тоболо-Иртышья комплексов так называемого пахомовского типа (Корочкова, 1987; Евдокимов, Корочкова, 1991; Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991; Генинг, Стефанов, 1991) позволило по иному взглянуть на генезис сузгунской культуры. В результате сравнительного анализа материалов пахомовских памятников получены выводы, имеющие непосредственное отношение к проблемам сузгуна.

Прежде всего, ни массового, ни сколько-нибудь значительного продвижения андроновских племен в глубь лесной зоны, по-видимому, не было. Никаких следов проникновения в южно-таежное Тоболо-Иртышье алакульских, федоровских или смешанных алакульско-федоровских комплексов до сих пор не зафиксировано. Более того, нет убедительных свидетельств миграции в северные районы населения, оставившего памятники типа поселений Черемуховый Куст или Дуванское XVII в Тюменском Притоболье, Лариха I в Нижнем Приишимье или черноозерского типа в лесостепном Прииртышье (Корочкова, Стефанов, 1983; Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991, с.76-81; Генинг, Стефанов, 1993). Последние, по мнению ряда археологов, являются памятниками андроноидной общности (Кузьмина, 1994, с.250; Черных, Агапов, Кузьминых, 1990, с.37). М.Ф.Косарев, включая черноозерско-томские памятники в андроновскую общность, далек от мысли считать их принадлежащими андроновской культуре - ни в федоровском, ни в алакульском, ни в иных ее “вариантах” и “этапах” (Косарев, 1981, с.129). В.Ф.Генинг и В.И.Стефанов характеризуют черноозерские памятники как андроноидные первого порядка, но относят их все же к андроновской общности на том основании, что “один из компонентов это-

го культурного образования имеет, безусловно, андроновское (федоровское с элементами алакульского) происхождение” (Генинг, Стефанов, 1993, с.85, 86). И.Г.Глушков характеризует их как памятники “варваризированного андрона” (Глушков, 1989, с.97). Северная граница локальных образований андроновско-андроноидного облика и, соответственно, северная граница расселения андроновских племен в основном совпадает с современной границей лесной и лесостепной зон. Отдельные исключения (проникновение мелких групп по речным долинам), если и были, не могли коренным образом повлиять на ход культурогенетических процессов в лесной зоне. К аналогичному выводу пришли В.И.Матющенко и А.В.Полеводов, отмечавшие, что андроновские пришельцы не проникали в таежное правобережное Прииртышье (Матющенко, Полеводов, 1994, с.72).

Есть и другие обстоятельства, которые необходимо учитывать при рассмотрении вопросов происхождения сузгунской культуры. Имеющиеся данные позволяют считать, что сложение последней происходило не ранее XIII в. до н.э. В это время на исходной андроновской территории, т.е. в степи и южной лесостепи, ни федоровская, ни, тем более, алакульская культура уже не существовали. Начиная с XIII в. до н.э. (а по мнению некоторых исследователей, даже с XIV в. до н.э.) здесь развивается одна из культур общности КВК - алексеевско-саргаринская (Черных, Агапов, Кузьминых, 1990, с.34, 36; Черных, 1983, с.95; Кузьминых, 1994, с.125). В отличие от федоровской и алакульской культур, население алексеевско-саргаринской культуры в своих связях крайне мало ориентировано на север. Достаточно вспомнить, что в лесостепной полосе, прилегающей к зоне лесов, открыто несколько десятков памятников с керамикой андроновского (алакульского, федоровского, смешанного) или андроиного типов и ни одного - с валиковой посудой алексеевского облика. Исключение - поселение Большой Лог, но оно расположено южнее, к тому же это значительно более поздний памятник (Генинг, Стефанов, 1993). Случаи нахождения керамики алексеевского типа - в виде инокультурной примеси в составе местных позднебронзовых комплексов - в предтаежной и таежной зоне также единичны (Чудская гора, поселение Ир II; см.: Косинская, 1984). Наконец, нельзя не признать существенным различие керамических комплексов, типов хозяйства, традиций домостроительства алексеевско-саргаринской и андроиных пахомовской и сузгунской культур. Из сказанного вытекает, что степное-южнолесостепное позднеандоновское население не принимало активного участия в сложении сузгунской культуры.

Таким образом, сузгунская культура не могла сформироваться в результате непосредственного воздействия пришлых андронов-

ских племен и аборигенного населения одиновской культуры в ее лесном варианте. На наш взгляд, южный компонент в составе сузгунской культуры следует соотносить с андронеидными комплексами пахомовского типа предтаежного Тоболо-Иртышья. Замечим, что продвижение отдельных коллективов из этой пограничной полосы в глубь лесной зоны выглядит более логичным нежели миграции андроновцев из степных и южно-лесостепных областей. Подтверждением нашей гипотезы являются безупречные параллели в керамических материалах пахомовской и сузгунской культур, а также сходство орудийных комплексов, строительных традиций, деталей интерьера построек, погребального обряда, уровня и тенденций хозяйственного развития.

Набор признаков, характеризующих андронеидный орнаментальный комплекс сузгунской культуры, почти в полном объеме находит соответствие в керамике пахомовского типа. При этом, однако, далеко не все особенности пахомовской посуды стали в такой же мере присущи сузгунской керамике. Например, в сузгунских керамических коллекциях отсутствуют горшки с поддонами и сосуды, украшенные каннелюрами, геометрическими узорами из косых треугольников и сложных меандровых фигур, нанесенных мелким зубчатым штампом. Такая посуда, сопоставимая с классическими андроновскими (федоровскими) образцами, отнюдь не является массовой и на пахомовских памятниках, но именно она наиболее ярко демонстрирует генетическую связь пахомовской и андроновской культур. В данном случае под андроновской мы имеем в виду культуру (культуры?), представленную в лесостепной полосе поселениями Черноозерье I, Лариха I, Дуванское XVII, Черемуховый Куст и др. Как отмечалось выше, в отношении этого культурного образования, сложившегося на северной окраине ареала АКИО, у исследователей нет единого мнения. По-видимому, нет необходимости в детальной археологической характеристике материалов северолесостепных памятников андроновского горизонта; в контексте данной работы их культурная идентификация не имеет решающего значения. Ограничимся замечаниями, имеющими отношение к проблеме происхождения комплексов пахомовского типа.

Для понимания генезиса пахомовских древностей наиболее существенными, на наш взгляд, являются следующие эпизоды андроновского периода.

Во-первых, прилегающие к таежной зоне лесостепные пространства были освоены андроновским населением достаточно поздно, в промежутке между XV и XIII вв. до н.э. Расселение андроновских коллективов на этой территории происходило не одновременно и не по одинаковой схеме (Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991). Самые ранние следы андроновской миграции

отмечены в Тюменском Притоболье, по керамике и прочему инвентарю они надежно связываются с алакульскими племенами. На севере Ишимской равнины и на Иртыше к северу от Омска алакульских памятников нет. Эти районы подверглись андроновской колонизации несколько позже. В качестве суперстрата здесь выступает федоровская культура, но в ней почти обязательно присутствуют отдельные алакульские или смешанные алакульско-федоровские элементы (например, керамика амангельдинского типа в материалах поселений Черноозерье I, Сибирская Саргатка I, Лариха I, Омской стоянки и др.; см.: Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991, с.79, 80; Генинг, Стефанов, 1993, с.82). Комплексы, близкие черноозерским, зафиксированы и в Притоболье (Черемуховый Куст; см.: Зах, 1987).

Во-вторых, освоение андроновцами северных территорий не сопровождалось полным вытеснением местного населения. Субстратный компонент в сильно трансформированном виде вошел в состав своеобразных культурных образований, сформировавшихся на периферии андроновского мира (северные варианты андроновской культурной общности).

Из сказанного следует, что “верхний слой” андроновского горизонта (в культурно-хронологической стратиграфии бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья он предшествует пахомовскому) неоднороден. В нем можно выделить, как минимум, два взаимосвязанных компонента, один из которых восходит к культурам аборигенного населения (котовская, одиновская, ташковская), а другой, безусловно, связан с кругом андроновских культур. При очевидном доминировании федоровских культурных традиций - накануне пахомовского этапа - в составе суперстратного компонента сохранились отдельные элементы алакульской культуры.

Такой по нашим представлениям, была исходная база, на которой происходило формирование древностей пахомовского типа. Если говорить об условиях, в которых протекал этот процесс, то важнейшим из них было ослабление связей между населением предтаежной зоны и степными пастушескими племенами. С переходом последних к полукочевому хозяйству переориентация культурных и миграционных связей для обеих сторон приобрела неизбежный характер. Ограниченные возможности северных областей для экстенсивного скотоводства, требующего постоянного расширения пастбищных угодий, предопределили сначала широтное, а затем южное направление андроновских миграций (Кузьмина, 1994, с.210). В этой ситуации население предтаежной полосы активизирует широтные связи и устанавливает контакты с племенами таежных охотников и рыболовов. В составе керамических материалов отдельных пахомовских поселений появляются

ся черкаскульские сосуды с тальковой примесью (поселение Ново-Шадрино VII) либо горшки с характерными элементами черкаскульского декора (желобки вдоль полос меандра на сосудах поселения Инберень IV; см.: Корякова, Стефанов, 1981, с.183, рис.3), а также посуда, орнаментированная в гребенчато-ямочной манере. Мы не стали бы преувеличивать роль черкаскульского влияния на пахомовскую культуру, но присутствие в ней гребенчато-ямочного компонента отметим особо. По-видимому, именно северные культурные связи и взаимопроникновения явились причиной тех структурных изменений в хозяйстве пахомовского населения, о которых говорилось выше (увеличение роли охоты и рыболовства). Отношения с южными народами не прерывались (что доказывают материалы поселений Ир II, Жар-Агач и др.; см.: Косинская, 1984; Сотникова, 1986; Генинг, Стефанов, 1986; 1993, с.107, 108). Складывается впечатление, что более инициативной стороной в них выступали как раз андроновидные предтаежные коллективы. Остается неясным характер взаимоотношений пахомовского населения со своими восточными соседями, но то, что лесостепные приобские комплексы ордынского типа близки пахомовским и вместе с ними относятся к одному культурно-хронологическому пласту (Матвеев, 1993, с.97-101; Корочкова, 1987, с.13-14), у нас не вызывает сомнения. Интересно, что в пахомовских комплексах изредка встречаются небольшие приземистые горшки с округлым дном, неорнаментированной шейкой, скромно украшенные желобками в переходной зоне от шейки к тулову, узким сетчатым пояском или ленточным зигзагом на плечиках (Евдокимов, Корочкова, 1991, с.59, 60), вполне сопоставимые с одной из групп столовой посуды быстровского типа, которая, в свою очередь, типологически близка керамике карасукской культуры (Матвеев, 1993, с.105, 106). Тем не менее, ввиду малочисленности источников послеандроновского (ордынского) периода и неразработанности сюжета о взаимодействии с племенами лесостепного Приобья, мы оставляем открытым вопрос о значении восточных связей для пахомовской культуры предтаежного Тоболо-Иртышья.

Таким образом, южный компонент сузгунского культурного комплекса, соотносимый нами с тоболо-иртышскими пахомовскими древностями, также не отличается однородностью. Наиболее отчетливо в нем просматриваются трансформированные андроновские культурные традиции, связанные, в первую очередь, с федоровской АК. Признаки алакульской культуры угадываются в керамическом материале (неорнаментированная полоса в основании шейки горшков алакульского или смешанного алакульско-федоровского типов трансформируется в лошеную дорожку на сосудах пахомовских памятников) и, может быть, среди элемен-

тов интерьера пахомовских жилищ (колодцы на поселении Пахомовская Пристань I, каменные и сложенные из глиняных кирпичиков очаги; впрочем, и колодцы, и упомянутые очаги могли иметь федоровское происхождение). Присутствие в декоре пахомовской керамики поясков ямок (преимущественно в нижней части шейки) или глубоких каплевидных вдавлений, разделяющих орнаментальное поле на зоны, изредка встречающиеся фигурные штампы в виде скобки, сплошная орнаментация - эти и другие особенности позволяют утверждать, что в среду андронидного населения тоболо-иртышской северной лесостепи влились группы лесных аборигенов. Вероятно, это были носители одиновской культуры гребенчато-ямочного массива. По-видимому, какую-то роль в оформлении пахомовских культурных комплексов (по-крайней мере, в районах Притоболья) сыграли черкаскульские племена. Кроме того, нельзя недооценивать степень возможного воздействия на пахомовский массив со стороны южных (алексеевско-саргаринская АК) и восточных (ордынские и быстровские памятники) соседей.

Роль пахомовской культуры в сложении сузгунских древностей очень велика. Именно она придала новому культурному образованию специфический андронидный колорит, именно с ней связаны глубочайшие изменения в материальной и духовной культуре племен южно-таежного Тоболо-Иртышья. Преобразовав в своей среде многие достижения, навыки, традиции, идеологические представления племен андроновской культурно-исторической общности, она внедрила их затем в лесную зону. После этого трансляцию андроновских стереотипов, в еще более трансформированном виде, осуществляли носители сузгунской культуры. Исходя из того, что преемственность андроновской (в ее северных вариантах), андронидной пахомовской и андронидной сузгунской культур устанавливаются не по отдельным элементам или категориям вещей, а по комплексу взаимосвязанных признаков, в том числе специфических (в хозяйстве, планировке поселений, интерьере жилищ, погребальном обряде, культовой деятельности, керамике⁴ и прочем инвентаре), мы считаем невозможным формирование сузгунской культуры без прямого проникновения пахомовских коллективов в южно-таежное Тоболо-Иртышье и непосредственного взаимодействия их с аборигенным населением. Говоря иначе, сложение сузгунской культуры есть результат сложных интеграционно-ассимиляционных процессов взаимодействия субстратной одиновской и суперстратной пахомовской культур. К сожалению, мы не располагаем необходимыми данными, проливающими свет на причины, темпы и характер миграции лесостепных андронидных групп, но полагаем, что она была постепенной, поэтапной и не сопровождалась

военными столкновениями. Инфильтрация пахомовских групп осуществлялась по речным долинам Тобола, Вагая, Ишима и Иртыша, может быть, более интенсивно по Тоболу и Вагаю. О том, что миграция не носила характер экспансии, косвенным образом свидетельствуют надежно фиксируемые контакты пахомовского и одиновского населения еще в лесостепной зоне, а также нечеткость, “размытость” границы между пахомовской и сузгунской территориями (они как-будто образуют единое культурное пространство). Последний аргумент представляется нам важным потому, что мы допускаем синхронность какой-то части пахомовских и раннесузгунских комплексов.

К сказанному о перемещениях пахомовских групп можно добавить, что происходили они не только в северном, но, по-видимому, и в южном направлении (поселение Жар-Агач в степном Прииртышье; см.: Сотникова, 1986). Наконец, завершая короткий сюжет о роли пахомовской культуры, хотелось бы подчеркнуть, что она не сводилась только к трансляции (тем более, только к миграционной трансляции) андроновских традиций в лесные области. На основе андроновидного субстрата в последующий период в лесостепи формируются культуры заключительного этапа эпохи бронзы - бархатовская, среднеиртышская ирменская, типа поселения Чупино на Ишиме.

Облик сузгунской культуры на раннем этапе ее развития остается для нас неясным, однако вряд ли мы ошибемся, допустив, что раннесузгунские керамические комплексы в большей мере соответствуют керамике нижних горизонтов Сузгуна II и Чудской Горы, нежели посуде из верхних горизонтов этих памятников. К начальному периоду сузгунской культуры В.Т.Галкин относит поселения Чеганово I и Новый Тап I (Галкин, 1991a, с. 93), но материалы этих памятников не опубликованы.

Окончательное оформление сузгунской культуры происходит с появлением в ней характерных признаков западносибирских культур заключительного периода бронзового века. Несмотря на отсутствие специальных исследований системы внешних связей сузгунской культуры и особенностей культурных трансляций (способ “транспортировки”, масштаб, содержание и т.д.; см.: Савинов, 1994, с.3-7), можно утверждать, что для населения южно-таежного Тобола-Иртышья приоритетное значение имели контакты с ирменскими коллективами. Реально воздействие ирменской культуры на сузгунскую могло осуществляться только из районов лесостепного Прииртышья, где исследовано несколько ирменских поселений (Черноозерье VIII, Розановское, Сибирская Саргатка I и др.) и Калачевский II могильник. Керамика ирменского облика найдена на многих других памятниках, в том числе в непосредственной близости от границы лесной зоны (Татарский увал у

д.Окунево, Красноозерское поселение; см.: Матющенко, 1974, с.152-154; Матющенко, Полеводов, 1994, с.71, 72, рис.51, 52; Матющенко, Чиндина, 1976, с.273).

Екатеринбургские и омские археологи выделяют на Иртыше розановский или среднеиртышский локальный вариант ирменской культуры, датируемый в пределах X(XI)-VIII вв. до н.э. (Генинг, Гусенцова, Кондратьев, Стефанов, Трофименко, 1970; Стефанов, Труфанов, 1988; Труфанов, 1990; Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991, с.87-89). Саргаринско-ирменское поселение Большой Лог относится к IX-VIII вв. до н.э. (Генинг, Стефанов, 1993, с.106). По мнению Н.Л.Членовой, поселения Большой Лог и Черноозерье VIII являются “переходными” ирменско-большереченскими памятниками VIII-VII вв. до н.э. или даже VII в. до н.э. (Членова, 1994, с.70, 72). Ранее поселение Черноозерье VIII она относила к розановскому варианту ирменской культуры (Членова, 1981, с.26, 27).

Несмотря на столь существенную разницу в датировке среднеиртышских ирменских комплексов, исследователи единодушны в оценке их состава как чрезвычайно сложного, включающего среди прочих и сузгунский компонент. В существовании контактов между сузгунскими и ирменскими (розановскими) коллективами сейчас никто не сомневается. Подобная уверенность основывается на многочисленных фактах нахождения сузгунской или сузгуноидной посуды на ирменских поселениях (и в могильнике Калачевка-II; см.: Труфанов, 1991, с.73, 77) и, наоборот, керамики ирменского облика или с ирменскими чертами в сузгунских комплексах. С влиянием ирменской культуры можно связывать появление в сузгунских керамических материалах сосудов узкогорлых форм, круглодонных горшков с лощеной поверхностью черного цвета, характерных узоров из заштрихованных ромбов, воротничков на шейке, зашипов, жемчужин (их, в свою очередь, можно рассматривать и как реминисценцию доандроновской орнаментальной традиции), относительное упрощение орнамента и, может быть, более четкую дифференциацию посуды на кухонную, бытовую и столовую. Заметим, что во многих случаях ирменские элементы органично вписаны в сузгунские орнаментальные композиции.

Выше говорилось о сходстве некоторых элементов погребального обряда сузгунской и ирменской культур, но этот аргумент не является решающим по причине малочисленности исследованных сузгунских захоронений. Напомним, в свое время сосуды из Потчевашского II могильника сравнивались с посудой из карасукского могильника у Болота близ улуса Орак (Стефанов, 1979). Прямые сузгунско-карасукские связи сейчас не кажутся очевидными, но поразительное сходство некоторых образцов сузгунской

и карасукской посуды от этого не становится менее заметным и потому нуждается в объяснении. Абсолютные соответствия в материалах пахомовских и сузгунских памятников имеет сосуд из погребения 4 могильника Окунев улус (Членова, 1972, табл. 14,2), имеющий под неорнаментированной шейкой диагностирующей пахомовско-сузгунский мотив - поясок из нескольких желобчатых линий, покрытых оттисками угла плоской щепки. Н.Л.Членова отмечает андронидные элементы на карасукских сосудах могильников Карасук I, Малые Копены III, Сухое озеро II, Окунев улус, Орак на болоте, и высказывает предположение, "что в большинстве случаев андроновские элементы попали на карасукские сосуды из ирменской культуры, вместе с ирменскими элементами. Но в ряде случаев андроновские орнаменты карасукская культура могла воспринять и непосредственно из андроновской культуры ..." (Членова, 1972, с.60). Относительно происхождения андроновских черт в карасукской культуре имеются и другие мнения (Грязнов, 1956; Комарова, 1975, с.92-94; Новгородова, 1970, с.171-176; Максименков, 1975; Хлобыстина, 1970).

Принимая во внимание даты карасукской и ирменской культур (по Н.Л.Членовой - XIII-VIII вв. до н.э. и IX-VII вв. до н.э. соответственно; см.: Членова, 1970, 1972; 1994, с.22).), вероятно, не стоит полностью исключать возможность распространения карасукских культурных традиций за пределы Минусинской котловины, в том числе в лесостепные районы Приобья и Прииртышья, в период до формирования ирменской культуры. Впоследствии проникновение элементов андронидных культур в карасукскую среду, и наоборот, могло осуществляться как через ирменскую культуру, так и непосредственно из нее, поскольку и на Оби, и на Иртыше ирменские древности формировались на андронидной (пахомовско-ордынской) основе. В Томском Приобье ирменскому воздействию подверглось население андронидной еловской культуры. В Алтайском Приобье ирменские мигранты взаимодействовали с населением корчажкинской культуры, наследовавшей традиции андроновской, елунинской и гребенчато-ямочной культур (Кирюшин, Шамшин, 1987; Шамшин, 1988; Удодов, 1991, с.88). М.Ф.Косарев включает корчажкинскую культуру в андронидный этнокультурный массив (Косарев, 1993, с.99, 101, 102).

Активному общению населения сузгунской и ирменской культур способствовали такие факторы, как близость территорий, сходство основных черт хозяйственного уклада и, самое главное, наличие общего этнического компонента в составе обоих культурных образований. При этом сузгунское общество демонстрирует открытость для разного рода новаций, но воспринимает их без значительного ущерба для своей самобытности (в этом смыс-

ле чрезвычайно показательно, что на всех стадиях существования культуры сузгунская керамика сохраняет андроновидный колорит). Появление новых оттенков в облике поздних материалов Чудской Горы и Сузгуна II свидетельствует об интенсивности сузгунско-ирменских культурно-хозяйственных связей, однако, влияние ирменской культуры не привело к кардинальному преобразованию сузгунской культуры. Этого и не могло произойти потому, что ирменское влияние не сопровождалось массовым проникновением лесостепных коллективов в лесную зону, а, во-вторых, само ирменское общество постоянно испытывало воздействие со стороны северных соседей, которое, по-видимому, усиливалось по мере ухудшения ландшафтно-климатических условий в глубинных областях западносибирской тайги (Львов, 1979; Косарев, 1976, с.14; 1984, с.42; 1987, с.292).

О лесных влияниях на ирменскую культуру, о многочисленных проявлениях сузгунской орнаментальной традиции в керамике розановских памятников Среднего Прииртышья говорилось неоднократно многими исследователями (Членова, 1955; 1981, с.27; 1994, с.86, 89, 90; Генинг, Гусенцова, Кондратьев и др., 1970, с.44; Косарев, 1981, с.181; 1987, с.295; Стефанов, Труфанов, 1988, с.84-86; Труфанов, 1990, с.13). Членова рассматривает сузгунскую и ирменскую культуры в рамках карасукского круга культур (Членова, 1981, с.36). Мы не будем повторять уже известные факты, но обратим внимание на одно очень важное обстоятельство, которое необходимо учитывать при анализе среднеиртышских керамических комплексов: наряду с элементами явно сузгунского происхождения в них содержатся, пусть и в трансформированном виде, элементы андроновидного пахомовского компонента, на базе которого формировался розановский вариант ирменской культуры (и при участии которого формировалась сузгунская культура Тоболо-Иртышья!). При том, что керамика пахомовского и сузгунского типов различалась, на доирменской стадии, лишь по степени “андроноидности” (первая – более андроновидная, чем вторая) и по удельному весу “лесных” признаков, восходящих к гребенчато-ямочной субстратной основе сузгуна (пахомовская керамика по своему облику менее лесная), выделение достоверных сузгунских включений в ирменских материалах и обоснование идеи о сузгунских проникновениях в ирменскую среду представляется чрезвычайно трудной задачей.

Свидетельства связей с бархатовской культурой Тюменского Притоболья (Стефанов, Корочкова, 1984; Корочкова, 1987, с.20-25; Корочкова, Стефанов, 1991; Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991, с.85-87; Матвеев, Бурлина, 1990; Матвеев, 1991; Матвеев, Матвеева, Панфилов и др., 1995, с.173-176) в материалах сузгунских памятниках немногочисленны; в основном это

сосуды, орнаментированные в характерной для бархатовского декоративного комплекса манере, или в орнаментации которых использованы типичные для бархатовской керамики элементы - однорядный или многорядный зигзаг на шейке и плечиках, поясok клиновидных или семечковидных глубоких вдавлений на шейке и др. (рис 22,3; см. также: Галкин, 1991a, с.89, рис.2.5). В целом, бархатовская культура не оказала заметного воздействия на сузгунскую; ее влияние носило локальный характер и более всего проявилось в Нижнем Притоболье, где как-будто имеются, судя по разведочным данным, памятники с керамикой смешанного сузгунско-бархатовского облика. Гораздо больше оснований говорить о существенности сузгунского влияния на бархатовскую культуру: практически на всех исследованных бархатовских памятниках присутствует керамика сузгунского облика (именно сузгунского, а не производная от пахомовских стандартов, которая также присутствует во всех бархатовских комплексах).

В вопросе о взаимоотношениях сузгунских коллективов Тоболо-Иртышья и населения лесостепного Приишимья много неясного. Как справедливо отмечают некоторые археологи, положение комплексов типа Чупино и Кучум-Гора (Генинг, Совцова, 1967, с.62-65; Голдина, 1969) в системе западносибирских культур конца бронзового века до сих пор остается неопределенным. Их относили к культуре чупинского типа (Генинг, Гусенцова, Кондратьев и др., 1970, с.42, 43), включали в ареал межовской культуры (Косарев, 1981, с.163, 167; Обыденнов, 1981, с.12), рассматривали как памятники карасукоидной черкаскульской культуры (Членова, 1981). О.Н.Корочкова и В.И.Стефанов считают возможным отнести их к кругу памятников андроновидной сузгунской культуры на поздней стадии ее развития (Корочкова, 1987, с.24, 25; Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991, с.88, 89), а тюменские археологи предлагают включить их в состав бархатовской культуры на правах локального (приишимского или чупинского) варианта (Матвеев, Бурлина, 1990, с.112; Матвеев, Матвеева, Панфилов и др., 1995, с.173, 174). Все исследователи отмечают в культуре типа Чупино и Кучум-Гора ирменские и сузгунские элементы (компоненты), на Кучум-Горе, кроме того, выделяется небольшой комплекс керамики с крестовой орнаментацией карьвовского (= красноозерского) типа.

Мы не будем подробно анализировать проблему культурной принадлежности ишимских памятников - это тема специального исследования. Ограничимся тем, что обозначим нашу позицию по некоторым ее аспектам.

Прежде всего, скудость имеющихся источников делает актуальным повторный и, по возможности, всесторонний анализ материальных остатков Чупинского поселения (позднебронзовый

комплекс не опубликован) и Кучум-Горы, а также исследованных на Ишине памятников красноозерской культуры (поселение Старо-Масляное, Боровлянка 2, городище Ефимова и др.; см.: Генинг, Евдокимов, 1969б; Панфилов, Зах Е.М., Зах В.А., 1991, с.41-47; Матвеев, Горелов, 1993), поскольку чупинский компонент в той или иной форме должен в них присутствовать. Попутно заметим, что на Кучум-Горе, возможно, не было стационарного поселения. На вскрытой площади 271 кв.м к эпохе бронзы отнесены остатки всего одной постройки, имевшей котлован размером 2,8х2,1 м (менее 6 кв.м), в центре которого находилась большая яма (Голдина, 1969, с.153, табл.71,1). С ранним комплексом Кучум-Горы бесспорно связана глиняная антропоморфная фигурка (Голдина, 1969, с.155, табл.77,1), ошибочно отнесенная к позднему средневековью. Не исключено, что Кучум-Гора также является культовым памятником.

Мы придерживаемся точки зрения, что комплексы Чупино и Кучум-Горы генетически связаны с древностями антропоидного пахомовского типа (поселение Пахомовская Пристань I, Клепиковское, Ир II, ранние захоронения Лихачевского могильника и др.). Определяя специфику приишимских памятников, необходимо учитывать их пограничное положение на стыке ареалов бархатовской, сузгунской, ирменской и алексеевско-саргаринской культур. Взаимодействие различных, но в основе своей - родственных, культурных традиций предопределило смешанный характер керамических комплексов чупинского типа и сходство их с керамикой лесостепных культур (Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991, с.88,89). Вместе с тем, представляется очевидным, что на фоне других культур лесостепного Тоболо-Иртышья приишимские керамические материалы имеют наиболее сузгуноидный облик, что, в свою очередь, является неоспоримым свидетельством тесных и глубоких связей носителей культуры типа Чупино с населением лесной зоны. Мы полагаем, уже сейчас есть основания рассматривать Чупинское поселение и Кучум-Гору в качестве памятников приишимского локального варианта сузгунской культуры.

Говоря о южных направлениях внешних связей сузгунской культуры, нельзя не упомянуть черкаскульскую, межовскую, алексеевско-саргаринскую и бегазы-дандыбаевскую культуру.

У некоторых уральских и сибирских археологов сложилось устойчивое представление о существовании прямых связей между населением черкаскульской и сузгунской культур. Например, А.Ф.Шорин предполагает тесные контакты и "влияние кокшаровских групп черкаскульцев и межовцев на сузгунское население" (Шорин, 1988, с.21,22). Связи черкаскульской культуры с сузгунской и еловской кажутся очевидными М.Ф.Обыденному

(Обыденнов, 1991, с.87). В.Т.Галкин намечает западную границу сузгунского ареала по р.Тобол, "... где соседями сузгунцев были черкаскульцы" (Галкин, 1991б, с.17). Перечень похожих точек зрения можно было бы продолжить. Должны признаться, что у нас нет единого мнения относительно природы черкаскульской культуры и ее роли в процессах культурогенеза на Урале и в Западной Сибири в позднем бронзовом веке. Т.М.Потемкина исходит из того, что федоровское и черкаскульское население оказало значительное влияние на формирование сузгунской и межовской культур последующего времени (Потемкина, 1995б, с.14,15). Позиция О.Н.Корочкиной и В.И.Стефанова, основанная на неприятии существующих концепций черкаскульской культуры, сводится к тому, что влияние черкаскуля на культуры лесной зоны Западной Сибири (кроме лесного Зауралья) если имело место, то было опосредованным и не являлось определяющим.

Тем не менее, есть несколько конкретных пунктов, по которым позиции авторов данной работы очень близки. По нашему общему мнению, около XIII или XIII-XII вв. до н.э. происходит перемещение части черкаскульского населения в южном (в степные области) и в восточном (по лесостепной зоне) направлениях. С черкаскульской миграцией мы связываем появление элементов зауральской черкаскульской культуры в комплексах пахомовского типа Тоболо-Иртышья, о которых говорилось выше. Особенно заметен черкаскульский "след" в Притоболье⁵, на Ишиме и Иртыше его проявления менее ощутимы. Кстати, косвенную причастность черкаскульской культуры к формированию в южно-таежном Тоболо-Иртышье комплексов типа Сузгун II и Чудская Гора нельзя отрицать уже потому, что сдвиг андроновидного пахомовского населения вглубь лесной зоны мог произойти под давлением позднечеркаскульских коллективов, мигрировавших из Зауралья в юго-восточном и восточном направлениях. Согласны мы и в том, что черкаскульская культура имеет более ранний возраст, чем сузгунская (об этом же - см.: Косарев, 1997, с.283). По-видимому, к началу формирования в лесной зоне древностей сузгунского типа, черкаскульская культура на исходной территории трансформируется в межовскую, а в большинстве из освоенных в ходе миграции районов прекращает свое существование, растворяясь в местной среде. Только этим можно объяснить, что в материалах исследованных сузгунских памятников отсутствуют какие-либо свидетельства черкаскульско-сузгунских культурных связей.

Данные о контактах между сузгунскими и зауральскими позднебронзовыми коллективами получены в Среднем Зауралье. На памятниках Кокшарово I (Старков, 1970, с.101, рис.3) и Юрьино IV среди посуды позднечеркаскульского и межовского типов (на

наш взгляд, это единые комплексы) имеются горшки, в орнаментации которых использованы сузгунские мотивы - ряды скобок, меандровидные фигуры с поперечной штриховкой лент и обрамлением из мелких ямок. Керамика с сузгуноидными чертами (Шорин, 1994, с.60) в зауральских комплексах малочисленна, поэтому привлекать ее для доказательства тесных контактов и, тем более, для обоснования обратного влияния кокшаровских групп на сузгунское население (Шорин, 1988, с.21) едва ли правомерно. Вопрос о характере взаимоотношений населения сузгунской и межовской культур мы оставляем открытым. Заметим лишь, что источники, свидетельствующие об активности связей межовского населения с племенами лесной зоны, практически отсутствует. Внешние связи межовской культуры в конце эпохи бронзы имели иную ориентацию - запад, юг, юго-восток. Кроме того, обнаружение в окрестностях Екатеринбурга крупного поселения с керамикой бархатовского типа (поселение Палатки 2, раскопки С.Н.Паниной) намечает новую сюжетную линию в проблематике межовской культуры.

Алексеевско-саргаринская культура урало-казахстанских степей непосредственного участия в формировании и окончательном оформлении сузгунских древностей не принимала. Мы не можем исключить возможность проникновения отдельных элементов культуры степных народов в лесную зону Тоболо-Иртышья, но, скорее всего, оно происходило опосредованно, через культуры "буферной" зоны (Чупино, Кучум-Гора, Большой Лог, ирменские среднеиртышские комплексы). Аналогичным образом можно объяснить присутствие в материалах некоторых алексеевско-саргаринских памятников культурных остатков лесного происхождения.

Относительно связей бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана с зауральскими (черкаскульская) и западно-сибирскими (еловская, сузгунская, пахомовская, ирменская и др.) культурами позднего бронзового века высказаны различные мнения. К упоминавшимся выше работам В.И.Молодина, А.В.Нескорова, В.С.Удодова, Т.Н.Троицкой и О.В.Софеевой можно добавить достаточно обширный список работ этих же и других исследователей (М.Ф.Косарев, Е.Е.Кузьмина, В.И.Матюшенко, В.В.Варфоломеев, Т.М.Потемкина, А.Ф.Шорин, Ю.Ф.Киришин, В.В.Бобров и многие др.), но вряд ли в этом есть необходимость. Данная проблема актуальна, особенно после исследования поселений Бурла 3, Кайгородка 3, Новоильинка, для археологии Кулундинской степи, может быть, Барабы и, наверное, в меньшей степени, Томского Приобья. Для Зауралья и лесостепи Тоболо-Иртышья она не стоит остро. Что касается поселения Прорва и Потчевашского II могильника, в материалах кото-

нием, начало которого приходится на VII в. до н.э. (Елькина, 1977, с.110). Последняя дата, вероятно, завышена, но для нас это не имеет принципиального значения. Важно другое - андронидные элементы в декоре атлымской и лозьвинской керамики можно связывать только с сузгунской культурой южно-таежного Тоболо-Иртышья,⁶ которая в начале I тыс. до н.э. все еще сохраняет своеобразный андронидный колорит. Таким образом, мы не исключаем возможность существования опосредованных контактов между населением сузгунской культуры и атлымскими племенами на рубеже II - I тыс. до н.э. или в начале I тыс. до н.э.

Характеристика межкультурных связей сузгуна будет неполной, если мы обойдем вниманием красноозерскую культуру. Ее опорные памятники находятся в лесостепной полосе Приишимья и Прииртышья, однако участие лесных групп в сложении красноозерской культуры до сих пор никем не оспаривалось. Предполагается, что данная культура сформировалась в южно-таежных районах раньше, чем в лесостепи появились комплексы типа Инберень V (Абрамова, Стефанов, 1985, с.127; Труфанов, 1983, с.76), однако "лесной период" или хutorборский этап (по А.Я.Труфанову) красноозерской культуры практически не изучен. О взаимоотношениях между позднесузгунскими и красноозерскими коллективами трудно сказать что-либо определенное, но то, что взаимодействие было, и что оно было очень глубоким - бесспорный факт. Подтверждением сказанному являются многочисленные случаи совместного залегания сузгунской и красноозерской крестовой керамики в постройках, ямах, скоплениях и просто в культурном слое на памятниках лесного - лесостепного Приишимья и Прииртышья: Чудская Гора, Хutor Бор-1, Богочаново, Ефимово 1, Боровлянка 2, Кучум-Гора, Калугино 1, Красноозерки и многие др. Вместе они встречаются на ирменских и бархатовских поселениях. Думается, существует связь между сузгунской культурой и появлением культовых памятников типа Хutor Бор-1, Лучкино I и др.

К сожалению, нам не известны данные о контактах сузгунских групп с населением еловской культуры Томского Приобья; этот вопрос мы также оставляем открытым.

Способность сузгунского населения устанавливать разнообразные контакты, вступать в тесные отношения с племенами соседних и удаленных областей лесного Обь-Иртышья находит простое объяснение - взаимодействующие группы связаны общностью происхождения, так как и сузгунская, и названные выше археологические культуры сформировались на основе родственных культурных образований гребенчато-ямочного массива. Внешние связи сузгунской культуры на разных этапах развития характеризуют ее как динамичную и, вместе с тем, устойчивую

систему. Представляется очевидным активное участие сузгунского общества в культурогенетических процессах на территории лесного Обь-Иртышья и в лесостепной полосе Тоболо-Иртышья.

Ограниченный объем работы не позволяет нам подробно осветить вопрос о барабинском варианте сузгунской культуры. В целом, его выделение (Молодин, Чемякина, 1984; Молодин, 1985, с.143-155) кажется правомерным и обоснованным. Более того, с выделением в северной части Барабинской лесостепи локального варианта сузгунской культуры стало возможным определить место поселения Прорва (устье р.Тары; см.: Евдокимов, Стефанов, 1980) среди прииртышских памятников периода поздней бронзы. Характеризуя в свое время керамику этого поселения, мы отмечали ее сходство с еловской и сузгунской посуды, с андроновидной посудой поселения Инберень IV и Черноозерского II могильника, а также говорили о карасукских или карасукоидных ассоциациях, которые вызывали у нас некоторые сосуды (Евдокимов, Стефанов, 1980, с.48-50). Позднее памятник был отнесен к сузгунской культуре (Корочкова, 1987, с.17). Сейчас мы склоняемся к мысли, что это памятник локального варианта сузгунской культуры. Мы согласны с В.И.Молодиным в том, что в керамике Прорвы выделяется не карасукский, а ирменский компонент, свидетельствующий о контактах с ирменскими племенами (хотя ирменская культура в нашем понимании остается карасукоидной культурой). Учитывая несомненную близость керамических материалов поселений Новочекино-3 и Прорва, юго-восточный вариант сузгунской культуры следовало бы назвать не барабинским (памятники расположены на границе лесной зоны), а, например, новочекинским, поскольку Прорва находится на иртышском берегу и к Барабе отношения не имеет.

Вероятно, со временем на Иртыше и в Барабе будут открыты новые памятники с сузгунско-ирменской керамикой, которые дополнят и расширят наши представления о данном варианте сузгунской культуры. Между тем, хотелось бы прояснить ситуацию с поселением Новочекино-3. Дело в том, что керамическая коллекция этого памятника, на наш взгляд, включает посуду двух самостоятельных комплексов, близких в культурном отношении. Более ранний комплекс представлен керамикой группы III, в орнаментации которой преобладают андроновидные мотивы (Молодин, 1985, с.149, рис.74, с. 150). Аналогичная керамика получена при раскопках поселения Инберень IV (Корякова, Стефанов, 1981, с.182-184, рис. 3,1-10), являющегося опорным памятником пахомовской культуры в Среднем Прииртышье. На Инберени IV посуда с геометрическими узорами составляет около трети от общего количества сосудов. Другие две трети - это посуда, орнаментированная в гребенчато-ямочном стиле (ряды ямоч-

рого, по мнению В.В.Варфоломеева, имеется бегазы-дандыбаевская керамика (Варфоломеев, 1987, с.88), их культурную принадлежность мы определяем как сузгунскую. Бегазы-дандыбаевские черты в посуде пахомовского и сузгунского типов мы склонны объяснять, вслед за М.Ф.Косаревым, "... не столько следствием центрально-казахстанских влияний, сколько ... сходным направлением трансформации андроновской (федоровской) керамики в тех местах, где потомки федоровцев по каким-то причинам сохранили свою самобытность..." (Косарев, 1993б, с.100,101).

Краткий обзор контактов (влияний, взаимодействий, связей) между племенами сузгунской культуры и населением лесостепных-степных областей хотелось бы завершить следующим замечанием. В комплексах сузгунской культуры лесного Тоболо-Иртышья зафиксированы отдельные элементы, имеющие, на наш взгляд, южное происхождение, но соотнести их с какой-либо конкретной археологической культурой не удастся. К числу таких инноваций можно отнести предметы мелкой антропоморфной пластики. Глиняные антропоморфные фигурки, типа найденной на Сузгуне (Галкин, 1987а, с.40), известны на гамаюнском поселении на мысу Еловом (Борзунов, 1992, с.187, рис.24, 28), на поселениях бархатовской культуры Палатки II, Заводоуковское X (Сергеев, 1991, с.57), на Кучум-Горе, на Розановском поселении среднеиртышской ирменской культуры (Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1978, с.240), на Омской стоянке, на памятниках Чича-1, Абрашино-1 (Молодин, 1985, с.169-171; Молодин, Соболев, 1983) и др. Аналогичные предметы, распространенные в конце бронзового - начале железного века на широкой территории, явно тяготеют к лесостепной и степной зоне. Мы предполагаем, что южное происхождение имеет идея изготовления бронзовых черешковых стрел, каменных оселков. Металл для нужд сузгунских мастеров-литейщиков также поступал откуда-то из южных районов. К сожалению, спектральный анализ сузгунского металла не выполнен, поэтому установить рудную базу для сузгунской металлообработки или определить пути поступления металла в южно-таежное Тоболо-Иртышье не представляется возможным.

О связях сузгунской культуры с культурами лесного Обь-Иртышья. Случаи совместного залегания сузгунской керамики с посудой лозьвинского типа в бассейне р.Конды (Кокшаров, 1993, с.18) и барсовского типа в Сургутском Приобье (Челякин, Кокшаров, 1991, с.112-114; Челябин, 1994, с.14) доказывают наличие связей сузгунской культуры с лозьвинской и барсовской. О глубине взаимодействия сузгунских и лозьвинских культурных традиций свидетельствуют керамические материалы лучкинских памятников Нижнего Прииртышья и Тобольского Заболотья

(Глушков, 1991; Галкин, 1989; 1991б, с.18; Захожая, 1995, с.18-21; Степаненкова, 1995, с. 176, 177). Своеобразные комплексы Лучкино I, Бозобырь, Сергеевка, Малое Кугаево и др. В.Т.Галкин определяет как сузгунско-лозьвинские, И.Г.Глушков - как сузгунско-лучкинские, а Т.М.Захожая и З.В.Степаненкова склонны относить к северному локальному варианту сузгунской культуры. Напомним, что керамика лозьвинского типа была найдена на Сузгуне и Чудской Горе.

Керамика барсовского типа, в культурном отношении близкая посуде гребенчато-ямочной орнаментальной традиции Нижнего Прииртышья (Захожая, 1995, с.16), на сузгунских памятниках отсутствует.

До сих пор не выявлены факты, указывающие на существование контактов между сузгунскими и атлымскими (Нижнее и Сургутское Приобье) коллективами. Мы обращаем на это внимание потому, что одной из характерных особенностей атлымской керамики являются меандровые узоры, вызывающие андроновско-андроноидные ассоциации. Кстати, меандры встречаются и на лозьвинской посуде. Появление андроновских черт в орнаментации и формах керамики северных культур В.Н.Чернецов связывал с влиянием степной андроновской культуры на местные, уходящие в таежный неолит, традиции (Чернецов, 1953, с.60, 61). Важнейшая роль в передаче культурных достижений степных народов в таежную зону, по его мнению, принадлежала сузгунской культуре (Чернецов, 1953, с.54). Несмотря на то, что за последние годы культурогенетическая концепция В.Н.Чернецова подверглась существенной корректировке, многие его выводы и идеи сохранили основополагающее значение. Среди них - идеи постоянства древних связей Севера и Юга, усиления этих связей в эпоху бронзы, о влиянии лесостепных - степных племен на культуру западносибирского таежного населения, которое нашло отражение не только в материальной, но и в духовной сфере.

В свете современных данных, орнаменты ленточного типа, к которым относятся меандровые узоры (Чернецов, 1948), проникают в высокие широты Западной Сибири несколько позже, чем представлялось В.Н.Чернецову (Васильев, 1995, с.42). По мнению Е.А.Васильева, это происходит на рубеже II - I тыс. до н.э. и "... связано с кругом памятников атлымской культуры, в составе которой действительно просматривается андроновский компонент, хотя последний опосредован и трансформирован" (Васильев, 1995, с.42). Посуда с искаженным меандровым узором известна в Сургутском Приобье в памятниках атлымской культуры, появившихся здесь в начале I тыс. до н.э. в результате миграции нижнеобских племен (Чемякин, 1995, с.19). М.В.Елькина связывала меандровые мотивы на сургутской керамике с южным влия-

ных вдавлений, елочные узоры и т.д.). Почти такая же керамика с Новочекино-3 отнесена В.И.Молодиным в I-ю группу (с господством лесных черт; см.: Молодин, 1985, с.144-148, рис. 69-71). Керамика с преобладанием ирменских черт (группа II) и сопутствующая ей часть посуды группы I составляет второй, по нашим представлениям - более поздний, комплекс Новочекино-3. На Иртыше ему соответствует комплекс поселения Прорва, на Ишиме - Кучум-Гора, подобная посуда встречается на ирменских розановских поселениях. На Инберени IV керамика ирменского или сузгунско-ирменского облика отсутствует. В материалах поселения Прорва, напротив, есть посуда с ирменскими чертами в форме и декоре, но нет андроновидной, типа найденной на поселениях Новочекино-3 и Инберень IV.

Можно предположить, что исследованные на Новочекино-3 жилищные остатки связаны с поздним комплексом находок, т.к. андроновидная керамика выглядит, судя по иллюстративному материалу, более фрагментированной.

Проблема культурно-хронологического обособления андроновидного комплекса Новочекино-3 кажется нам актуальной в связи с материалами памятников ордынского типа (Матвеев, 1993, с.96-101) и могильником Старый Сад (Молодин, Нескоров, 1992). Похоже, древности андроновидного облика в лесостепной зоне Западной Сибири распространены значительно шире, чем представлялось совсем недавно. В свете материалов поселения Новочекино-3 особую важность приобретает изучение вопросов соотношения пахомовских и сузгунских древностей.

В настоящее время ни одну из проблем сузгунской культуры нельзя считать решенной. Среди наиболее актуальных, нуждающихся в первоочередной разработке, - проблемы хронологии, периодизации, общих и локальных особенностей сузгунской культуры. Найденные В.Т.Галкиным на Сузгуне глиняные модели двух кельтов и копья с прорезями в пере, позволили ему уточнить верхнюю границу сузгунской культуры - IX в. до н.э. (Галкин, 1988), а также определить положение сузгунско-лозьвинского комплекса Сузгун II а - VIII в. до н.э. (Галкин, 1989, с.134, 135). Наверное, можно принять VIII в. до н.э. за верхнюю границу сузгунской культуры. Новых материалов, проливающих свет на нижний рубеж сузгуна, не обнаружено. Мы полагаем, что в XI в. до н.э. сузгунская культура уже существовала, а ее формирование, возможно, началось в XII в. до н.э. Таким образом, дата сузгунской культуры определяется нами в интервале XII-VIII вв. до н.э. или XI-VIII вв. до н.э. Ее локальные варианты могут датироваться в более узком диапазоне.

¹ Сохранившийся между железнодорожным полотном и поселком мостостроителей останец недавно был окончательно снесен.

² Наиболее ранним святилищем в урало-сибирском регионе, где прослеживаются все отмеченные признаки культовых мест, является Савин на р.Тобол, датируемый эпохой энеолита (середина - вторая половина III тыс. до н.э.). Имеется достаточно данных, позволяющих рассматривать святилище Савин в качестве одного из наиболее древних археоастрономических объектов, безусловно существовавшего в контексте хозяйственной деятельности, социальной организации и культово-обрядовой практики энеолитического населения (Потемкина, Гусаков, 1987; Потемкина, 1994). Анализ материала культового места Савин позволяет высказать предположение о формировании основы мировоззренческих представлений и связанных с ними ритуалов, известных позже у многих народов Урала и Сибири, в том числе и у угорского населения Обь-Иртышья, именно в энеолитическую эпоху, что обусловлено становлением производящего хозяйства в лесостепной зоне (Потемкина, 1995б). Попутно заметим, что интересный подход к изучению святилищ как объектов археоастрономии развивает московский археолог М.Г.Гусаков (Гусаков, 1991; 1994).

³ В этой связи заметим, что в нижнем течении р.Шиш около д.Имшегал найдена керамика андроновского облика (сборы И.Н.Шухова, Омский краеведческий музей, шифр 76, см.: Отчет ..., 1975).

⁴ По мнению И.Г.Глушкова особенностью гончарства андроновских племен является формовка сосудов на твердой вращающейся подставке с шамотной подсыпкой (Генинг В.Ф., Стефанов, 1993, с. 78, 84), но таким же способом формовались сосуды на поселениях северного варианта сузгунской культуры (Лучкино I, Бозобер - см.: Степаненкова, 1995, с. 177). По-видимому, и в данном случае можно говорить о преемственности в области технологии керамического производства.

⁵ Отнесение поселения Ольховка (юг Тюменской области) к черкасульской культуре (Матвеев, Матвеева, Панфилов и др., 1995, с.171-173; Матвеев, Матвеева, Зах, 1994, с.100-101) кажется нам преждевременным.

⁶ Иной точки зрения придерживаются С.Ф.Кокшаров и Н.Н.Ермакова. Они предполагают самостоятельное появление меандрового орнамента на керамике атлымской и лозьвинской культур, независимо от андроновско-андроноидного влияния (Кокшаров, Ермакова, 1992).

Заключение

Анализ результатов исследования Чудской Горы и полученных в ходе раскопок материалов с учетом сравнительных данных позволил прийти к следующим выводам.

Чудская Гора как памятник сузгунской культуры южно-таежного Тоболо-Иртышья представлял собой крупный жилой поселок, построенный на высоком холме в пойме Иртыша. На его территории размещался комплекс культовых сооружений, связанный с проведением общественных ритуалов жертвоприношения и иных языческих мероприятий. Поселок был защищен деревянной стеной, окружавшей центральную часть останца, и двумя рвами, преграждавшими доступ на жилую площадку с юго-западной и северо-восточной сторон. Естественная крутизна северного и южного склонов являлась фактором, усиливающим защищенность городища. Есть основания предполагать, что фортификационные сооружения имелись еще на двух площадках (2, 5) Чудской Горы.

Строения жилого и иного назначения располагались по периметру площадки городища, а ее центральная часть, по-видимому, оставалась незастроенной. Постройки - полуземляночного типа, имели длинные узкие котлованы размером 8-12х3-5 м при глубине в материке 0,2-0,6 м, ориентированные перпендикулярно осевой линии городища. Дома каркасно-столбовой конструкции; стены, отстоявшие от края котлована на 0,5-1 м, скорее всего, были наклонными, а кровля - плоской. Большинство сооружений однокамерные. Вместе с тем, на территории укрепленного поселения зафиксированы следы многокамерного комплекса, объединявшего под одной крышей три помещения. Строения имели входы в виде коридоров и, возможно, оформленные в виде проемов в стене. На дне котлованов во всех исследованных постройках выявлены остатки очагов, наземных или в неглубоких ямах: в виде кострищ, глиняных вымосток или сложенных из глиняных кирпичиков. Для объектов культового назначения характерно обилие находок на полу и в заполнении котлованов (керамика, кости животных и др.). Интенсивно использовалось пространство между жилищами.

Хозяйство жителей поселка реконструируется как комплексное, основанное на сочетании производящих и присваивающих отраслей. Ведущей отраслью являлось скотоводство, в составе стада значительное место занимала лошадь.

Памятник, по-видимому, являвшийся крупным религиозным, административным и военно-политическим центром большой группы населения, функционировал продолжительное время. По керамике и другим находкам из построек городище предварительно датируется в интервале XI-IX или XI-VIII вв. до н.э.

Судя по материалам Чудской Горы, Сузгуна II и других памятников, культура населения лесного Тоболо-Иртышья конца II - начала I тыс. до н.э. была чрезвычайно яркой и своеобразной.

По нашему глубококому убеждению, сложение сузгунской культуры явилось результатом сложных интеграционно-ассимиляционных процессов взаимодействия субстратной культуры (одиновского типа) гребенчато-ямочного массива и суперстратной андронидной культуры (пахомовская АК). Собственно андроновские группы вглубь лесной зоны не продвигались, северная граница их расселения совпадает с современной границей лесной и лесостепной зон. Решающую роль в сложении сузгунских культурных комплексов сыграли племена андронидной пахомовской культуры предтаежного Тоболо-Иртышья. Именно они, преобразовав в своей среде достижения, традиции, идеологические представления населения андроновской культурно-исторической общности, внедрили их затем в северные области. Именно они придали новому культурному образованию специфический андронидный колорит, с ними связаны глубокие изменения в материальной и духовной культуре таежных народов. Окончательное оформление сузгунских древностей связано с влиянием карасукоидной ирменской культуры, не сопровождавшимся, впрочем, массовым проникновением лесостепных коллективов в зону лесов.

Внешние связи сузгунской культуры XII/XI - VIII вв. до н.э. на разных этапах развития характеризуют ее как динамичную и, вместе с тем, устойчивую систему. Представляется очевидным активное участие сузгунского общества в культурно-генетических процессах в лесном Обь-Иртышье и в лесостепной полосе Тоболо-Иртышья.

Данная работа далеко не исчерпывает заявленную тему. Мы получили возможность высказаться по некоторым проблемам сузгунской культуры, но ни одну из них не "закрыли". Еще больше вопросов осталось за пределами нашего внимания. Исходя из этого, попытаемся сформулировать ближайшие и, с нашей точки зрения, наиболее перспективные исследовательские задачи в русле обсуждаемой темы.

Необходимость продолжения исследования сузгунских памятников (и Чудской Горы в том числе), в достаточном объеме и на современном уровне полевой методики, вытекает из явной дис-

пропорции между количеством известных по раскопкам памятников неординарного характера (культовых, жертвенных мест) и рядовых поселений, стационарных или сезонных. Содержательный портрет сузгунской культуры будет неполным без характеристики хозяйства, домостроительных традиций, производственного и бытового инвентаря и других остатков повседневного бытия людей, в наиболее концентрированном виде встречающихся именно на поселениях. Между тем, масштабы и темпы изучения последних крайне ограничены, что серьезно сдерживает возможности ученых в оценке всего комплекса признаков культуры.

Нельзя считать решенным вопрос о соотношении андроновидных пахомовских и сузгунских культурных комплексов, провести грань между которыми иногда бывает очень сложно. Возможно, этот вопрос является ключевым в решении проблем генезиса сузгунских древностей. Остается совершенно неисследованным субстратный компонент сузгунской культуры, который мы склонны соотносить с комплексами одиновского типа.

Чрезвычайно интересным, хотя и не в равной степени обеспеченным качественными источниками, является сюжет о локальных вариантах сузгунской культуры. Речь может идти о сузгунско-бархатовских памятниках в Притоболье, сузгунско-лозьвинских в Нижнем Прииртышье, сузгунско-красноозерских в Среднем Прииртышье, чупинского типа на Ишиме, новочекинских в низовьях Тары. Нетрудно заметить, что все они отражают достаточно узкий хронологический срез и маркируют завершающий этап развития сузгунской культуры. Возможно, появление подобных комплексов свидетельствует о процессе деструкции, упадка культуры, а, быть может, напротив, в них следует усматривать способ ее выживания и сохранения?

Подчеркнутая нами ориентация связей сузгунского населения на лесостепной и, отчасти, степной мир и включение через их посредство в эпохальные процессы, скорее всего, не отражает весь спектр и всех особенностей межкультурных контактов. Необходимо уточнить картину этнокультурного окружения сузгуна и уделить пристальное внимание контактам сузгунских племен с населением сопредельных и удаленных таежных областей.

Безусловно перспективна работа по изучению сузгунских культовых комплексов. Очевидно, ее не следует сводить исключительно к задачам реконструкции способов организации сакрального пространства, форм культа и культовой практики. Нуждается в объяснении феномен сузгунской культуры, заключающийся в многочисленности памятников культового назначения, в частности, тех на которых совершались обрядовые, ритуальные действия, связанные с приношением жертв. Актуальны, но и

очень сложны, вопросы реконструкции религиозно-мифологических представлений сузгунского населения.

Интересны и не менее сложны вопросы социальной организации сузгунского общества, этнической интерпретации сузгунских древностей. Уже сейчас предпринимаются попытки установить генетическую связь сузгунской культуры с культурами лесной и лесостепной полосы Западной Сибири раннего железного века (В.А.Могильников, М.Ф.Косарев, Е.М.Данченко, А.Я.Труфанов). Можно ожидать, что в ближайшее время удастся конкретизировать ареал, хронологию и периодизацию сузгунской культуры южно-таежного Тоболо-Иртышья.

Список сокращений

АО	- Археологические открытия
ВАУ	- Вопросы археологии Урала
КСИА	- Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	- Краткие сообщения Института материальной культуры
КСИЭ	- Краткие сообщения Института этнографии
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР
РА	- Российская археология
СА	- Советская археология
САИ	- Свод археологических источников
Уч. зап. ПГУ	- Ученые записки Пермского госуниверситета

Литература

Абрамова М.Б., Стефанов В.И., 1981. Памятники инберенского типа (о своеобразии перехода к железному веку в лесостепном Прииртышье) // ВАУ. Вып. 15. Свердловск.

Абрамова М.Б., Стефанов В.И., 1985. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск.

Аванесова Н.А., 1991. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент.

Авдеев И.И., 1936. Песни народа манси. Омск.

Аскарлов А., 1969. Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде // История материальной культуры Узбекистана. Вып.8. Ташкент.

Балакин Ю.В., Яшин В.Б., 1986. Роль мифологии в изучении ирано-угорских контактов // Археологические, этнографические и исторические источники по истории Сибири. Омск.

Березанская С.С., 1974. Пустынка - поселение эпохи бронзы на Днепре. Киев.

Берс Е.М., 1963. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск.

Бобров В.В., 1991. Особенности погребального обряда ирменской культуры в Кузнецкой котловине // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск.

Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А., 1983. От Скифии до Индии. М.

Борзунов В.А., 1992. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург.

Борзунов В.А., 1995а. Укрепленные поселения Западной Сибири каменного, бронзового и первой половины раннего железного века // Очерки по истории Западной Сибири. Т.1. Томск.

Борзунов В.А., 1995б. Укрепленные жилища Зауралья и Западной Сибири // Великий подвиг народа. Исторические чтения, посвященные 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Тез. докладов. Екатеринбург.

Борзунов В.А., Морозов В.М., 1994. К изучению укрепленных поселений горно-лесного Зауралья (городище Уфа VI) // РА, № 1.

Борзунов В.А., Новиченков Н.Н., 1988. Ранние укрепленные поселения финно-угров Урала // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Екатеринбург.

Варенов А.В., 1985. Древнейшие зеркала Китая отражающие этнокультурные контакты // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск.

Варов А.И., 1993. Археозоологические аспекты изучения костищ // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Тез. докладов. Екатеринбург.

Варфоломеев В.В., 1987. О связях населения Центрального Казахстана с культурами Зауралья, Западной Сибири и Средней Азии в эпоху поздней бронзы // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Тез. докладов. Томск.

Варфоломеев В.В., 1991. Сары-арка в конце бронзовой эпохи: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Алма-Ата.

Васильев Е.А., 1995. Древнейшая история севера Западной Сибири: концепция В.Н. Чернецова в контексте современных исследований // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Томск.

Викторова В.Д., 1970. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск.

Галкин В.Т., 1987а. Новые памятники сузгунской культуры // Источники по истории Западной Сибири (история и археология). Омск.

Галкин В.Т., 1987б. Исследования сузгунской культуры // АО. 1985. М.

Галкин В.Т., 1988. Поселение Тап I // Археология Западной Сибири. Тез. докладов. Омск.

Галкин В.Т., 1989. Сузгунско-лозьвинские поселения в Тобольском Прииртышье // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень.

Галкин В.Т., 1991а. Поселение Красная Гора (Предварительное сообщение) // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень.

Галкин В.Т., 1991б. Сузгунская культура эпохи поздней бронзы в южнотаяжном Тоболо-Иртышье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., 1986. Религия народов манси. Культурные места XIX - начала XX в. Новосибирск.

Генинг В.Ф., 1973. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА, №1.

Генинг В.Ф., 1977. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА, № 4.

Генинг В.Ф., 1988. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н.э. - II в. н.э.). М.

Генинг В.Ф., 1992. Древняя керамика: методы и программы исследования в археологии. Киев.

Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С., 1970. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культур-

ной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск.

Генинг В.Ф., Евдокимов В.В., 1969а. Логиновское городище // ВАУ. Вып. 8. Свердловск.

Генинг В.Ф., Евдокимов В.В., 1969б. Старо-Маслянское поселение // ВАУ. Вып. 8. Свердловск.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск.

Генинг В.Ф., Позднякова М.К., 1964. Прыговское городище на р. Исети // ВАУ. Вып. 6. Свердловск.

Генинг В.Ф., Совцова Н.И., 1967. О западно-сибирском компоненте в сложении ананьинской этнической общности // Учен. зап. ПГУ. № 148. Пермь.

Генинг В.Ф., Стефанов В.И., 1991. Могильники андроновидной культурной общности Ишимской лесостепи // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск.

Генинг В.Ф., Стефанов В.И., 1993. Поселения Черноозерье I, Большой Лог и некоторые проблемы бронзового века лесостепного Прииртышья // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург.

Глушков И.Г., 1989. О гребенчато-ямочном компоненте в генезисе сузгунской культуры // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Часть II. Тез. докладов. Кемерово.

Глушков И.Г., 1991. Поселение Лучкино I - памятник поздней бронзы низовий Иртыша // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Томск.

Глушков И.Г., Глушкова Т.Н., 1992. Текстильная керамика как исторический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири). Тобольск.

Глушков И.Г., Петров А.И., 1984. Памятники самусьско-сейминской эпохи в лесном Прииртышье // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск.

Голдина Р.Д., 1969. Городище Кучум-Гора // ВАУ. Вып. 8. Свердловск.

Грязнов М.П., 1956а. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири // КСИМК. Вып. 64.

Грязнов М.П., 1956б. История древних племен Верхней Оби // МИА, № 48.

Грязнов М.П., 1961. Так называемые оселки скифо-сарматского времени // Исследования по археологии СССР. Л.

Гусаков М.Г., 1991. Языческое святилище на северном мысе Старо-рызанского городища // Проблемы археологии Евразии. М.

Гусаков М.Г., 1994. Святилище как объект археологического изучения (к постановке проблемы) // Тезисы докл. конф. "Проблемы изучения духовной культуры древних обществ". Екатеринбург.

Дрябина Л.А., 1994. Энеолитическое святилище Велижаны II под Тюменью. (Доклад на заседании круглого стола "Археoaстрономия и археология: проблемы взаимодействия". 18-19 мая 1994 г., ИА РАН, Москва // См. Кауров Э.Н., Потемкина Т.М., 1995.

Евдокимов В.В., Стефанов В.И., 1980. Поселение Прорва // Археология Прииртышья. Омск.

Евдокимов В.В., Корочкова О.Н., 1991. Поселение Пахомовская Пристань I // Источники этнокультурной истории Западной Сибири.

Елькина М.В., 1977. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск.

Зах В.А., 1987. Поселение Черемуховый Куст - памятник переходного времени от развитой к поздней бронзы // Исторические чтения памяти М.П.Грязнова. Тез. докладов. Омск.

Захожая Т.М. 1995а. Угорские аналогии в жертвенных комплексах эпохи поздней бронзы // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Тез. докладов. Томск.

Захожая Т.М., 1995б. Эпоха поздней бронзы Нижнего Прииртышья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Новосибирск.

Зданович Г.Б., 1988. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск.

Зданович С.Я., 1983. Поселения и жилища саргаринской культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа.

Иванов С.В., 1970. Скульптура народов севера Сибири XIX-первая пол. XX в. Л.

Исаков А.И., Потемкина Т.М., 1989. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // СА, № 1.

История Сибири с древнейших времен до наших дней, 1968. Т. I. Л.

Итина М.А., 1977. История степных племен Южного Приаралья. М.

Итина М.А., 1979. Реконструкция некоторых первобытных обрядов методом аналогий // Этнография и археология Средней Азии. М.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж., 1992. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1979. Бронзовый век Васюганья. Томск.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1987. Корчажкинская культура лесостепного алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. Барнаул.

Киселев С.В., Чернецов В.Н., 1946. Рецензия на кн. Эдинга Д.Н. "Резная скульптура Урала" // КСИА. Вып. XII.

Ковалева В.Т., 1988. Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Притоболья // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск.

Ковалевская В.Б., 1977. Конь и всадник. М.

Кожин П.М., 1989. Сузгун II: место памятника в западносибирской этнокультурной традиции // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. Тез. докладов. Новосибирск.

Кожомбердиев И., Кузьмина Е.Е., 1980. Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии // СА, № 4.

Кокшаров С.Ф., 1993. Энеолит и бронзовый век бассейна р.Конды: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М.

Кокшаров С.Ф., 1991. Хронология памятников бронзового века р. Конды // ВАУ. Вып. 20. Екатеринбург.

Кокшаров С.Ф., Чемякин Ю.П., 1991. Памятник бронзового века в окрестностях д. Сайгатино // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск.

Кокшаров С.Ф., Ермакова Н.Н., 1992. Меандровые узоры на керамике лозьвинского и атлымского типов // Орнамент народов Западной Сибири. Томск.

Комарова М.Н., 1952. Томский могильник, памятник истории древних племён лесной полосы Западной Сибири // МИА, № 24.

Комарова М.Н., 1975. Карасукские могильники близ улуса Орак // Первобытная археология Сибири. Л.

Корочкова О.Н., 1987. Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К., 1978. Работы в Среднем Прииртышье // АО. 1977. М.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 1983. Поселение федоровской культуры // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 1991. Заключительный этап бронзового века в Тюменском Притоболье (краткая характеристика комплексов бархатовской культуры) // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. Тез. докладов. Уфа.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К., 1991. Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья // ВАУ. Екатеринбург.

Корякова Л.Н., Стефанов В.И., 1981. Городище Инберень IV на Иртыше // СА, № 2.

Косарев М.Ф., 1976. Географическая среда и неравномерность социально-экономического развития разных районов Западной Сибири в первобытную эпоху // Вопросы археологии Приобья. Тюмень.

Косарев М.Ф., 1981. Бронзовый век Западной Сибири. М.

Косарев М.Ф., 1984. Западная Сибирь в древности. М.

Косарев М.Ф., 1987. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзового века к железнному // Эпоха бронзы лесной полосы СССР // Археология СССР. М.

Косарев М.Ф., 1988. Человек и живая природа в свете сибирских этнографических и археологических материалов // "Некоторые проблемы сибирской археологии". М.

Косарев М.Ф., 1991. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.

Косарев М.Ф., 1993а. Из древней истории Западной Сибири. Общая историко-культурная концепция // Российский этнограф. № 4. М.

Косарев М.Ф., 1993б. К этнической интерпретации урало-западносибирских древностей // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Тез. докладов. Екатеринбург.

Косарев М.Ф., Галкин В.Т., 1993. Поселение Юргаркуль III в Нижнем Приоболье // КСИА. Вып. 209.

Косарев М.Ф., Потемкина Т.М., 1985. Городище Чудская гора в свете этнической интерпретации андроновидных культур Западной Сибири // Урало-Алтаистика. Археология, этнография, язык. Новосибирск.

Косинская Л.Я., 1984. Поселение Ир II // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск.

Косинцев П.А., 1989. Охота и скотоводство у населения лесостепного Зауралья в эпоху бронзы // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск.

Кривцова-Гракова О.А., 1948. Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ, вып. VII. в Южном Зауралье. Л.

Крижевская Л.Я., 1977. Раннебронзовое время.

Кузьмина Е.Е., 1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии // САИ. Вып. В 4-9. М.

Кузьмина Е.Е., 1974. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // ВДИ, № 4.

Кузьмина Е.Е., 1977а. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М.

Кузьмина Е.Е., 1977б. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. Киев.

Кузьмина Е.Е., 1994. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В., 1992. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск.

Курманкулов Ж., 1988. Поселения и могильники эпохи бронзы Северной Бетпак-Далы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Кемерово.

Лашук Л.П., Хлобыстин Л.П., 1986. Север Западной Сибири в эпоху бронзы // КСИА. Вып. 185.

Львов Ю.А., 1979. Болотный процесс как фактор среды обитания человека в Западной Сибири // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск.

Максименков Г.А., 1975. Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины // Первобытная археология Сибири. Л.

Максименков Г.А., 1976. Андроновская культура на Енисее. М.

Максимова А.Г., 1961. Могильник эпохи бронзы в урочище Каракудук // ТИИАЭ Каз. ССР.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кардыбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.

Мартынов А.И., 1966. Карасукская эпоха в Обь-Чулымском междуречье // Сибирский археологический сборник. Вып. 2. Новосибирск.

Матвеев А.В., 1991. Хронология бархатовского комплекса Красногорского городища // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. Тез. докладов. Уфа.

Матвеев А.В., 1993. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск.

Матвеев А.В., Бурлина Т.В., 1990. Бархатовская керамика Красногорского городища // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. Новосибирск.

Матвеев А.В., Горелов В.В., 1993. Городище Ефимово I. Препринт. Тюмень.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Зах В.А., 1994. Археологические путешествия по Тюмени и ее окрестностям. Тюмень.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Панфилов А.Н., Буслова М.А., Зах В.А., Могильников В.А., 1995. Археологическое наследие Тюменской области: Памятники лесостепи и подтаежной полосы. Новосибирск.

Матющенко В.И., 1973. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч.3. Андроновская культура на Верхней Оби // Из истории Сибири. Вып. 11. Томск.

Матющенко В.И., 1974. Древняя история лесного и лесостепного Приобья. Ч.4. Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. Вып. 12. Томск.

Матющенко В.И., Полеводов А.В., 1994. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. Новосибирск.

Матющенко В.И., Чиндина Л.А., 1976. Рец. М.Ф. Косарев. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974 // СА, № 2.

Мельничук А.Ф., Оборин В.А., 1989. Новые исследования Гремячинского поселения-святилища // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар.

Миллер Г.Ф., 1791. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов яко то черемис, чуваш, вотяков. С.-Пб.

Мифы, предания, сказки хантов и манси. 1990. Сост., предисл. и примеч. Н.В.Лукиной. М.

Михайлов Ю.И., 1992. Собака в ритуальной практике андроновского населения // Маргулановские чтения. 1990 (сборник материалов конференции). Часть I. М.

Могильников В.А., 1964. Новоникольское IV городище // СА, №1.

Могильников В.А., 1968. Исследование курганной группы эпохи раннего железа Калачевка -II // КСИА, Вып. 114.

Могильников В.А., 1987. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. М.

Могильников В.А., 1981. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII-XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР. М.

Могильников В.А., Данченко В.М., Труфанов А.Я., 1991. Богочановское городище и проблемы культурной стратификации лесного Прииртышья в эпоху поздней бронзы и раннего железа // СА, №3.

Молодин В.И., 1979. Кыштовский могильник. Новосибирск.

Молодин В.И., 1981. О связях ирменской культуры с бегазы-дандыбаевской культурой Казахстана // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Вып. III. Тез. докладов. Новосибирск.

Молодин В.И., 1985. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск.

Молодин В.И., 1990. Культовые памятники угорского населения лесостепного Обь-Иртышья (по данным археологии) // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск.

Молодин В.И., 1992. Древнее искусство Западной Сибири. Новосибирск.

Молодин В.И. Нескоров А.В., 1992. О связях населения западносибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения. 1990 (сборник материалов конференции). Часть I. М.

Молодин В.И., Соболев В.И., 1983. Предметы мелкой пластики Абрашинского городища (эпоха поздней бронзы) // Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск.

Молодин В.И., Чемякина М.А., 1984. Поселение Новочекино-3 - памятник эпохи поздней бронзы на севере Барабинской лесостепи // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул.

Морозов В.М., 1995. К вопросу о так называемых жертвенных местах на скальных останцах Урала // Памяти О.Е.Клера: к 150-летию со дня рождения. Тез. докладов. Екатеринбург.

Мошинская В.И., 1953а. Материальная культура и хозяйство Усть-Полюя // МИА. № 35.

Мошинская В.И., 1953б. Городище и курганы Потчеваш//МИА. № 35.

Мошинская В.И., 1957. Сузгун II - памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири // МИА. № 58.

Мошинская В.И., 1976. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М.

Мошинская В.И., Лукина Н.В., 1982. О некоторых особенностях в отношении к собаке у обских угров // Археология и этнография Приобья. Томск.

Мошкова М.Г., Генинг В.Ф., 1972. Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.

Нескоров А.В., 1986. Могильник Старый Сад. // АО 1984 г. М.

Новгородова Э.А., 1970. Центральная Азия и карасукская проблема. М.

Новокрещенных Н.Н., 1914. Гляденовское костыще на р.Каме в Пермской области // Труды Пермской Губернской Ученой Архивной Комиссии. Т.ХI. Пермь.

Новицкий Григорий, 1884. Краткое описание о народе остячком, сочиненное Гр.Новицким. Издал Л.Майков. С-Петербург.

Обыденнов М.Ф., 1981. Культура населения Южного Урала в конце бронзового века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М.

Обыденнов М.Ф., 1986. Поздний бронзовый век Южного Урала. Учебное пособие. Уфа.

Обыденнов М.Ф., 1991. Поселения древних скотоводов Южного Приуралья. Саратов.

Отчет о работе по систематизации археологического фонда Омского краеведческого музея и о разведке в Омской области. 1975. Архив кабинета археологии Уральского университета, ф. II, д. 207. Свердловск.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Кн. II. Поселения и жилища. Томск.

Паллас П.С., 1786. Путешествия по разным провинциям Российского государства. Часть вторая. СПб.

Панфилов А.Н., 1993. Многослойное поселение Серебрянка 1 в Нижнем Приишимье. Препринт. Тюмень.

Панфилов А.Н., Зах Е.М., Зах В.А., 1991. Боровлянка 2 - памятник неолита и переходного от бронзы к железу времени в Нижнем Приишимье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень.

Петров А.И., 1987. Периодизация и хронология памятников екатерининской культуры в Среднем Прииртышье // Источники по истории Западной Сибири (история и археология). Омск.

Полеводов А.В., 1993. Современное состояние сузгунской проблематики // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Тез. докладов. Томск.

Поляков Ю.А., 1967. Итоги изучения памятников гляденовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье // Уч. зап. Перм. гос. ун-та. № 148. Пермь.

Потемкина Т.М., 1979. О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Притоболье // СА, №2.

Потемкина Т.М., 1985. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.

Потемкина Т.М., 1995а. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (ранний и средний этапы) // РА, №1.

Потемкина Т.М., 1995б. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (поздний и финальный этапы) // РА, №2.

Потемкина Т.М., 1995в. Об истоках ряда ритуалов в культовых обрядах обских угров // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Тез. докладов. Томск.

Потемкина Т.М., Гусаков М.Г., 1987. Религиозные представления населения эпохи энеолита Зауралья (по материалам раскопок святилища Савин) // Религиозные представления в первобытном обществе. Тез. докладов. М.

Религиозные верования: Свод этнографических понятий и терминов. 1993. Вып. 5. М.

Русанова И.П., 1966. Языческое святилище на р. Гнилопять под Житомиром // Культура древней Руси. М.

Русанова И.П., 1992. Культовые места и языческие святилища славян VI - XIII вв. // РА, № 4.

Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1993. Языческие святилища древних славян. М.

Рыбаков Б.А., 1981. Язычество древних славян. М.

Рыбаков Б.А., 1987. Язычество древней Руси. М.

Савинов Д.Г., 1975. Осинкинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае // Первобытная археология Сибири. Л.

Савинов Д.Г., 1994. Введение // Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит - средневековье). СПб.

Сальников К.В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.

Сергеев А.С., 1991. Поселение Заводоуковское X - новый памятник бархатовской культуры лесостепного Притоболья // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. Тез. докладов. Уфа.

Соловьев А.И., 1990. О жертвоприношениях людей у древнего населения Прииртышья // Мироззрение финно-угорских народов. Новосибирск.

Сотникова С.В., 1986. Поселение Жар-Агач // Археологические, этнографические и исторические источники по истории Сибири. Омск.

Старков В.Ф., 1970. Кокшарово I - многослойный памятник неолита и бронзы в Среднем Зауралье // СА, № 1.

Степаненкова З.В., 1993. Лучкинский тип керамики: эпоха поздней бронзы // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Тез. докладов. Томск.

Степаненкова З.В., 1995. Андронидная орнаментальная традиция на севере и юге: ареалы сузгунской культуры // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Тез. докладов. Томск.

Стефанов В.И., 1974. Поселения эпохи поздней бронзы в Среднем Прииртышье // Из истории Сибири. Вып. 15. Томск.

Стефанов В.И., 1978. Отчет об археологических работах на трассе газопровода Надым-Пунга-Ивдель в Свердловской и Тюменской областях и на территории строящегося нефтехимического комплекса у г.Тобольска. Свердловск. Архив КА УрГУ, ф.II, д.№ 282.

Стефанов В.И., 1979. Сузгунские погребения на Потчеваше // Вопросы археологии Приобья. Тюмень.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н., 1984. Поселения заключительного этапа бронзового века на р. Тобол // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск.

Стефанов В.И., Морозов В.М., 1992. Энеолитический памятник в бассейне р. Казым // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар.

Стефанов В.И., Труфанов А.Я., 1988. К вопросу о своеобразии ирменской культуры в Среднем Прииртышье (по материалам поселения Сибирская Саргатка I) // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск.

Стоколос В.С., 1986. Древние поселения Мезенской долины. М.

Студзицкая С.В., 1987. Искусство Восточного Урала и Западной Сибири в эпоху бронзы // Эпоха бронзы лесной полосы СССР // Археология СССР. М.

Тайлор Э.Б., 1989. Первобытная культура. М.

Тимошук Б.А., 1993. Языческое жречество Древней Руси (по материалам городищ-святилищ) // РА, № 4.

Тереножкин А.И., 1976. Киммерийцы. Киев.

Токарев С.А., 1990. Ранние формы религий. М.

Третьяков П.Н., 1958. Городища-святилища левобережной Смоленщины // СА, № 4.

Троицкая Т.Н., Софеев О.В., 1990. Памятник Крохалевка-13 как исторический источник эпохи развитой и поздней бронзы // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул.

Труфанов А.Я., 1983. Жертвенное место Хутор Бор-I (о культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск.

Труфанов А.Я., 1984. Материалы к происхождению и развитию красноозерской культуры лесостепного Прииртышья // Проблемы этни-

ческой истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск.

Труфанов А.Я., 1990. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку в лесостепном Прииртышье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06. Кемерово.

Труфанов А.Я., 1991. Ирменский курган могильника Калачевка-II // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск.

Удодов В.С., 1988. Эпоха поздней бронзы Кулунды (к постановке проблемы) // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Тез. докладов. Барнаул.

Удодов В.С., 1991. О роли бегазы-дандыбаевского компонента в этнокультурных процессах эпохи поздней бронзы Западной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул.

Федорова Н.В., 1974. Исследования на городище Потчеваш у г.Тобольска // Из истории Сибири. Вып.15. Томск.

Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М., 1991. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Вып.20. Екатеринбург.

Формозов А.А., 1984. Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла // СА, № 4.

Халиков А.Х., 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII-VI вв. до н.э.). М.

Хлобыстин Л.П., 1976. Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. Л.

Хлобыстина М.Д., 1970. Каменский могильник на Енисее и Усть-Ербинская группа карасукских памятников // СА, № 1.

Хлопин И.Н., 1983. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л.

Чемякин Ю.П., 1989. Сургутское Приобье в эпоху бронзы и раннего железа // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск.

Чемякин Ю.П., 1994. Каменный и бронзовый век Сургутского Приобья (культурно-хронологическая периодизация археологических памятников). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06. Ижевск.

Чемякин Ю.П., Кокшаров С.Ф., 1991. Новое поселение барсовской культуры (предварительная публикация) // Жилища народов Западной Сибири. Томск.

Чернецов В.Н., 1927. Жертвоприношения у вогул // Этнографический сборник. №1.

Чернецов В.Н., 1948. Орнамент ленточного типа у обских угров // СЭ. № 1.

Чернецов В.Н., 1953. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. № 35.

Чернецов В.Н., 1955. Бронза усть-полуйского времени // МИА. № 35.

Черников С.С., 1960. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. № 88.

Черных Е.Н., 1972. Металл - человек - время. М

Черных Е.Н., 1983. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.

Черных Е.Н., Агапов С.А., Кузьминых С.В., 1990. Азиатская зона Евразийской металлургической провинции // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Тез. докладов. Томск.

Чиндина Л.А., 1977. Могильник Релка на Средней Оби. Томск.

Членова Н.Л., 1955. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири // СА, XXIII.

Членова Н.Л., 1970. Датировка ирменской культуры // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск.

Членова Н.Л., 1972. Хронология памятников карасукской эпохи. М.

Членова Н.Л., 1977. О природе черкаскульской культуры // VI УАС. Тез. пленарных и некоторых дискус. докладов. М.

Членова Н.Л., 1981. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск.

Членова Н.Л., 1994. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М.

Шамшин А.Б., 1988. Эпоха поздней бронзы и переходное время в Барнаульско-Бийском Приобье (XII-VI вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Кемерово.

Шорин А.Ф., 1988. Среднее Зауралье в эпоху развитой и поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Новосибирск.

Шорин А.Ф., 1994. К этнической характеристике черкаскульской культуры (состояние проблемы) // РА, № 4.

Эдинг Д.Н., 1937. Идолы Горбуновского торфяника // СА, № 4.

Эдинг Д.Н., 1940. Резная скульптура Урала // Тр.ГИМ. Вып.Х. М.

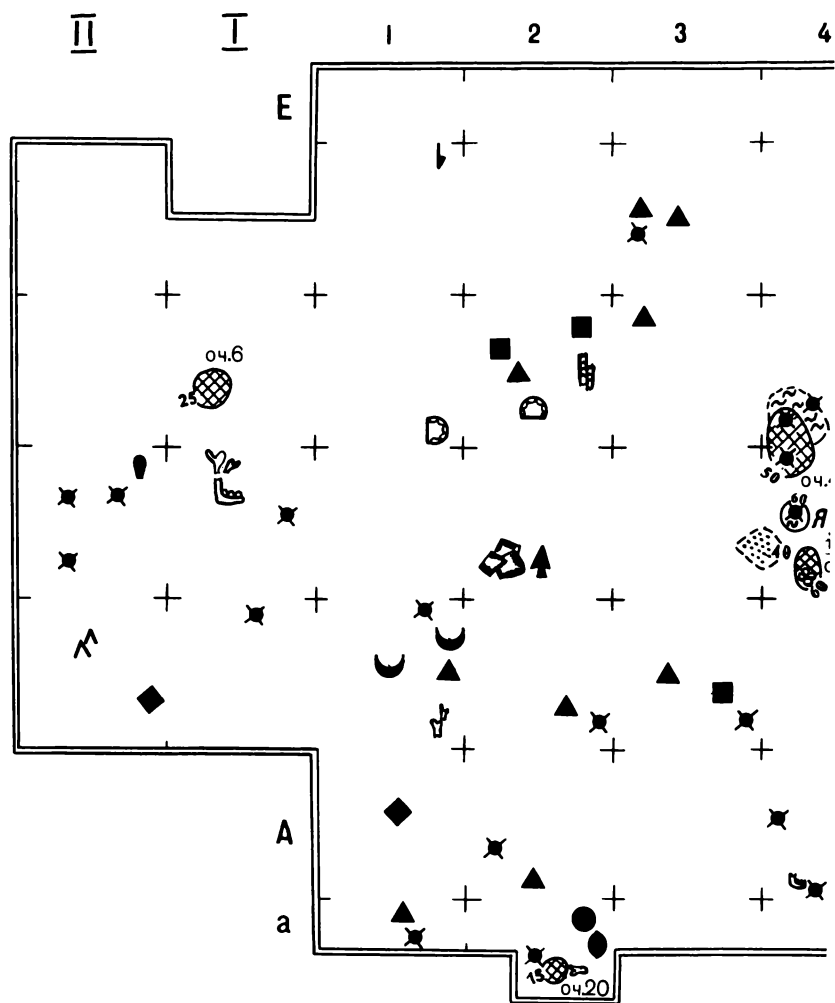
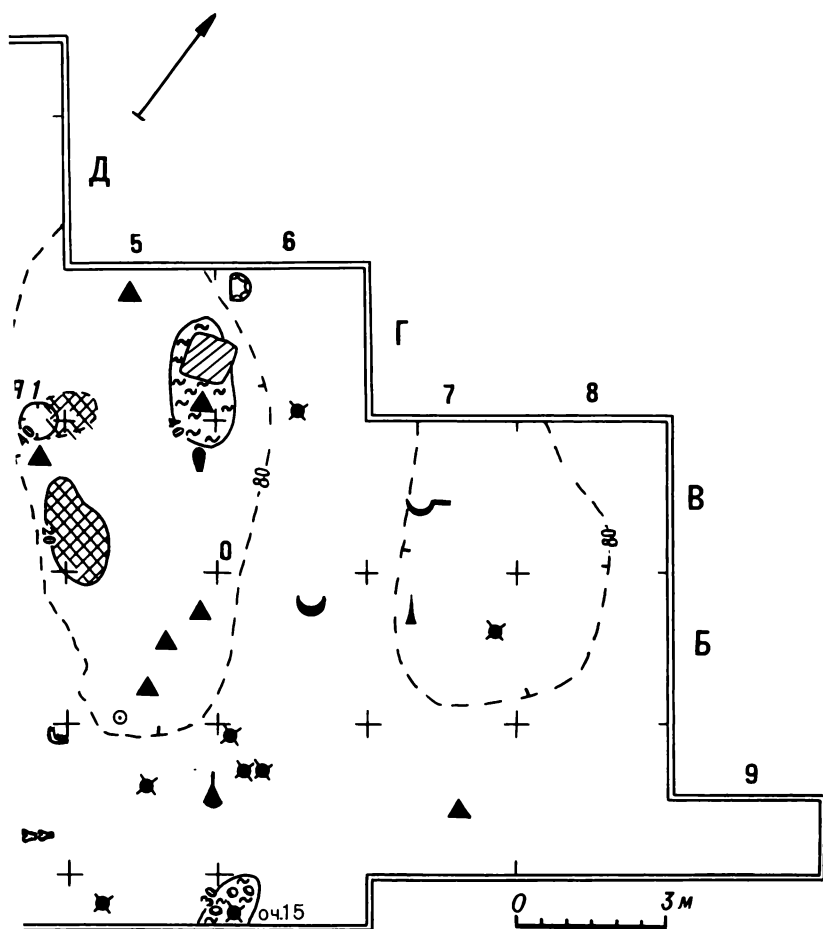

Рис.6. Раскоп I. Очертания сооружений и местонахождение основных

находок на гл. 0-80 см.

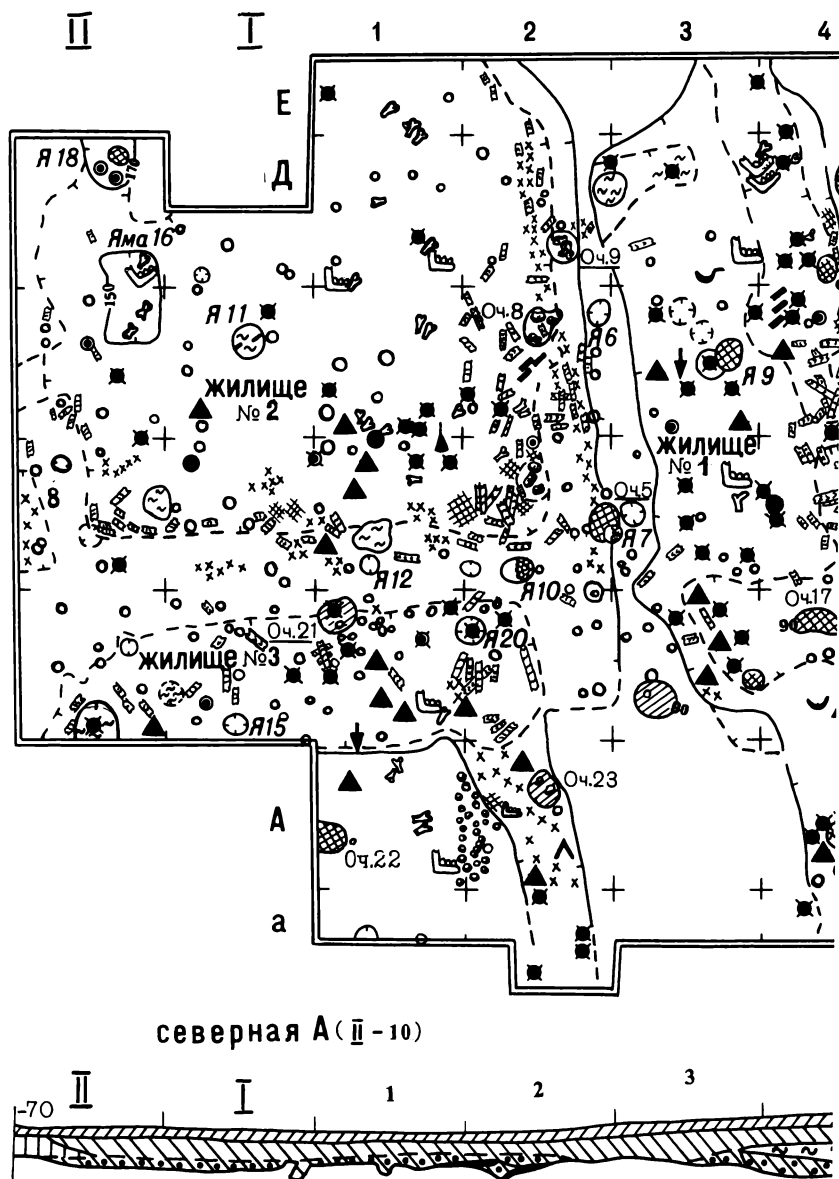
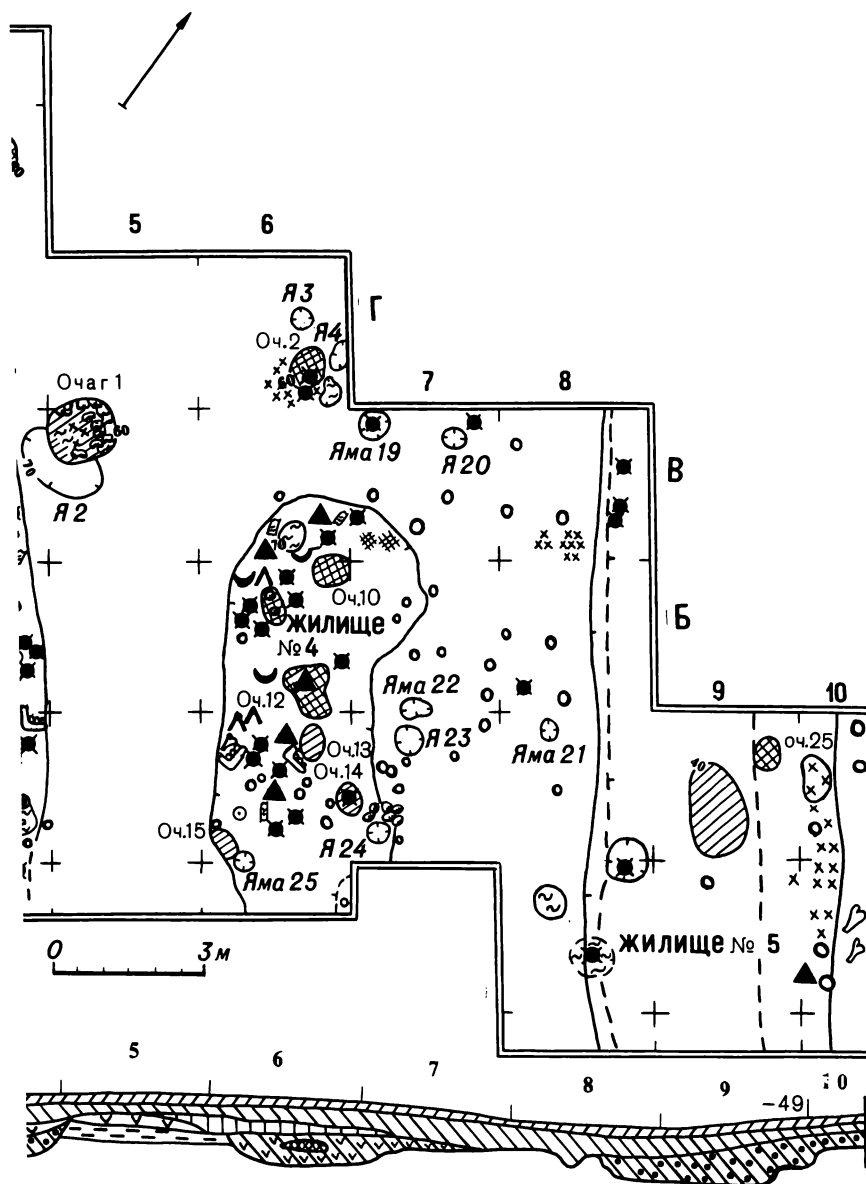
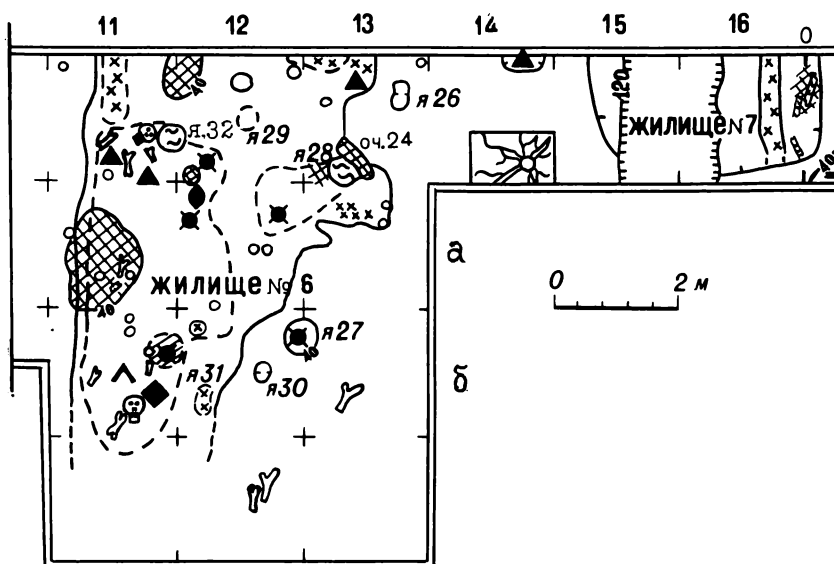

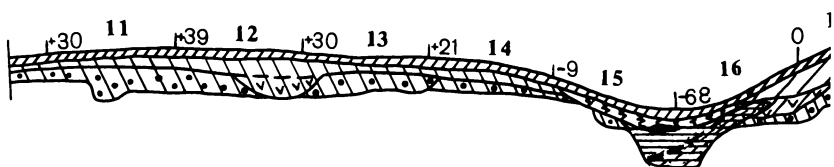
Рис.7. Раскоп I. Очертание сооружений и местонахождение сосудов и веи

на гл. 100-140 см. Разрез по линии северной стенки уч. А/II-10.

север

1 - граница раскопов, 2 - очертания сооружений эпохи бронзы на гл. 100-110 см (раскоп I, рис. 7) и на гл. 140 см (раскоп II рис. 11), 3 - очертания сооружений эпохи бронзы на гл. 120-130 см и более (раскоп I, рис. 7), 4 - граница грабительского вкопа на гл. 140 см (раскоп II, рис. 11), 5 - границы рва и вала городища потчевашской культуры на поверхности (раскоп II, рис. 11), 6 - границы углубленного сооружения потчевашской культуры (раскоп II, рис. 11), 7 - граница современного грабительского вкопа (раскоп II, рис. 11), 8 - очертания рвов с указанием глубины в процессе расчистки (раскоп II, рис. 11), 9 - очертания сооружений в жилищах потчевашской культуры (раскоп I, рис. 7; раскоп II, рис. 11), 10 - прокаленный слой, 11 - спекшаяся глина, 12 - зола, 13 - углистые пятна и скопления углей, 14 - глина (раскоп I, уч. Б/21, рис. 7), 15 - мелкие обожженные кости (кальцинированные), 16 - серый песок (раскоп I, гл. до 80 см, рис. 6), 17 - скопление шлака (раскоп I, уч. Б/17, рис. 7), 18 - столбовая ямка, 19 - целый сосуд эпохи бронзы, 20 - целый сосуд или развал сосуда эпохи бронзы, стоявший вверх дном, 21 - пряслице (раскоп I, уч. Б/4, рис. 9), 22 - развал сосуда эпохи бронзы, 23 - развал сосуда и скопление керамики потчевашской культуры, 24 - скопление керамики эпохи бронзы, 25 - вымостка из обожженных камней (раскоп I, уч. В/2, рис. 7), 26 - скопление крупных кирпичей в очагах (раскоп I, рис. 7), 27 - скопление ямок от кольев (раскоп I, уч. А/12, рис. 7), 28 - крупный камень (наковальня ?) (раскоп I, уч. В/21, рис. 7), 29 - крупные деревья, 30 - обугленные жерди, 31 - береста и березовые жерди (раскоп I, рис. 7), 32 - кости конечностей и крупных животных, 33 - фрагмент черепа и челюсти крупных животных, 34 - бронзовый идолчик (раскоп I, уч. А/4, гл. 45 см), 35 - череп человека (раскоп I, уч. а 11, рис. 7), 36 - каменный скребок (раскоп I, уч. Г/6, рис. 7), 37 - обломки тигля (гл. 50-80 см), 38 - льячка (раскоп I, уч. В/7, гл. 35-50 см, рис. 7), 39 - обломки литейных форм (раскоп I, уч. А/2, Б/II, Б/1, А, Б/6, рис. 7), 41 - бронзовый наконечник стрелы (раскоп I, уч. В/2, гл. 80 см, рис. 7), 42 - железный нож (раскоп I, уч. Д/1, гл. 15 см, рис. 6), 43 - бронзовое острие (раскоп I, уч. В, Г, /1, гл. 65 см, рис. 7), 44 - железное шило (раскоп I, уч. А/5, гл. 25 см., рис. 6), 45 - обломок шлифованного каменного изделия, 46 - обломок изделия из камня, 47 - лошито из гальки (раскоп I, уч. а/2, рис. 6), 48 - каменный терочник (раскоп I, уч. В/II, В/5, рис. 6).

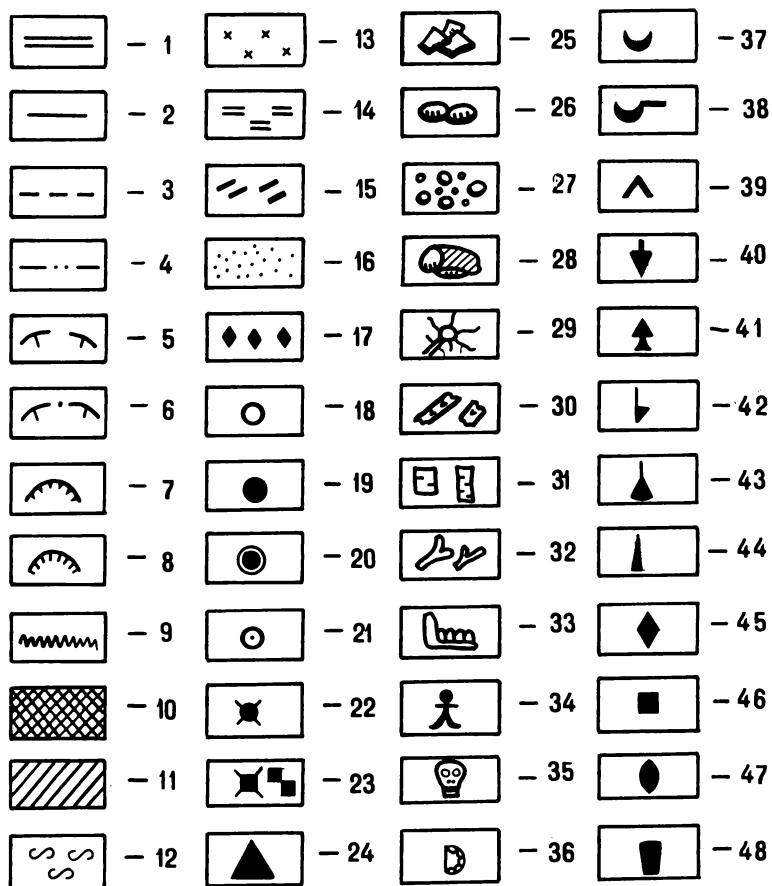

Рис.8. Условные обозначения к планам раскопов I,II (рис.6,7,11).

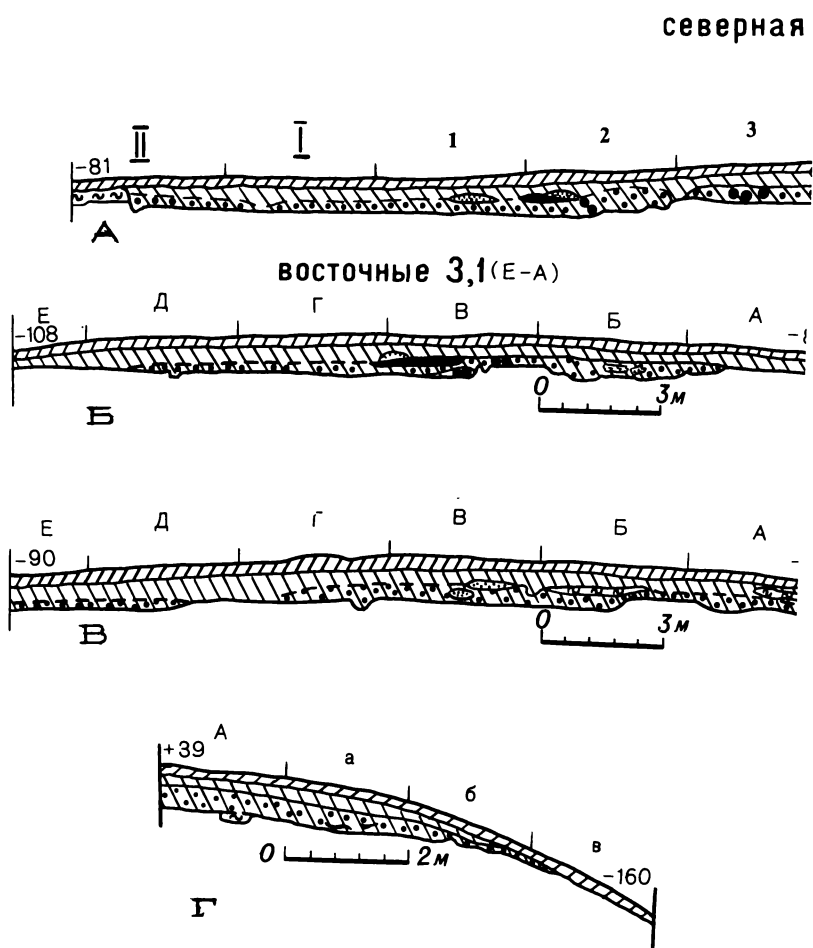

Рис. 9. Разрезы. А,Б,В,Г - раскоп I, Д - траншея 6, Е - траншея 5.

3(II - 8)

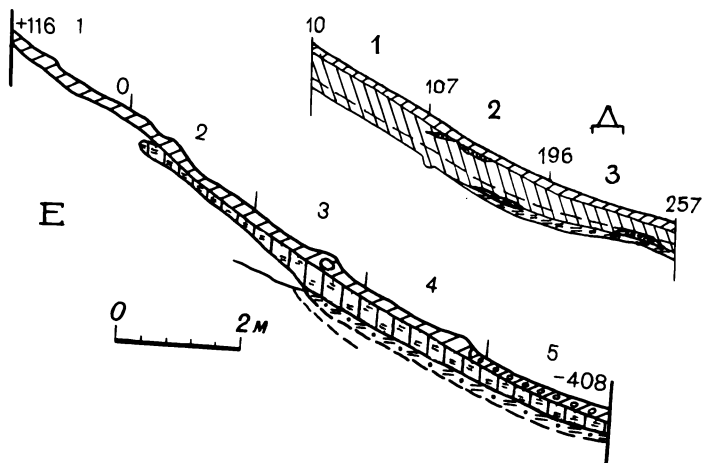
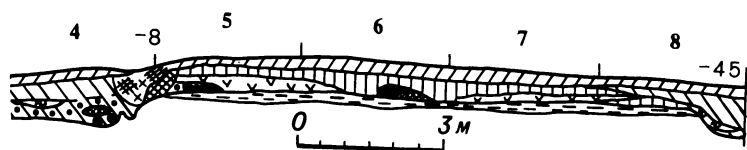

Рис. 10. Раскоп I. Процесс работы.

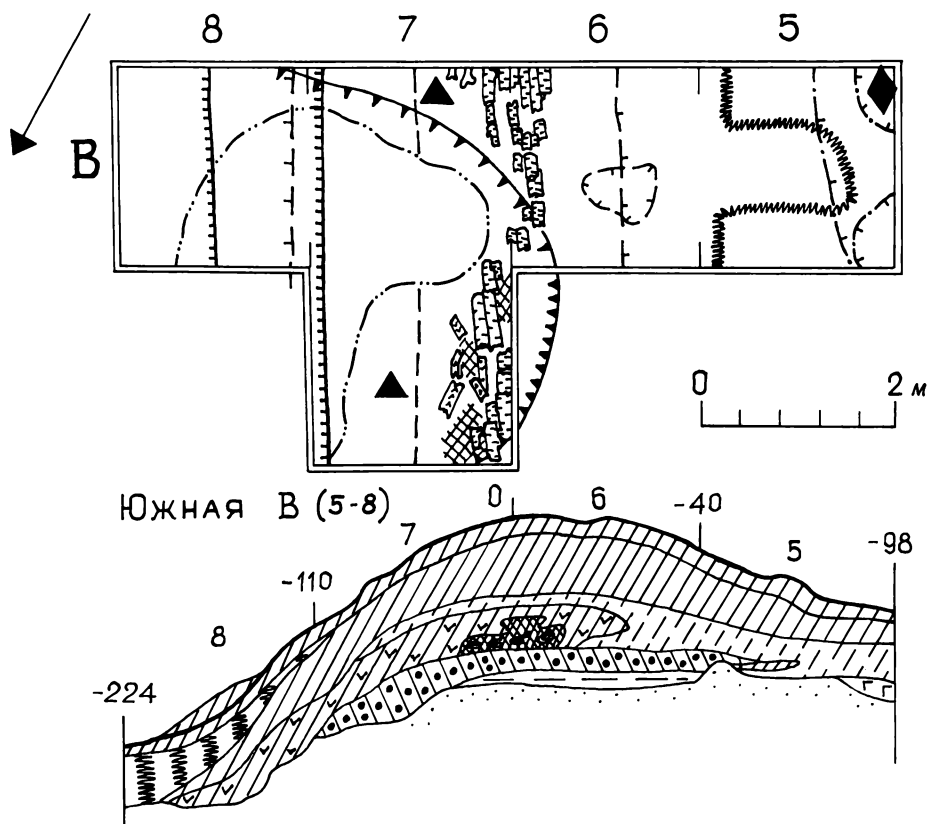

Рис. 11. Раскоп II. Очертания сооружений и местонахождение находок.
Разрез вала.

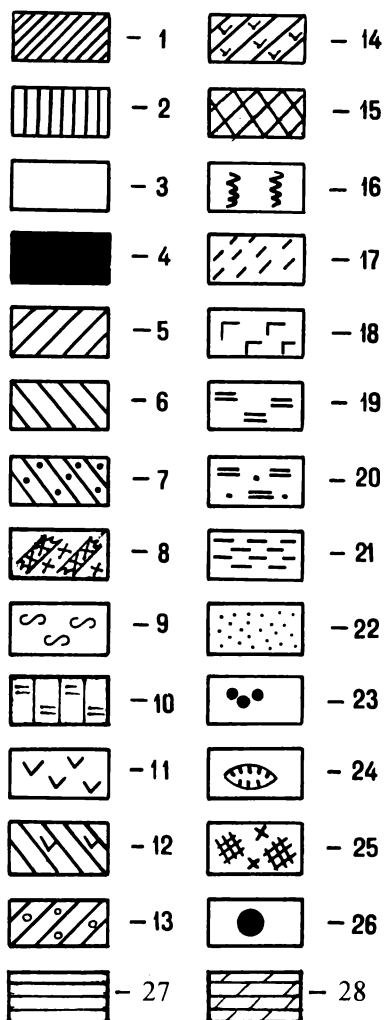

Рис.12. Условные обозначения к разрезам (рис.7,10,11).

1 - дерн, 2 - темно-серая супесь с золой (*зольник эпохи позднего средневековья*), 3 - материковый слой (*песок, суглинок*), 4 - углистая супесь, 5 - светло-серая зольная супесь с прослойками золы, темной земли, углистой супеси, глины с землёй (*насыть вала городища потчевашской культуры*), 6 - темная гумусированная супесь, (*верхнее заполнение сооружений эпохи бронзы*) 7 - темная гумусированная супесь более пестрая, чем слой 6, с углями, пятнами углистой супеси и прокала (*нижнее заполнение жилищ эпохи бронзы*), 8 - обугленные жерди или скопление углей, 9 - зола, 10 - темно-серый суглинок, 11 - глина с линзами темной супеси, 12 - темная гумусированная супесь с золой и мелкими вкраплениями глины (*заполнение жилища 4 эпохи бронзы*), 13 - дерн с железистыми включениями, 14 - глина, перемешанная с землей (*вал городища потчевашской культуры*), 15 - прокаленный слой, 16 - темный гумусированный грунт с корнями (*верхнее заполнение рва городища потчевашской культуры*), 17 - темный рыхлый гумусированный грунт (*верхнее заполнение жилища потчевашской культуры*), 18 - черная плотная земля (*заполнение канавок в жилище потчевашской культуры*), 19 - плотная глина, 20 - суглинок с железистыми включениями (*материковый слой у подножия Чудской Горы, траншея б*), 21 - темно-серая плотная супесь (*погребенная почва*), 22 - серый песок, 23 - торцы обугленных жердей, 24 - земля с чешуей и костями рыбы, 25 - темный пестроцветный грунт (*заполнение поздней ямы 1*), 26 - сосуд эпохи бронзы, 27 - темный плотный грунт (*верхнее заполнение рва городища потчевашской культуры*), 28 - темный плотный грунт с включениями глины и углистой супеси (*нижнее заполнение рва потчевашской культуры*).

Рис.13. Раскоп I. Разрез рва и вала городища эпохи раннего средневековья на уч.А/15-17 (слева - ров, справа котлован жил. 7 эпохи бронзы, перекрытый выкидом из рва).

Рис.14. Раскоп I. Разрез вала городища потчевашской культуры между 3 и 4 площадками Чудской Горы. Вид с запада.

Рис.15. Керамика группы I (4-5) и группы II (1-3). 1-сос.130, жыл.5, уч.а/8; 2 - сос.63, жыл.2, яма 18; 3 - жыл.3, уч.Б/1; 4-сос.115,жыл.3, уч.а/2; 5-сос.24, жыл.1, уч.Г/3, яма 9.

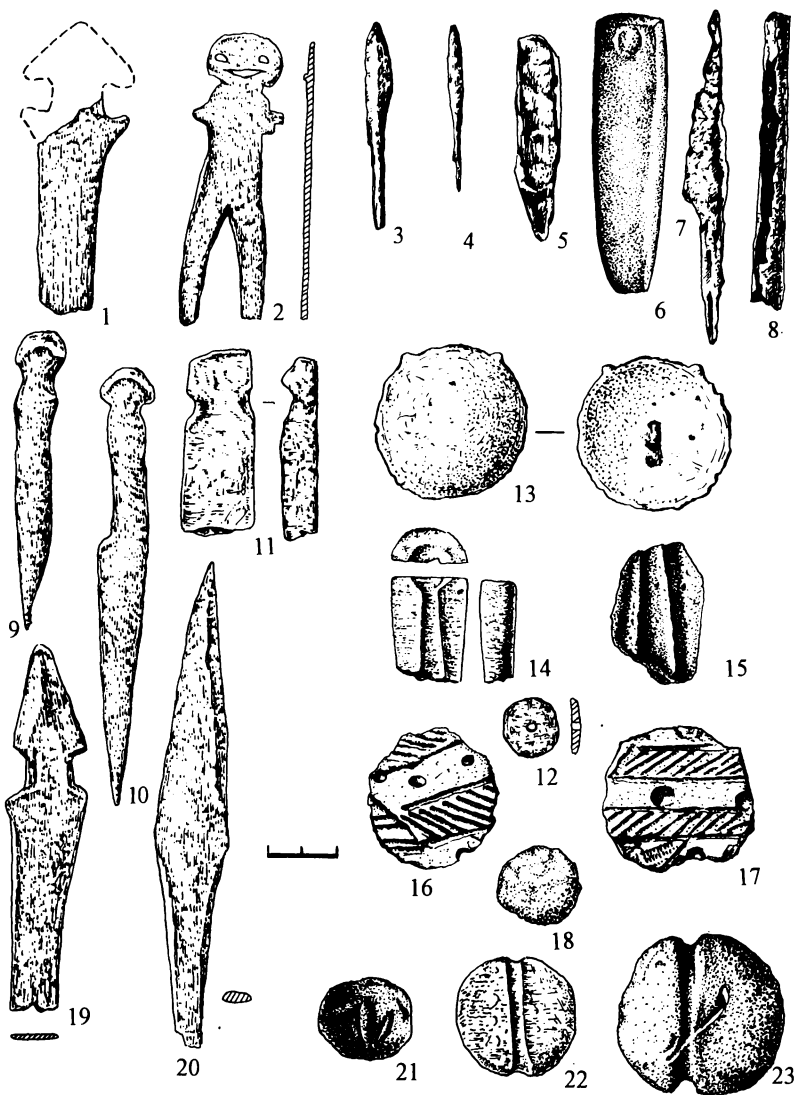

Рис.16. Вещевой инвентарь.

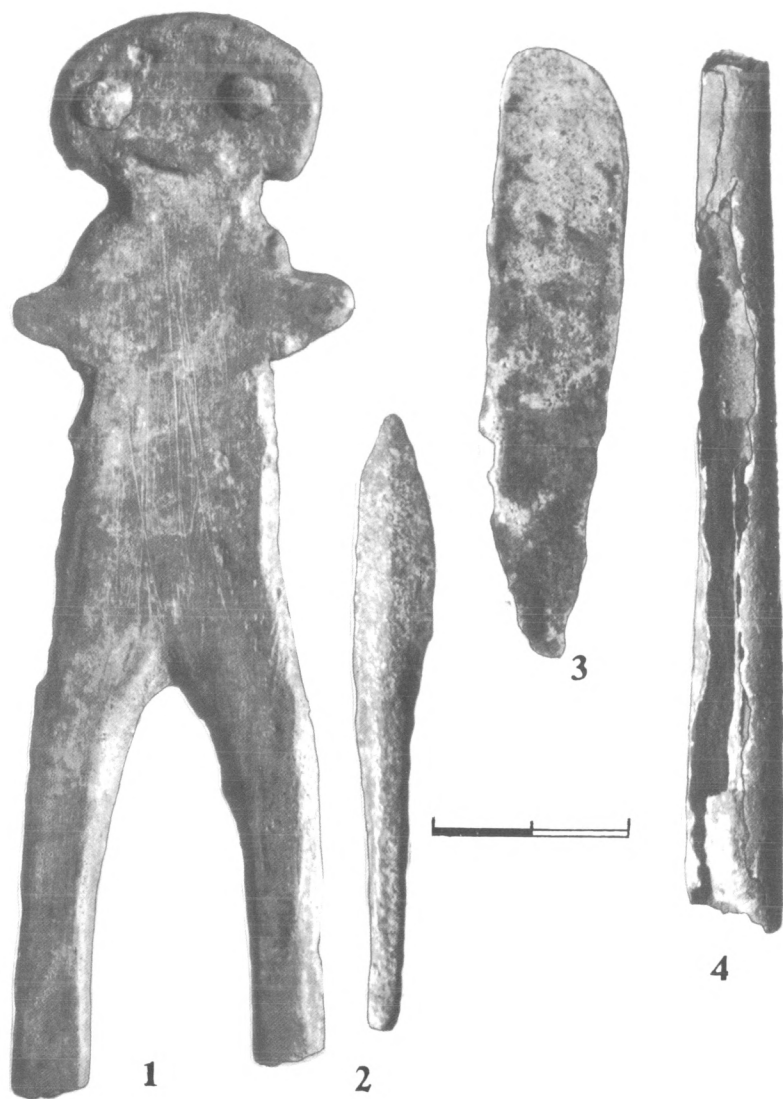
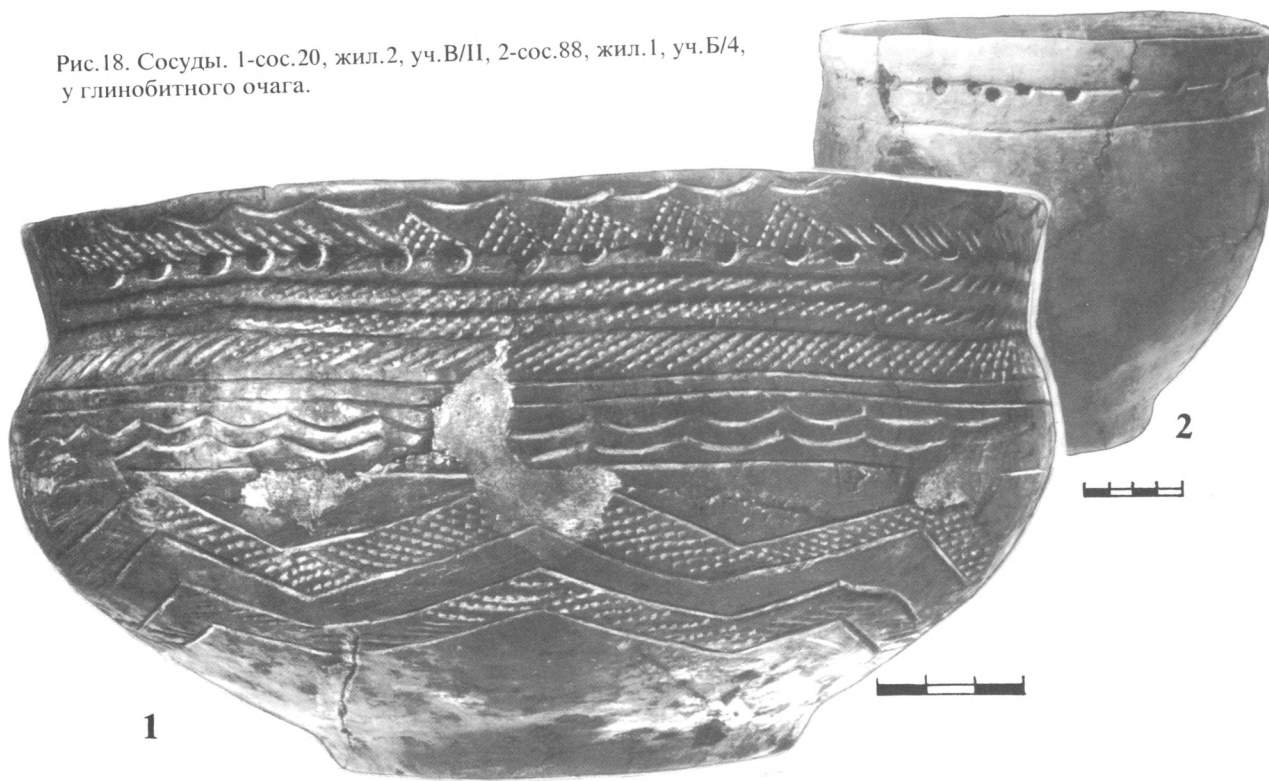

Рис.17. Изделия из бронзы. 1 - антропоморфная фигурка (жил.1, уч.А/4, гл.45), 2 - наконечник стрелы (жил.1, уч.Г/3, гл.52), 3 - нож (жил.1,уч.Г/3, гл.40), наконечник острия (жил.2, уч.В,Г/2, гл.65).

Рис.18. Сосуды. 1-сос.20, жил.2, уч.В/II, 2-сос.88, жил.1, уч.Б/4,
у глинобитного очага.

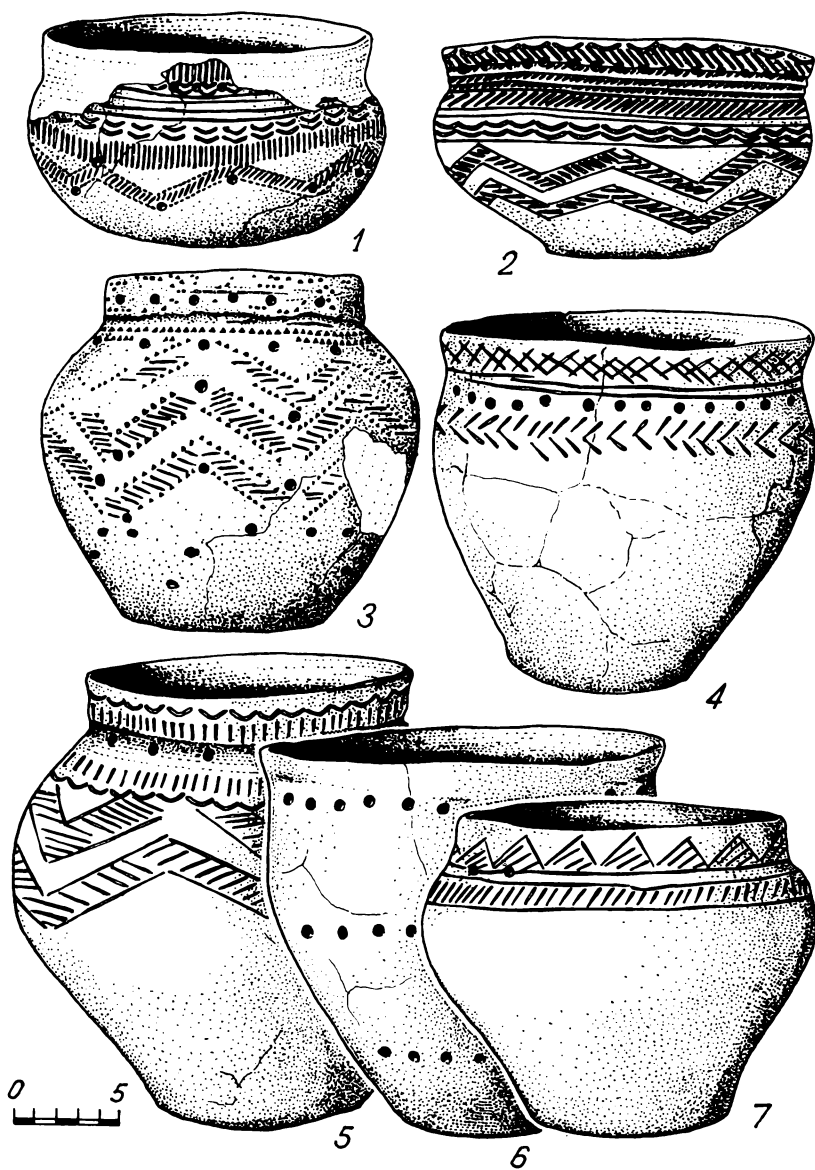

Рис.19. Посуда эпохи бронзы. 1-группа III, 2,4,5,7 - группа II,3-группа IV. 1- сос.128, жил.6, уч.а/12, яма 28; 2-сос.20, жил.2,уч.В/II; 3-6-жил.1: уч.Д/3, сос.95, уч.А/4, очаг 18, уч.Д/3, сос.87, уч.Б/4, глинобитный очаг; 7- сос.83, жил.4, уч.А/6.

Рис.20. Сосуды группы II (1,3-8) и группы III (2). 1-сос.109, жил.3, уч.Б/2, яма 20; 3,5,6,8-жил.1: сос.49, уч.Д/3, сос.19, уч.В/4, сос.58, уч.Д/3, сос.26, уч.Г/4; 2,4-жил.4: сос.70,73, уч.Б/6, очаг 11.

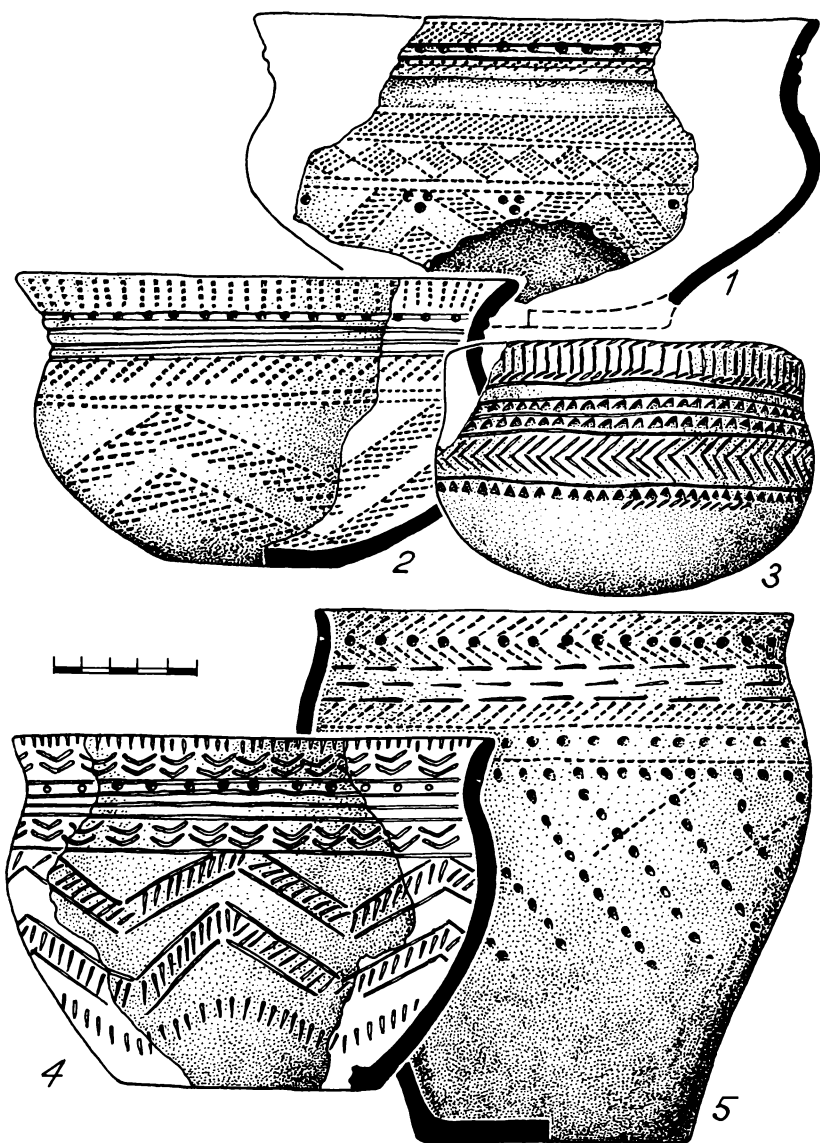

Рис.21. Сосуды группы II (1,2,4,5) и группы III (3). 1,2,3,5 - жил.2: уч.Д/1; уч.Г/1; сос.64, уч.Е/1; сос.62, уч.д/II, яма 18; 4-жил.1,уч.Г/4.

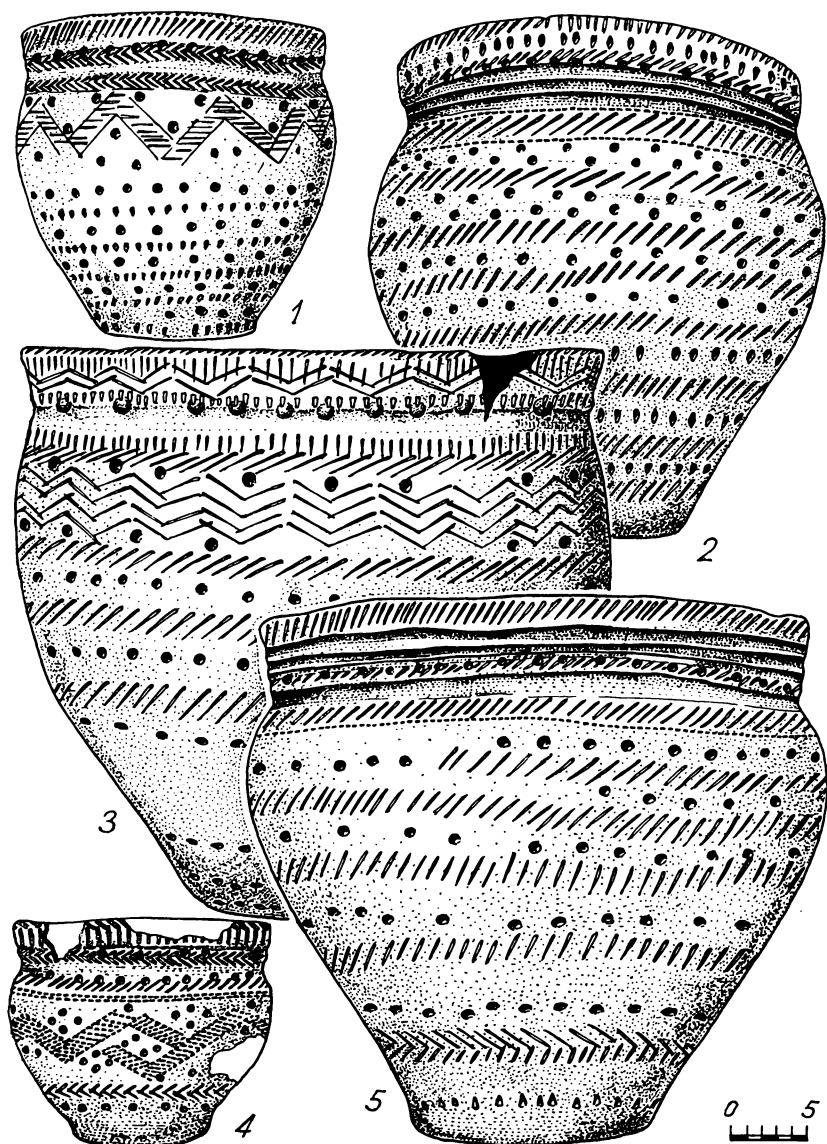

Рис.22. Сосуды группы I (2,3,5) и группы II (1,4). 1,2-жил.3, уч.Б/II, сос.114 и сос.36; 3,4-жил.2, уч.Г/1, сос.18 и сос.33; 5-жил.1, сос.51,уч.Д/2.

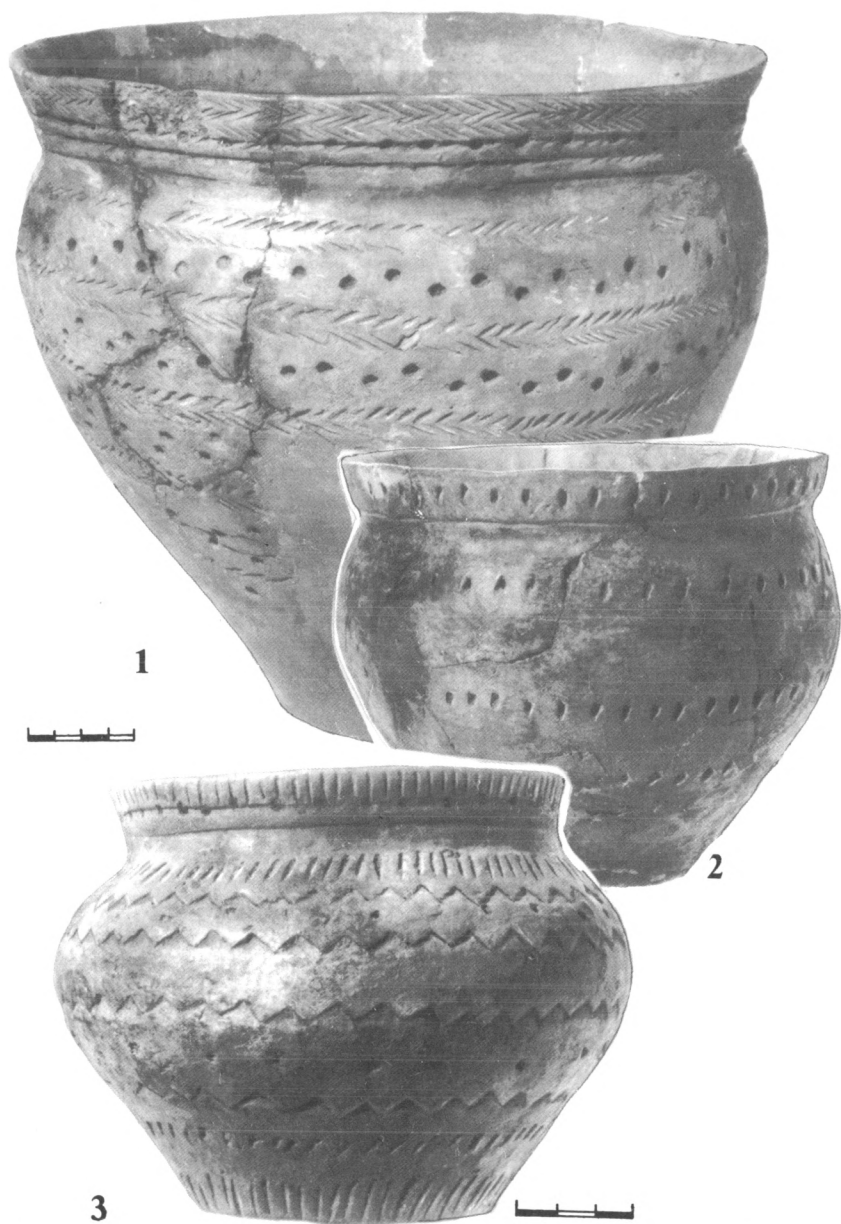

Рис.23. Сосуды группы I (1) и группы II (2,3). 1,3-жыл.1: сос.50,уч.Д/4, сос.26, уч.Г/4; 2-жыл.8, сос.139, уч.А/19.

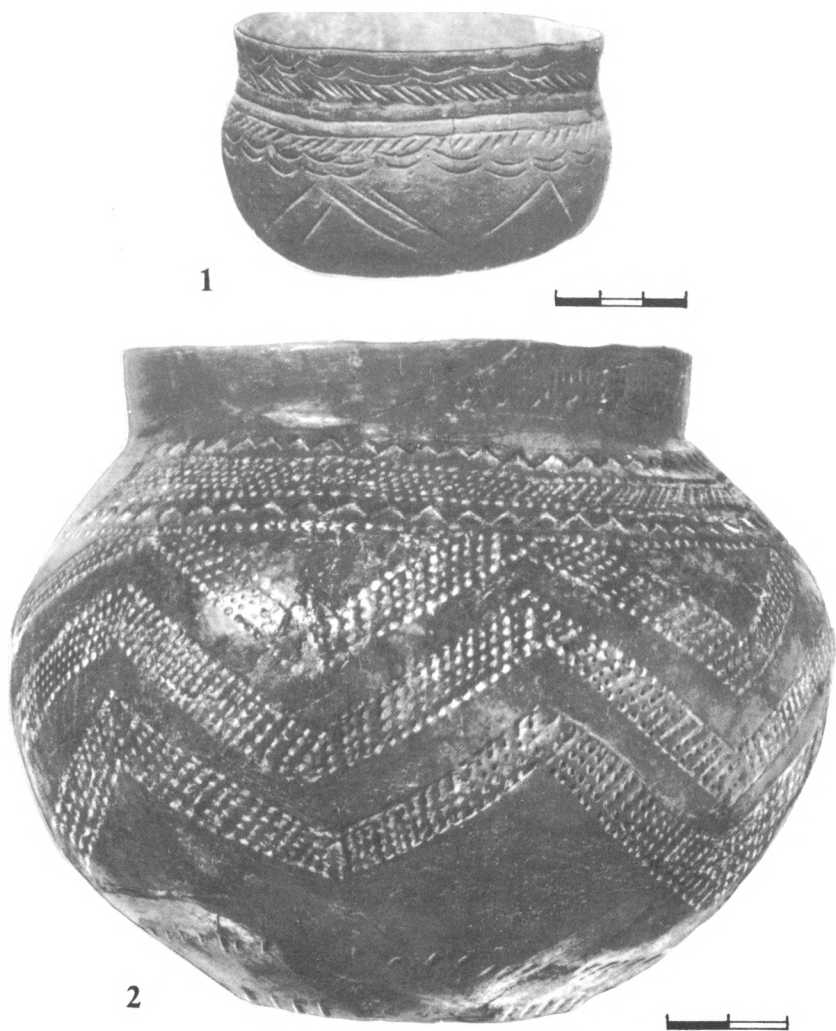
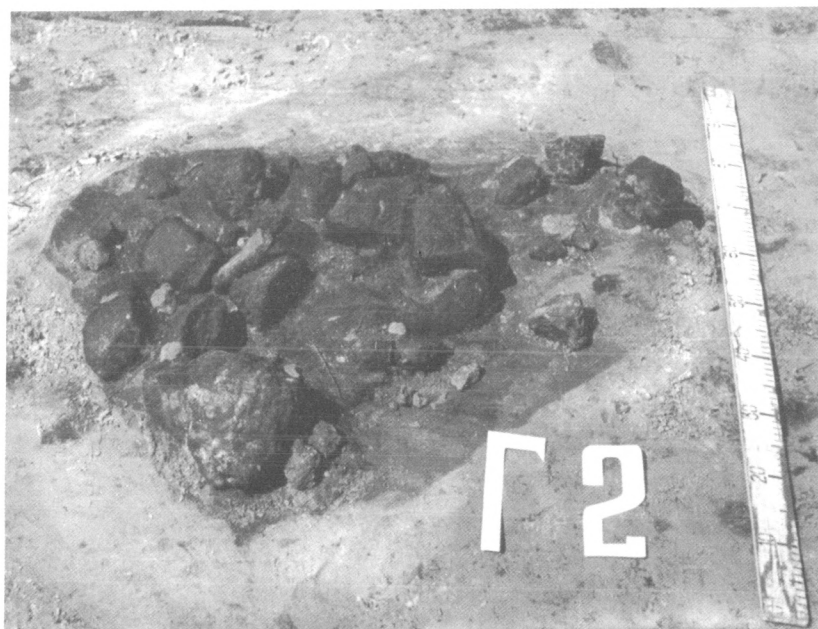

Рис.24. Сосуды группы III (1) и группы IV (2). 1-сос.54, жил.1,уч.Д/4, 2-сос.57, уч.В/7, яма 19.

А - сосуд 37, жил.1, уч.Г/3

Б - жил.2, очаг 8.

Рис.25. Чудская Гора.

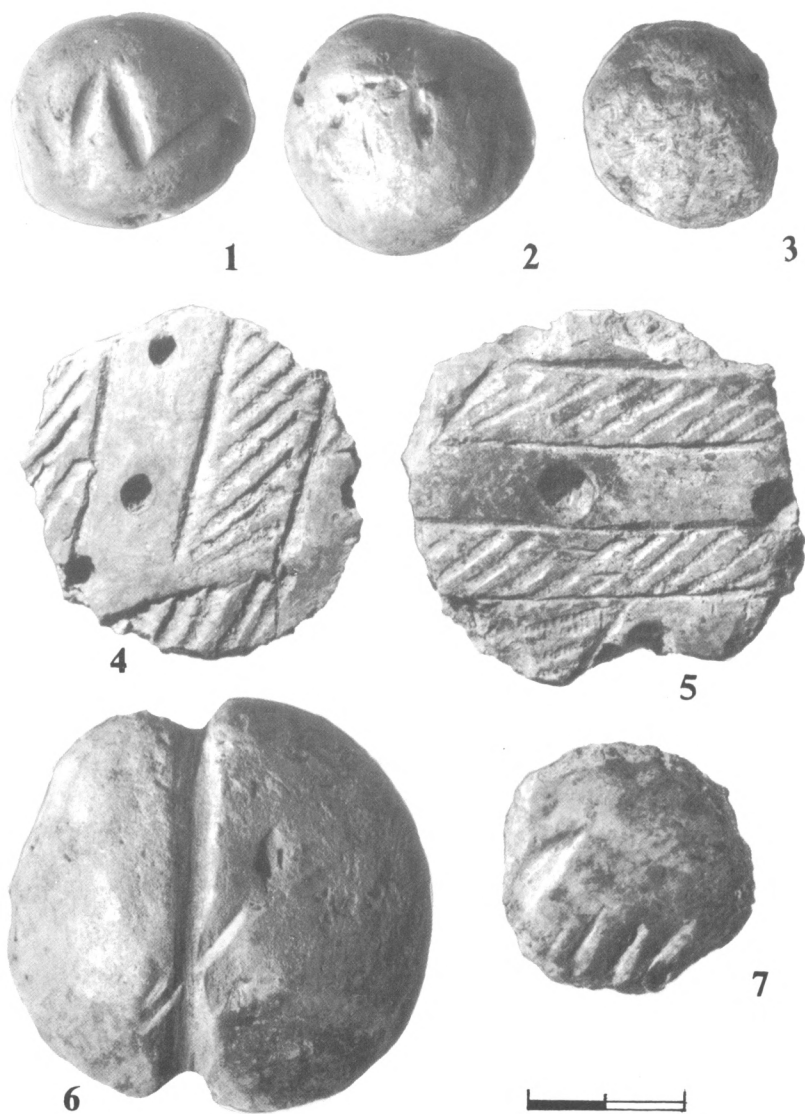

Рис.26. Изделия из глины. 1-бусина, 2,3-шарики, 4,5,7-кружки,6-грузило. 1-жил.2, уч.Д/2; 2-жил.1, уч.Г/3, 3-жил.5, уч.В/8, 4-жил.6, уч.а/12, 5-жил.7, уч.А/18, 6-жил.4, уч.Б/6, 7-жил.8, уч.Б/21.

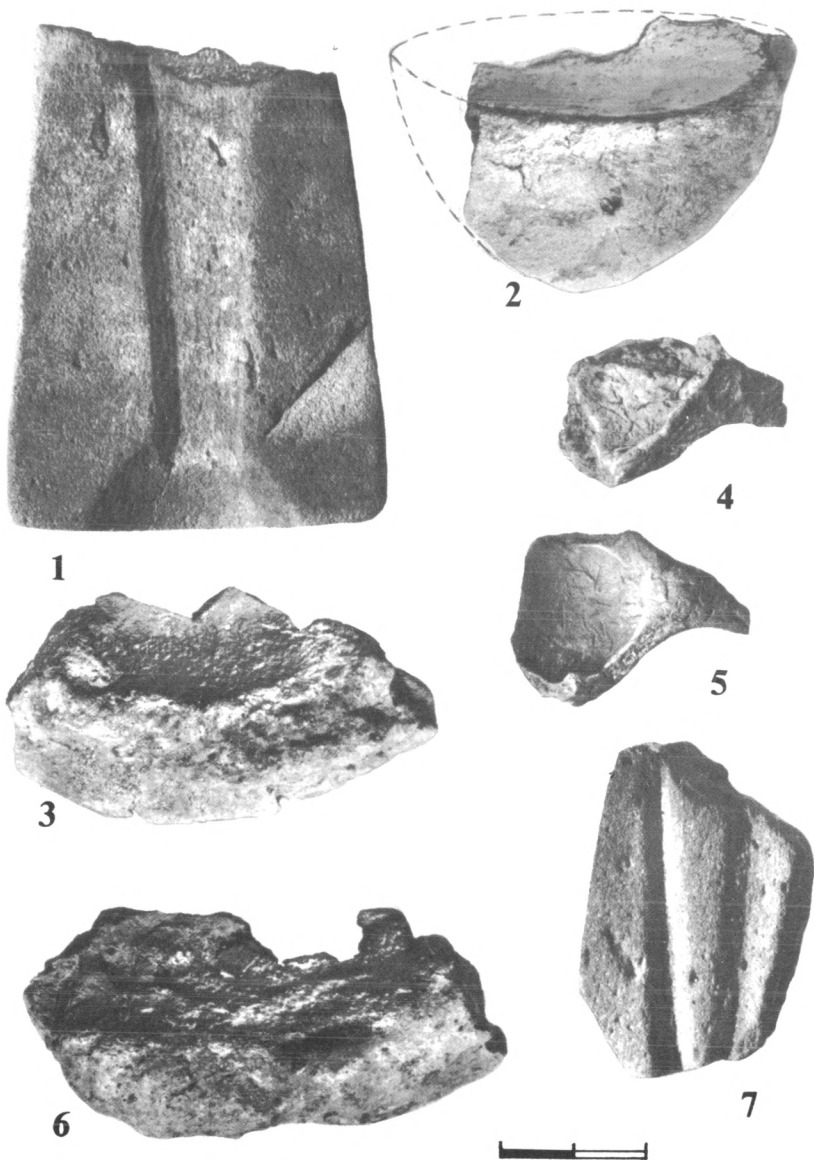
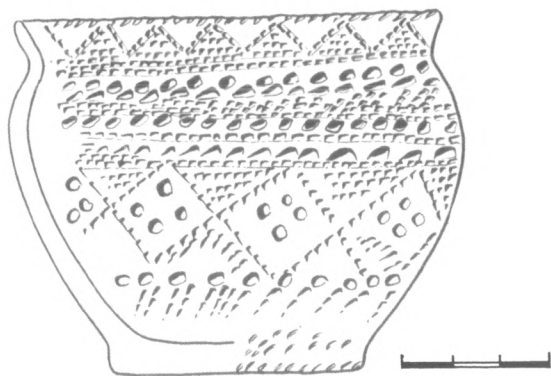

Рис.27. Предметы бронзолитейного производства. 1,7-обломки литейных форм, 2,3,6-тигли, 4,5-лячки. 1,2,5-7-жил. 4: уч.Б/6, В/6, В/6, А/6; 3-жил. 5, уч.В/8; 4-жил. 1, уч.Г/3. 1,7-камень, остальное - глина.

Рис.28. Раскоп I. Жил.2, очаг 7. На заднем плане стоящий вверх дном сос.35.

1

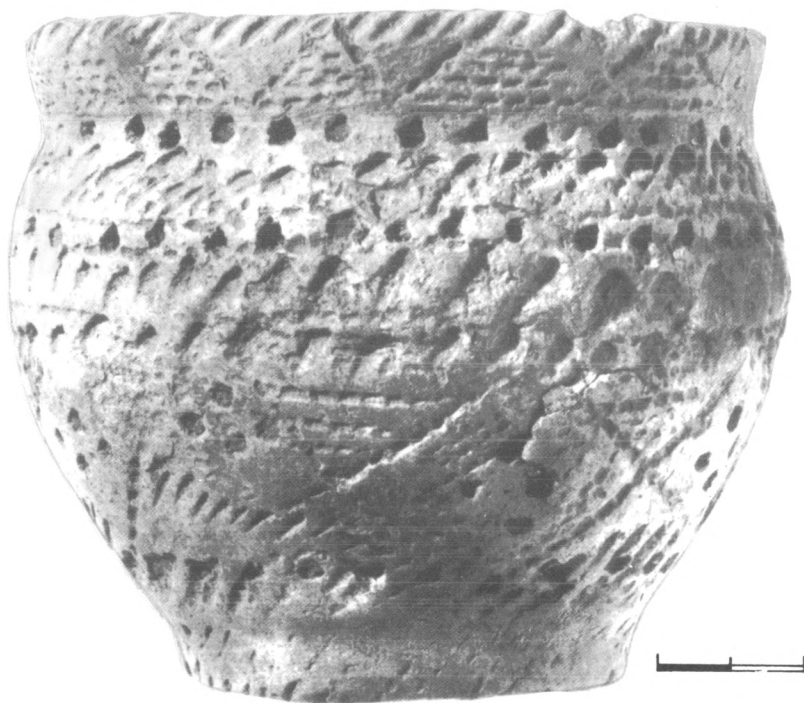
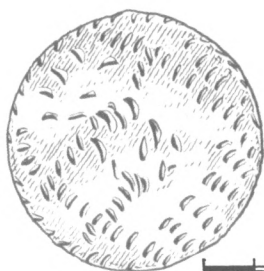
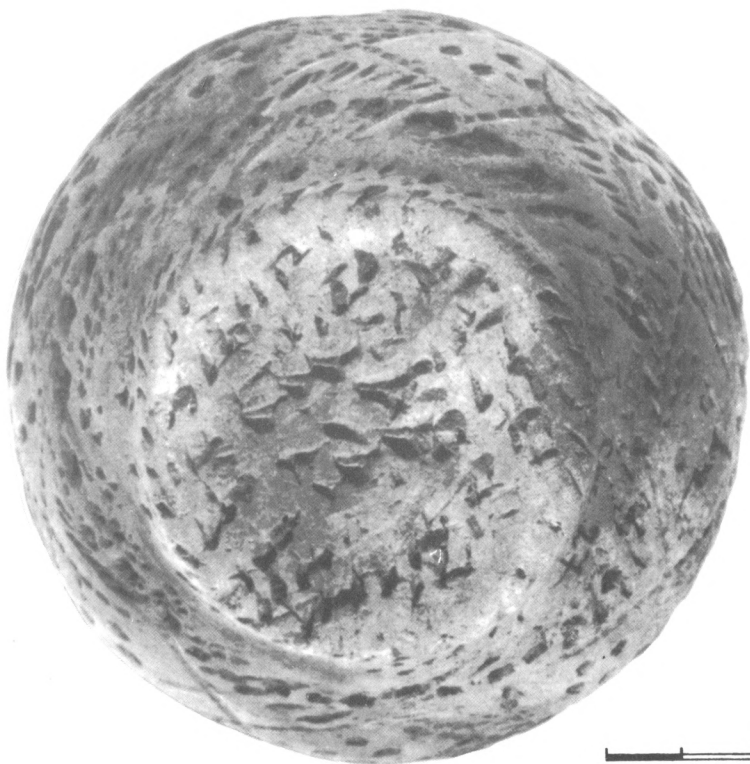

Рис.29. Раскоп I. Сосуд 27 из жил.2, уч. Б/І.

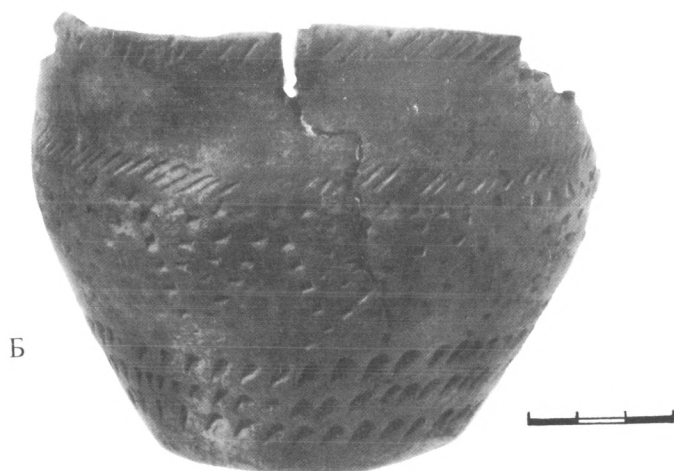

2

А

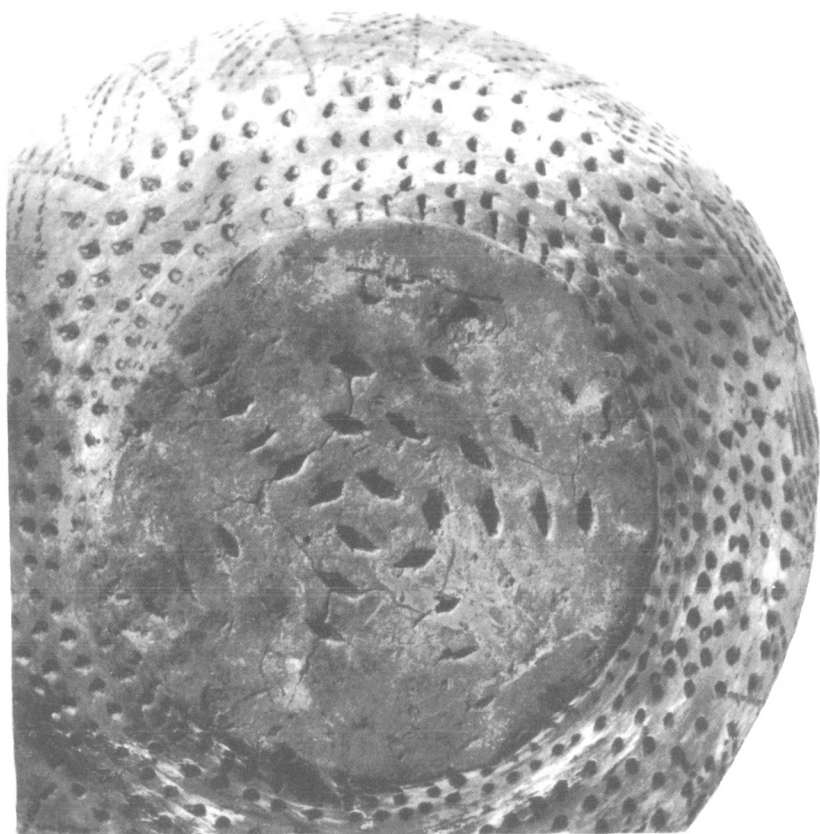

Б

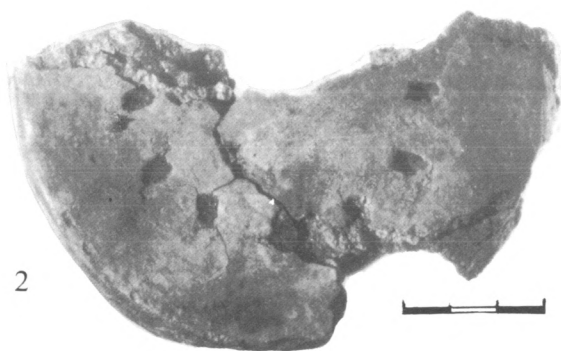
Рис.30. Раскоп I. А - сосуды 62,63, жыл.2, яма 18, Б - сосуд 39, жыл.3, уч.Б/II.

Рис.31. Сосуды группы II (9), группы III (2-4,10), группы IV (1) и миниатюрные сосудики (5-8). 1-сос.57, уч.В/7, яма 19; 2,5,10- жил.3: сос.44, уч.Б/II, сос.121, уч.Б/1, яма 31, сос.122, уч.Б/1, стоял вверх дном; 3-раскоп II, грабительский шурф; 4-сос.131, жил.6, уч.а/11; 7 - сос.1а, уч.Г/6, очаг 2; 6,8,9-жил.2: сос.29, уч.В/1, сос.40, уч.В/II, сос.27, уч.В/1;

1

2

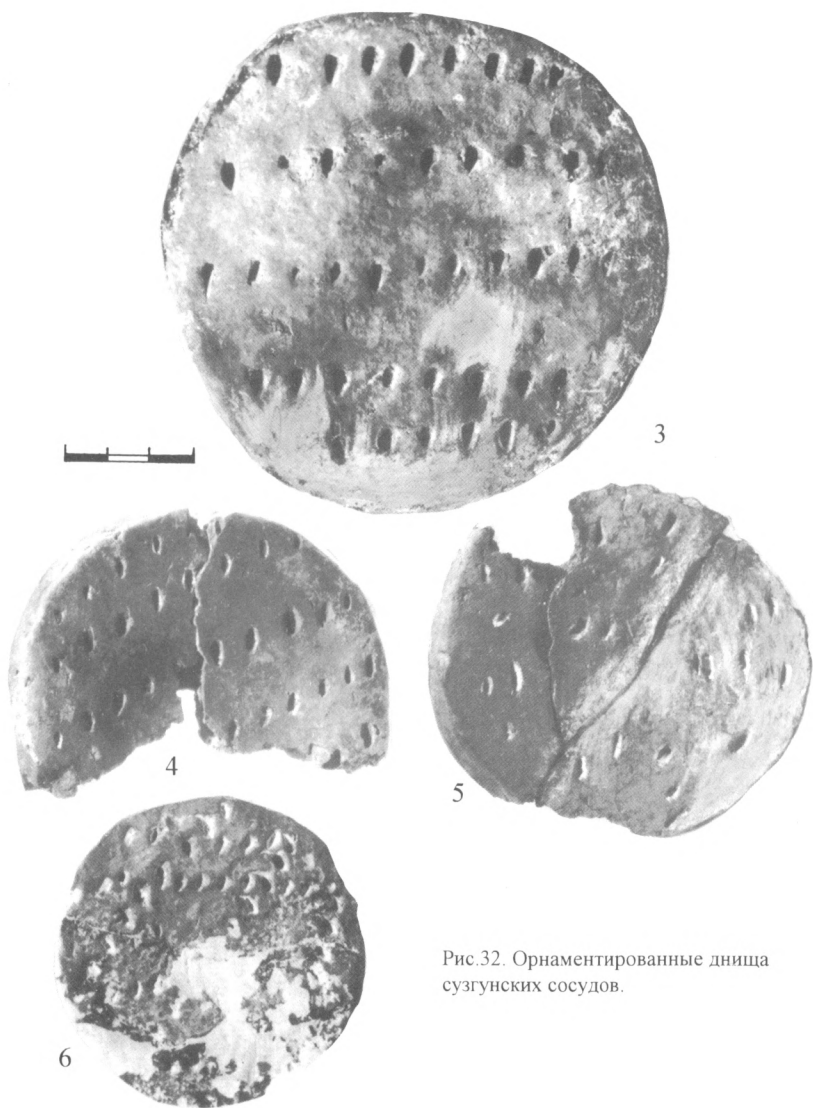

Рис.32. Орнаментированные днища
сузгунских сосудов.

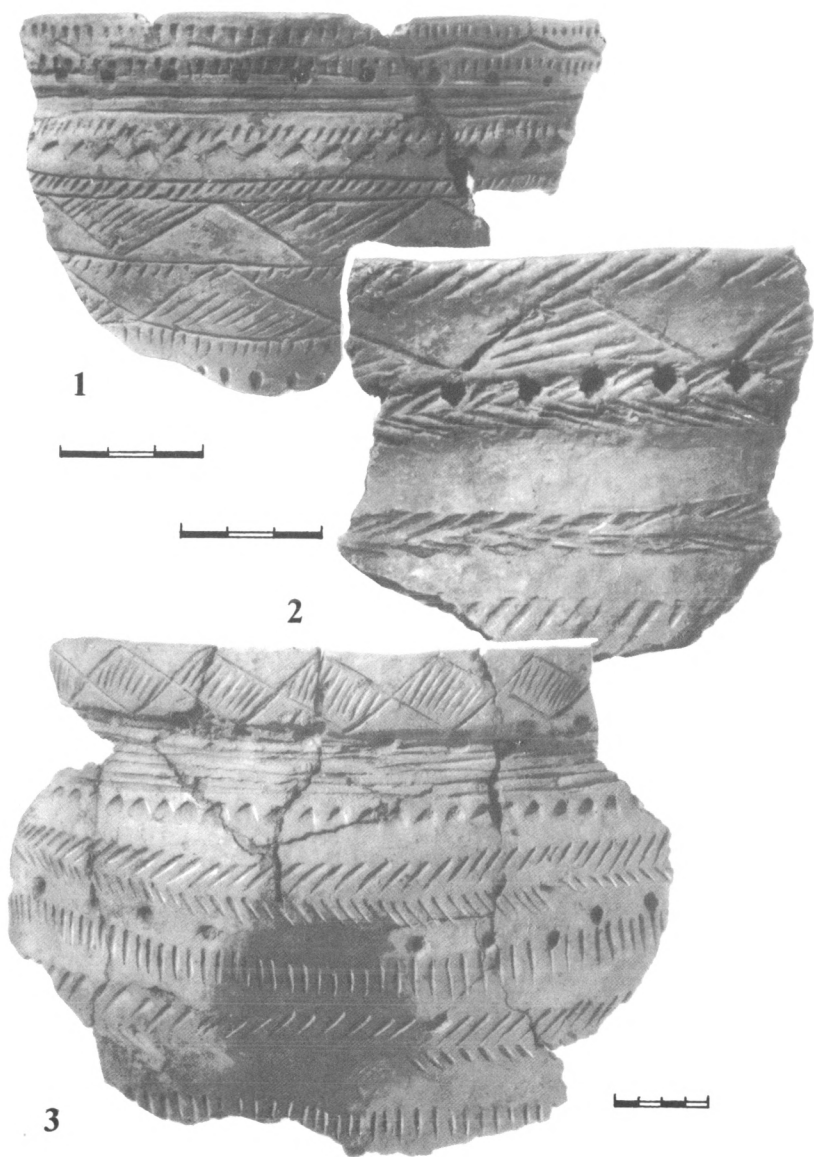

Рис.33. Сузгунская керамика. 1-жил.2, уч.В/1; 2-уч.В/8, 3-сос.132,жил.6, уч.А/12.

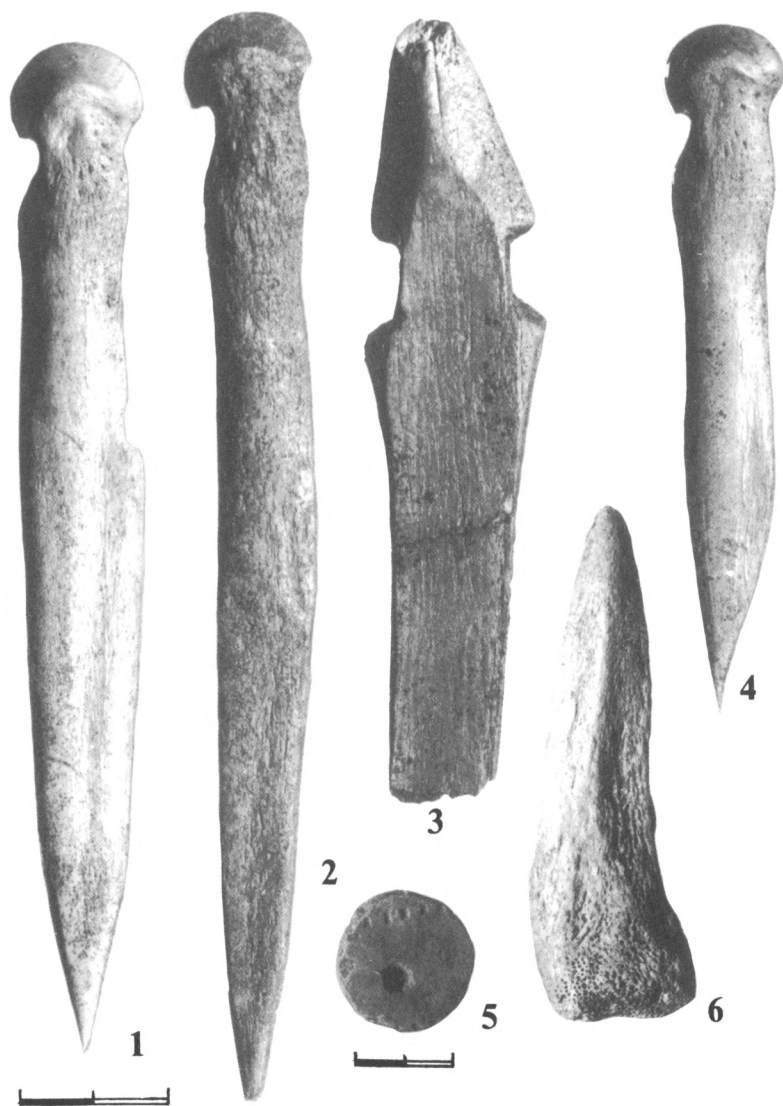

Рис.34. Изделия из кости (1-4,6) и глины (5). 1,2,4,6-проколки,3-концевая накладка для лука, 5-пряслице. 1,6-жил.2: уч.В/1,В/2;2-4-жил.4, уч.А/6,Б/6; 5-жил.1, уч.В/3.

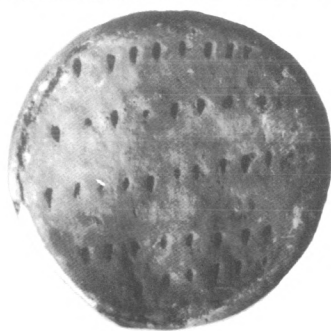

Рис.35. Сос.36 из
жил.3, уч.Б/2.

1

2

1 - сос. 114, жыл. 3, уч. а / 2

2 - сос. 133, жыл. 5, уч. а / 8, яма

Рис. 36. Сосуды

Рис.37. Обломок сосуда 79 из жил.4, уч.А/6, у очага.

Рис.38. Раскоп I. Очертания котлованов жил.5,6 на гл. 100 см. Вид с востока.

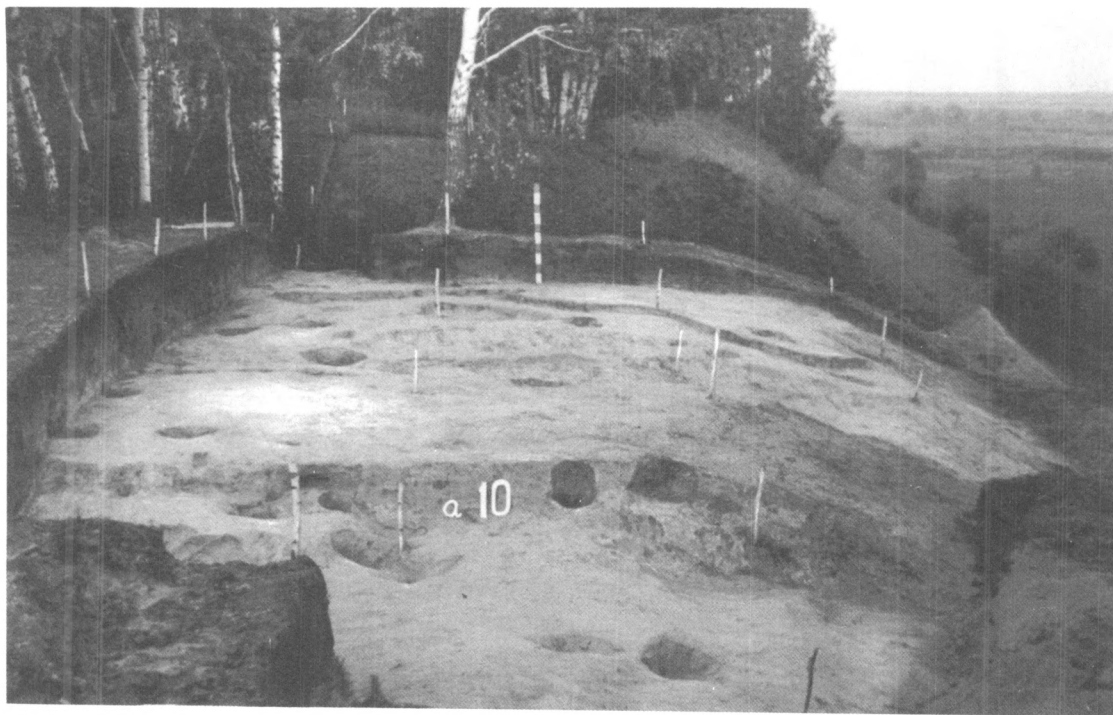

Рис.39. Раскоп I. Котлованы жил.5,6 после расчистки. Вид с запада.

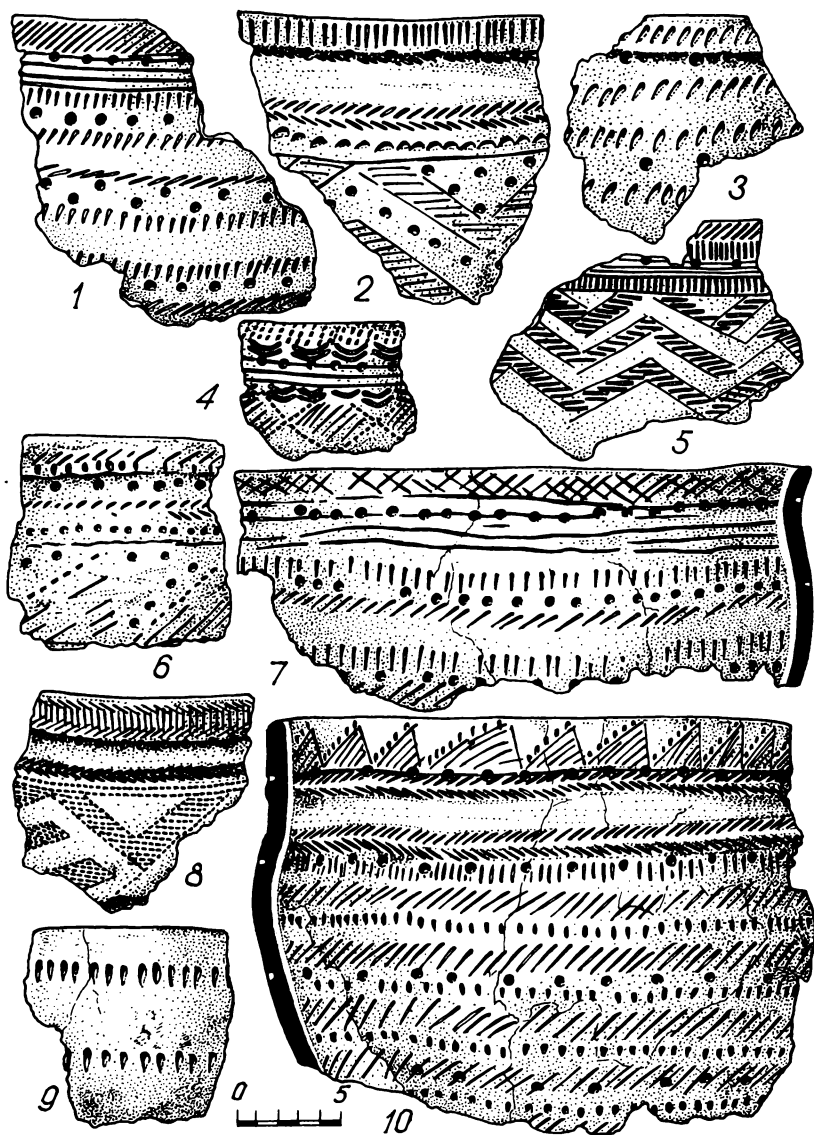

Рис.40. Сузгунская керамика. 1-траншея 6; 2,9-жил.5: уч.а,А/9; 3-8,10 сос. 132, жил.6, уч.А/12.

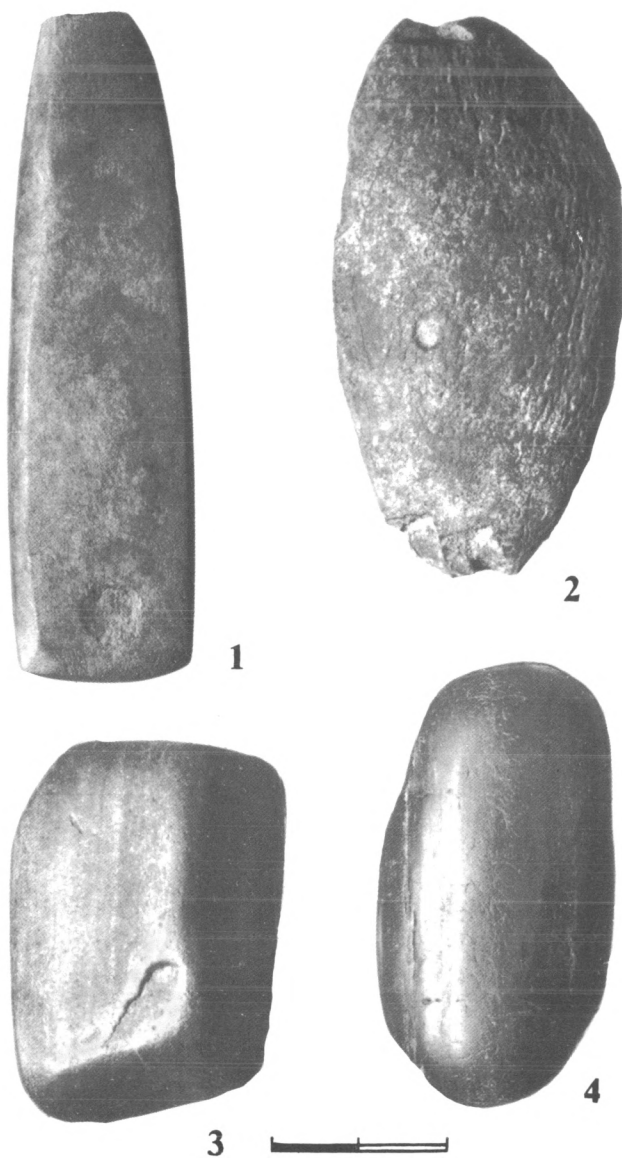

Рис.41. Изделия из камня. 1-оселок (жил.6, уч.а/11), 2-отбойник(уч.В/7), 3,4-песты (жил.6, уч.а/11, жил.8, уч.Б/20).

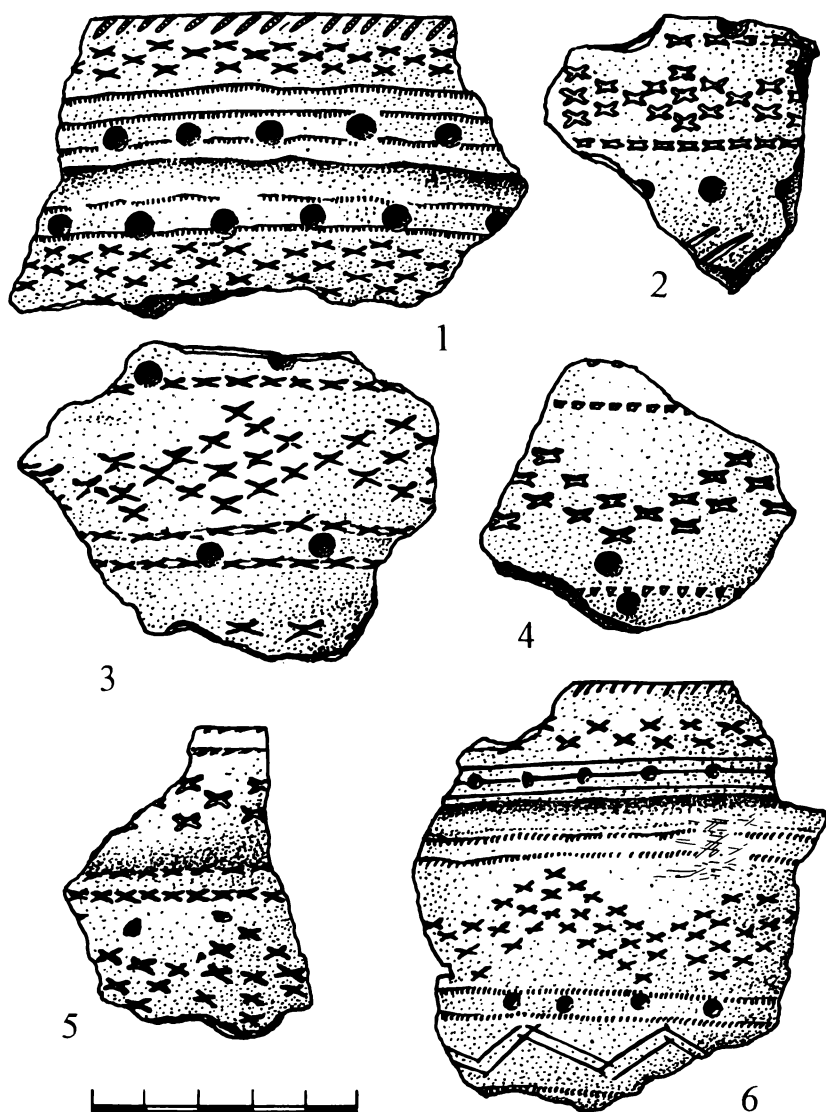

Рис.42. Керамика с крестовой орнаментацией из раскопа I.

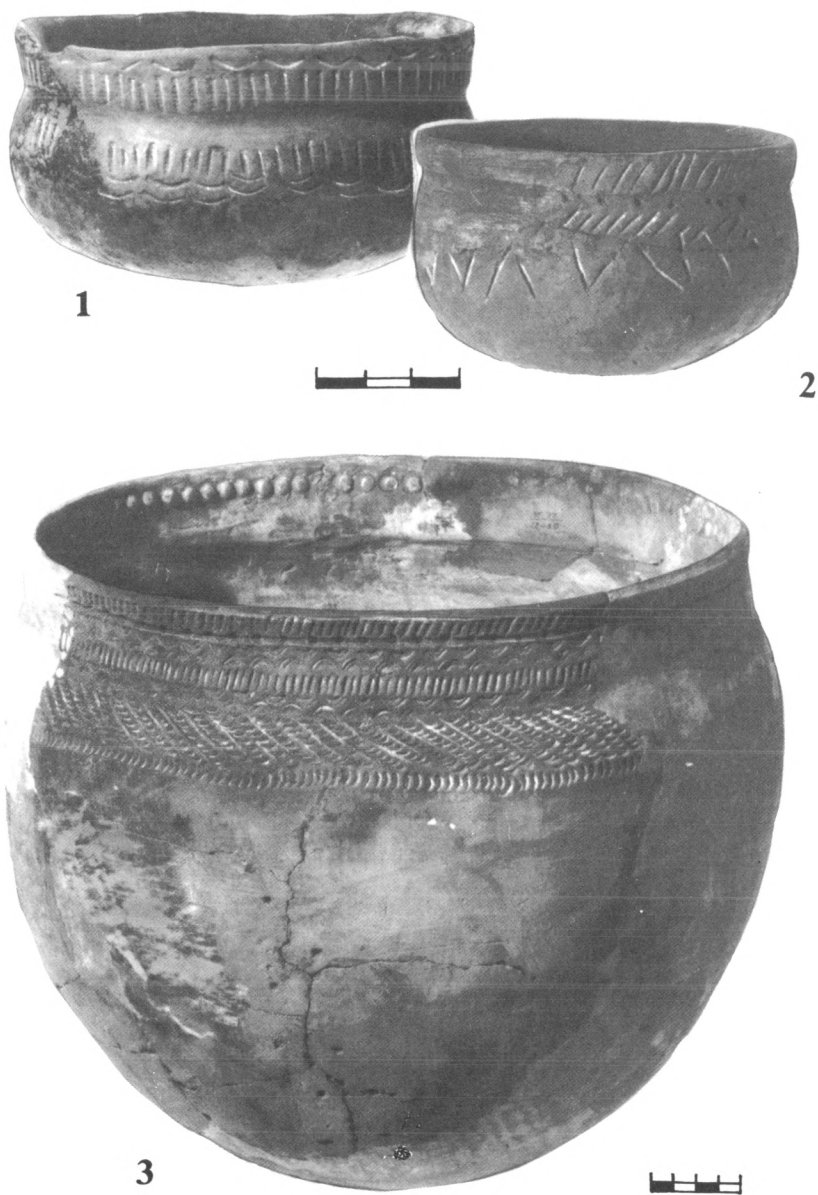
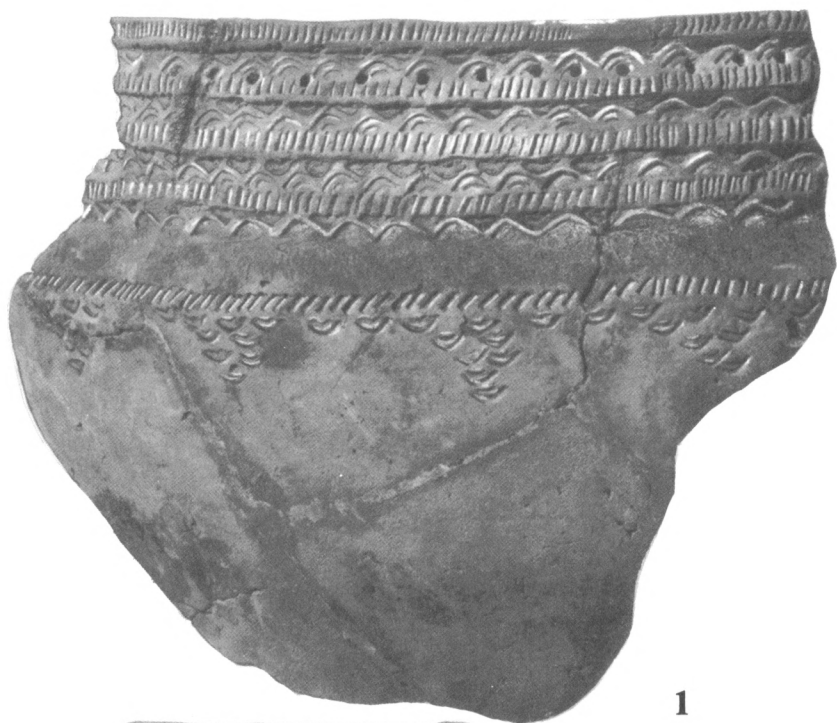
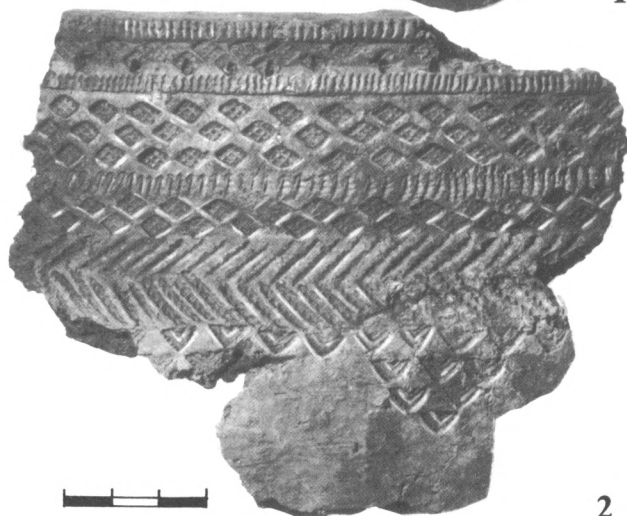

Рис.43. Сосуды сузгунской (1-раскоп II, вал, грабительский шурф, 2-сосе 1, жил. I, уч. Б/4) и потчевашской культур (3-сос. 137 из землянки I).

1

2

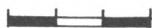

Рис.44.Чудская Гора.Керамика потчевашской культуры из землянки I. 1-уч.А 22, 2-уч.А 20.

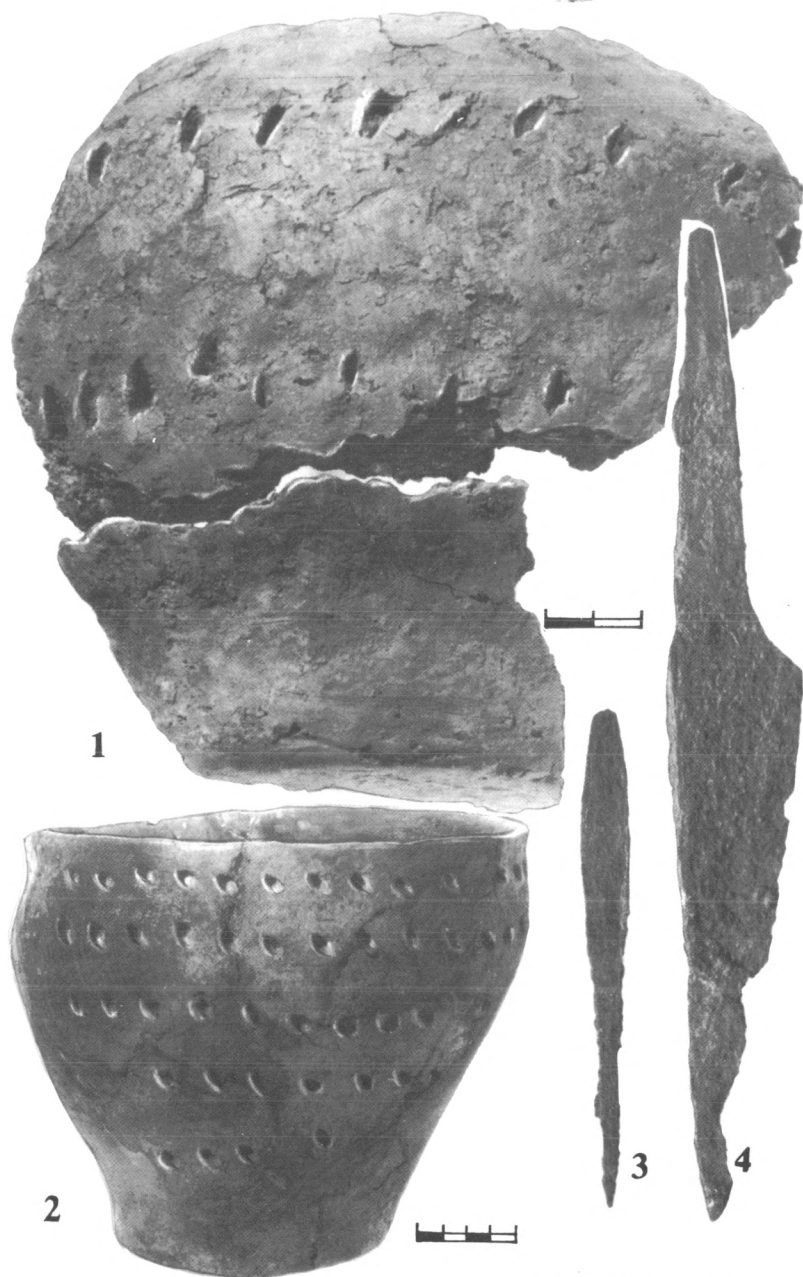
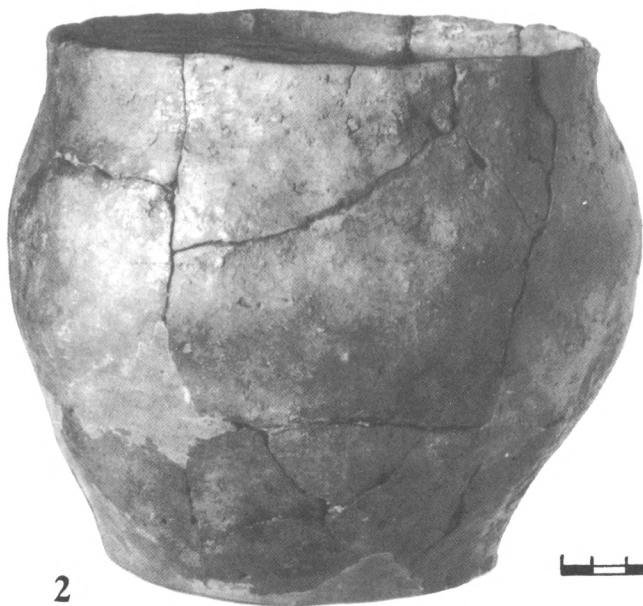

Рис.45. Чудская Гора. Керамика и изделия из железа эпохи позднего средневековья. 1-развал 3, уч.Г/4, очаг 4, 2-развал 1, уч.Г/6, 3-уч.Д/1, 4-уч.Б 7.

1

2

Рис.46. Чудская Гора. Сосуды эпохи позднего средневековья. 1-развал 1. уч.Б 4, яма 5, 2-развал 11, уч.Г/3.

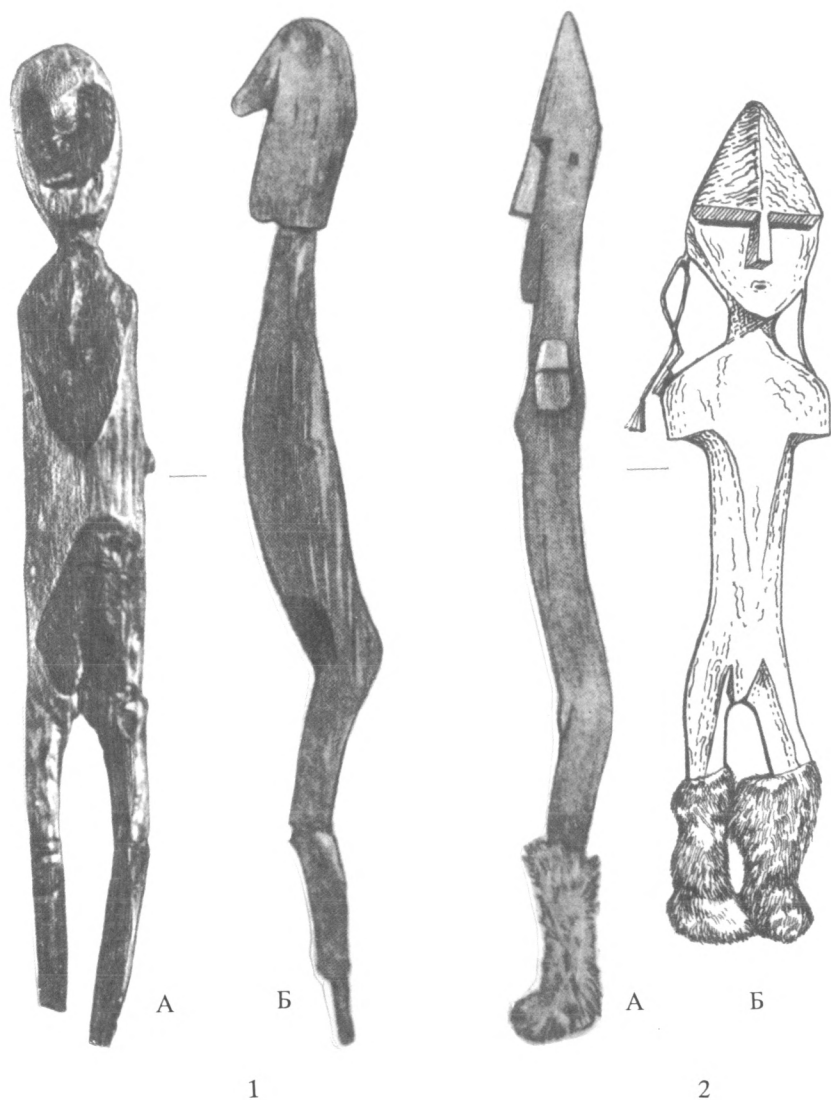
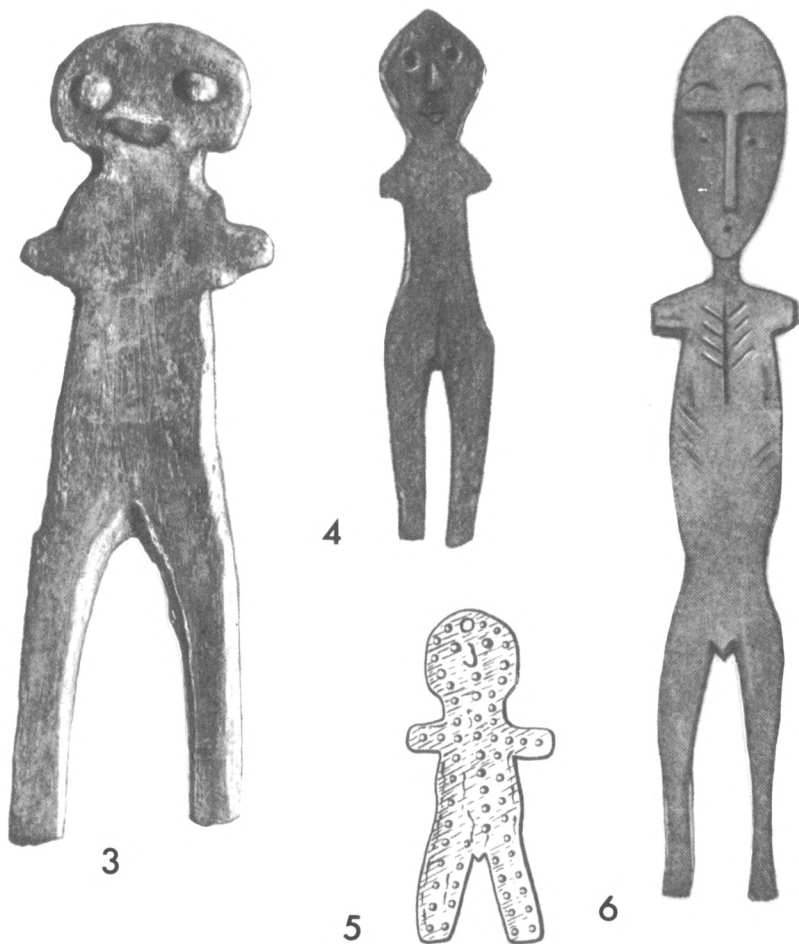

Рис.47. Древняя и современная скульптура.

1 — Горбуновский торфяник (Эдинг Д.Н., 1937): а — вид спереди, б — вид сбоку; изображение женщины, 4 — изображение служанки "хозяйки воды", 5 — неба (по другим данным — земли), младший сын "хозяйки островов"; 3 — Высота: 1 — 135 см; 2 — 28 см; 3 — 8 см; 4 — 10 см; 5 — 5 см.

,4,6-васюганские ханты, 5-авамские нганасаны (Иванов С.В., 1970): 2-одвеска от шаманского костюма для камлания духам нижнего мира, 6-дух Гудская Гора.
 ,2,6-дерево; 3-бронза; 4-олово; 5-железо.

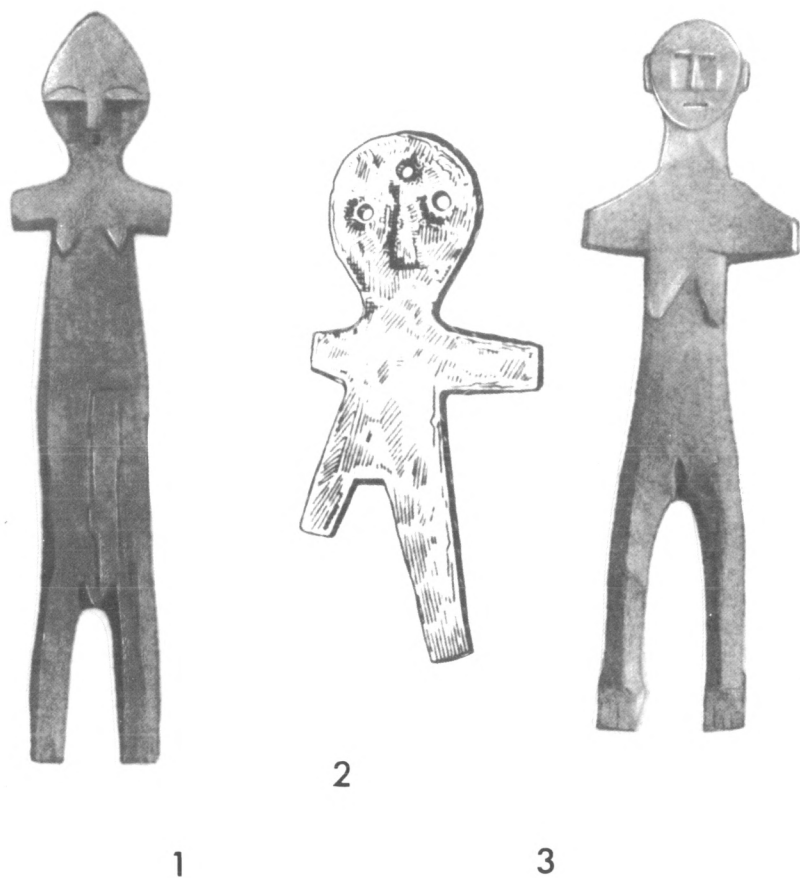

Рис.48. Современная скульптура (Иванов С.В., 1970).

1-васюганские ханты, изображение женщины; 2-туруханские эвенки, фигура злого духа; 3-нарымские селькупы, изображение женщины предка и женского духа природы;

А

Б

4

4-берёзовские ненцы, изображение покровительницы женщин,
семьи и "хозяйки" чума: а - в одежде, б - без одежды.
Высота: 1-25см; 2-3см; 4-40см.
1,3,4-дерево; 2-железо.

Оглавление

Введение (3)

Глава I. Городище Чудская Гора (5)

Характеристика памятника (5). - Стратиграфия (10). - Поселение эпохи бронзы (I строительный горизонт): жилые сооружения (16); межжилищное пространство (33); о застройке и сооружениях сузгунского поселка (34); характеристика инвентаря (40); хронология сузгунского поселения (67). - Чудская Гора в средние века: укрепленное поселение потчевашской культуры (II строительный горизонт) (70); поселение сибирских татар (III строительный горизонт) (74).

Глава II. Особенности функционирования сузгунского поселка (78)

Глава III. О некоторых проблемах сузгунской культуры (92)

Ареал (95) - О топографии и характере памятников (95). - Домостроительство (100). - Фортификационное дело (101). - Погребальный обряд (102). - Хозяйственно-бытовой уклад (104). - Бронзолитейное производство (106). - Керамика (107). - Проблемы происхождения. Гребенчато-ямочный компонент и древности одиновского типа (109) - Предсузгунские комплексы (113). - Об андроновском влиянии (114). - Пахомовский компонент сузгунской культуры (117). - Сузгунская и ирменская культуры (121). - Связи с южными культурами (124). - Связи с культурами лесного Обь-Иртышья (129). - О барабинском локальном варианте (132). - Хронология сузгунской культуры (133).

Заключение (135)

Список сокращений (138)

Литература (139)

Иллюстрации (152)

Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы.

ЛР №040111 от 14.10.91

**Формат 60 × 88/16. Бумага офсетная №1. Печать офсетная. Усл. п. л. 13,0.
Тираж 1000 экз. Заказ № 2190**

**Издательство ПАИМС
117419, Москва, а/я 37**

**АООТ типография "Новости"
107005, Москва, ул. Ф.Энгельса, 46**